

М 86
68

нет оценок

ПРИЗРАКИ

801-14
3201

РАЗСКАЗЪ
ФАУСТА БАУМГАРТЕНА

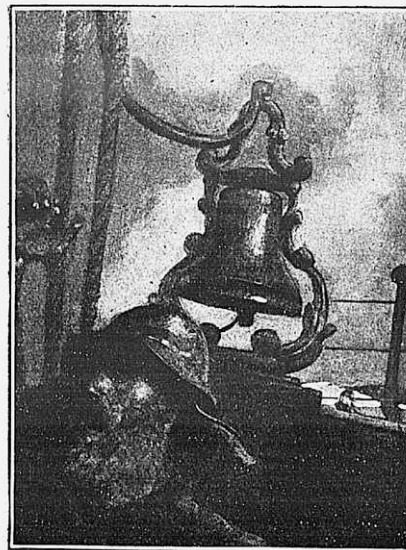
4
640

И ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-17781
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1912.

ПРИЗРАКИ.

Разсказъ фауста Баумгартена.

и самымъ старымъ, и самымъ опытнымъ.

Первые двѣ трети пути прошли для насъ сравнительно благополучно.

А потомъ и началось, и поѣхало!

Началось съ того, что наше судно попало въ полосу полного штиля и застряло на одномъ мѣстѣ.

Это, въ сущности, было бы еще не столь большою бѣдою, потому что и провизии, и воды было съ нами въ избыткѣ; случись что, мы могли бы спокойно потерять хоть мѣсяць, хотя полтора, а то и два.

Правда, арматорамъ не очень пріятно, когда кончится плаваніе судна и его грузъ изъ трюмовъ сдать въ пакгаузы, производить подсчетъ прибылей и убытковъ и откладывать порядочную сумму на уплату содержанія командѣ въ двадцать человѣкъ за все то время, покуда судно безъ толку для себя и безъ пользы для хозяевъ болталось гдѣ-то, Богъ знаетъ гдѣ.

Но каждый арматоръ, отправляя въ море парусное судно, долженъ заранее учитывать возможность запозданія на нѣсколько недѣль по той или иной причинѣ: то буря, съ которою паруснику справиться не подъ силу, унесетъ его безконечно далеко въ сторону отъ надлежащаго пути слѣдованія, то противные вѣтры, словно шути, начинаютъ играть съ судномъ, не подпуская его къ порту назначенія. Хитрить капитанъ, выбивается изъ силъ вся команда, лавируя и такъ и сякъ, переходя съ одного гальса на другой, подставляя противному вѣтру то правый бокъ, то лѣвый. Чертыается командиръ, ворчитъ команда, а вѣтру и горюшка мало:

А, это былъ рейсъ, доложу я вамъ! Тогда я плавалъ въ общемъ уже семь съ лишнимъ лѣтъ и побывалъ вездѣ, гдѣ можетъ побывать въ морѣ вѣкъ морякъ.

И наглядѣлся я предостаточно.

Но такого рейса я еще не переживалъ ни разу.

И, главное, этотъ звонъ, этотъ проклятый таинственный звонъ, положительно сводившій всю команду моей «Трины» съ ума, а меня доводившій до бѣшенства.

И карканье плотника, шотландца Макэнзи, прослывшаго среди моихъ матросовъ ясновидящимъ.

Ему, этому старому шотландцу, мои ребята вѣрили, какъ какому-нибудь пророку. И пользовался онъ огромнымъ влияніемъ на нихъ, доходившимъ до такихъ размѣровъ, что, пожелаей Макэнзи, моя команда повиновалась бы не мнѣ, а ему.

Шли мы въ тотъ разъ изъ Галифакса въ Христіанію, грузомъ нашимъ была партія канадскихъ мѣховъ, а всей команды на нашей трехмачтовой баркѣ было около двадцати человѣкъ, изъ которыхъ вышеупомянутый Макэнзи былъ

На Суднѣ и на Морѣ. Кн. 7.

2014333978

дуетъ онъ себѣ прямо въ лобъ злополучному судну и заставляетъ его, чтобы подвинуться въ день на двадцать километровъ впередъ, дѣлать зигзаги, выписывать хитроумнѣйшіе вѣззели, пытаясь все время какъ-нибудь обмануть капризнаго Зюла, бога воздушной стихіи.

Но это еще что!

Хоть и лавируя, все-таки, движешься понемножку.

А бури обыкновенно кратковременны: налетитъ, напумитъ и умчитъ вдаль, если, конечно, не потопитъ, то жаловаться на нее не приходится. Ну, истреплетъ, конечно, судно. Изорветъ въ клочья паруса, если ты не успѣешь во-время убрать ихъ, а то и попросту свалитъ за бортъ какую-нибудь мачту, порвавъ крѣпкія снасти, словно паутину, смоешь волнами съ палубы все, что плохо лежитъ. А потомъ и успокоишься и тебя оставитъ въ покоѣ.

Да, когда свирѣпствуетъ буря, моряку, по крайней мѣрѣ, не до думъ ни о чемъ другомъ, какъ только о томъ, какъ бы не погибнуть.

А вотъ не угодно ли, когда парусное судно форменно заштилюетъ? Иной разъ штиль захватитъ корабль совсѣмъ въ виду берега. Въ виду даже гавани.

Вотъ, вотъ, рукой подать.

Видна земля. Днемъ различаешь пестрые свѣтлыя или темныя пятна — это колоссальные людскіе муравейники, города. Ночью сквозь легкій туманъ ясно видишь безчисленные огоньки городскихъ фонарей, своего рода подобіе свѣтящагося тумана Млечнаго Пути.

А твое судно маячить и маячить на одномъ и томъ же мѣстѣ...

Скучно невыразимо.

Да оно и понятно: морякъ привыкъ къ самой кипучей дѣятельности, какая только существуетъ на бѣломъ свѣтѣ. Онъ привыкъ постоянно держаться на чеку, быть на все готовымъ. И пить и ѣсть походя. И спать, какъ говорится, «на тычкѣ», чтобы въ любой моментъ быть готовымъ турманомъ вылетѣть изъ койки и мчаться сломя голову на палубу, потому, что только что боцманская дудка, какъ говорится, «въсѣхъ наверхъ вывистывала», то-есть

созывала на такъ называемыя общія или авральныя работы.

И вотъ, когда судно штилюетъ, матросы томятся и изнываютъ отъ вынужденнаго бездѣлья и тяготятся имъ больше, чѣмъ самою тяжелою работою.

Счастливы, кто можетъ убивать время сномъ. Но далеко не у всѣхъ развитъ эта завидная способность дрыхнуть, какъ дрыхнуть сурки!

Ну, вотъ моя «Трина» попала именно въ такую непріятную передѣлку, когда мы были километрахъ въ пяти-или-шести отъ береговъ Скандинавскаго полуострова: заштилевала.

Да это было бы, говорю, еще съ полбѣды, если бы къ штилю не присоедилился проклятый туманъ, Богъ вѣсть откуда пригнанный совсѣмъ незамѣтнымъ вѣтромъ.

И вотъ застыли мы на одномъ мѣстѣ. Кругомъ туманъ. Зги, какъ говорится, не видно.

Въ первый же день этого пребывания въ туманѣ едва не погинула наша рейсъ: послышались откуда-то тревожные гудки парохода, явно мчащагося, не обращая вниманія на туманъ, на всѣхъ паряхъ.

Мы отозвались на гудки установленными сигналами, то-есть пускали ракеты, потому что дѣло было въ сумеркахъ, зажгли фальшфейеръ на носу. Я стрѣлялъ отъ времени до времени изъ револьвера. И, разумеется, кромѣ всего прочаго, непрерывно звонили. Все это помогло очень мало, надо признаться.

Въ то самое время, когда тревожные, предупреждающіе о близости куда-то бѣгущаго парохода гудки, казалось, нѣсколько ослабѣли, то-есть являлось возможнымъ предполагать, что пароходъ не приближается, а удаляется отъ нашего курса, колоссальный темный силуэтъ показался въ самомъ близкомъ разстояніи отъ нашей злополучной «Трины».

Будь бы хоть малѣйшій вѣтеръ, «Трина» шла бы, двигалась и, понятно, слушалась бы руля.

Но она штилевала, то-есть плясала, какъ пробка, по волѣ волнъ, и руль за ея кормомъ могъ оказать ей не боль-

шую услугу, какъ шлейфъ шелковаго платья какой-нибудь модницы, волочащейся по грязному тротуару: «Трина» не повиновалась рулю, и, значить, мы не могли прибѣгнуть къ его помощи, чтобы свернуть въ сторону, чтобы увернуться отъ стальнаго форштевня гигантскаго парохода, мчавшагося на насъ.

Но на этотъ разъ насъ Богъ милостивъ.

Не знаю, успѣлъ ли пароходъ во время измѣнить свой курсъ, или попросту намъ не суждено было съ нимъ столкнуться, только темная масса пронеслась, словно метеоръ, мимо насъ, за кормомъ «Трины», едва не срѣзавъ корму, то-есть едва не потопивъ «Трину», какъ говорится, со всѣми ея потрохами.

При этомъ пароходъ развелъ такое волненіе, что наша барка заплесала ужъ совсѣмъ неистово, закрутилась, словно танцующій дервишъ, и легла на бокъ.

Едва опомнились мы отъ этого пріятнаго приключенія, какъ начался проклятый, будоражившій всѣ нервы, выматывающій душу таинственный звонъ.

Гдѣ-то, должно-быть, не очень далеко, но и не очень близко отъ насъ, билъ колоколь.

Звуки то разрастались, то слабѣли, замирали, почти совсѣмъ прекращались, чтобы черезъ четверть часа снова усилиться, звучать такъ громко и властно, какъ будто кто-то билъ въ колоколь въ десяткѣ сажений отъ насъ.

Раскройте географическій атласъ, посмотрите на карту, изображающую эту часть Атлантическаго океана сѣвернѣе самаго сѣвернаго изъ британскихъ острововъ, отъ которыхъ мы были отдѣлены все еще огромнымъ пространствомъ, и вы увидите, что на картѣ тутъ не значится ни хвостика земли.

Нѣтъ ни материка, ни острововъ, нѣтъ, наконецъ, даже какихъ-нибудь банокъ. Чистое море, и больше ничего.

По крайней мѣрѣ, въ полдень предшествующаго дня, когда я производилъ измѣренія, мои вычисленія показывали, что до ближайшаго пункта твердой земли, будь онъ величиною хотя бы съ носовой платокъ, было около пятидесяти километровъ.

Правда, за тѣ тридцать часовъ, что отдѣляли насъ отъ момента послѣдняго измѣренія, насъ могло отнести въ сторону теченіемъ. Но теченія въ этихъ мѣстахъ отноди не такъ ужъ быстры, чтобы пронести заштилевашее судно по двадцать километровъ въ часъ...

Нѣтъ, нѣтъ!

Мы штилевали, и я готовъ былъ держать пари, что за все это время если приблизились къ землѣ, то всего на какую-нибудь полсотню километровъ.

И, однако, мы слышали гдѣ-то вблизи колокольный звонъ.

Что могъ онъ означать?

Можетъ-быть, сигнальный колоколь на другомъ, подобно намъ, заблудившемся въ туманѣ суднѣ?

Но если тамъ, въ волнахъ тумана, есть другое судно, на немъ должны быть люди. Они должны слышать наши выстрѣлы, они должны такъ или иначе отвѣтить на наши сигналы, подать тѣ или иные признаки жизни.

Но они молчатъ.

Они не стрѣляютъ въ отвѣтъ на наши выстрѣлы. Они не зажигаютъ огней, которые помогли бы намъ ориентироваться, разглядѣть, гдѣ же, наконецъ, находится ихъ судно.

Наконецъ вѣдь существуетъ же довольно простой и всѣмъ морякамъ океанскихъ судовъ извѣстный способъ переговариваться при помощи своего рода колокольнаго телеграфа, то-есть колота въ большой колоколь съ опредѣленными интервалами: звукъ *a* — одинъ ударъ; *b* — два удара, слѣдующихъ быстро одинъ за другимъ; *c* — три такихъ же удара; *d* — два удара, интервалъ, опять два удара.

И такъ далѣе.

Мы были въ колоколъ и этимъ манеромъ, но толку отъ этого не было.

Таинственный колоколь попрежнему безпорядочно звонилъ безъ всякой системы; звуки, то усиливаясь, то замирая, то приближаясь какъ будто къ намъ, то уходя куда-то въ сторону, оставались совершенно хаотичными.

— Слово корова по горамъ бродить! — опредѣлитъ характеръ этихъ звуковъ стоявшій на рулѣ старый матросъ, Дюрингъ. — Знаете, командиръ

ей Богу, какъ корова съ колокольчикомъ на шеѣ. У насъ такъ всегда дѣлаютъ, чтобы какая-нибудь Буренка или Пеструшка не заблудилась въ перелѣскѣ: навязжутъ ей колокольчикъ, и какъ только она пошевельнется, — а вѣдь корова только тогда и не шевелится, когда спитъ въ своемъ стойлѣ, — колокольчикъ выпѣваетъ свое неугомонное «динь-динь», и опытная хозяйка по характеру звуковъ отлично угадываетъ, чѣмъ въ данный моментъ занята ея корова: ѣсть ли она, пощипывая траву съ луга, бредетъ ли вдоль изгороди, обзирая окрестности, или облизываетъ шершавымъ языкомъ собственные бока. Держу пари, что это корова!

— Помолчи, Дюрингъ! — остановилъ я рулевого. — Вѣдь коровы-то тутъ быть не можетъ, самъ знаешь? Такъ что же объ этомъ и болтать.

Матросъ сконфузился, почесалъ затылокъ.

— Да, командиръ, коровы-то, конечно, тутъ нѣтъ! Откуда ей взяться въ открытомъ морѣ? Но какъ-то вспомнилось мнѣ все, знаете, прошлое... когда жилъ я еще, мальчонкою, на одной фермѣ въ Силезіи. Давно это было, командиръ...

Я оставилъ Дюринга на досугѣ предаваться воспоминаніямъ о томъ невозвратномъ времени, когда онъ, босоногій мальчуганъ, вихремъ леталъ по топкимъ лугамъ или карабкался по вѣтвямъ деревь безконечно далекаго, но родного края, а самъ прошелъ на носъ, къ бугшприту.

Тамъ я наткнулся на Макэнзи.

— Какъ вамъ нравится этотъ звонъ, Макъ? — спросилъ я его.

— Охъ, не нравится, никакъ не нравится, капитанъ! — отозвался онъ угрюмо.

— Это почему?

— Потому что...

— Ну?

— Потому что это, капитанъ, не къ добру!

— То-есть?

— Не къ добру, капитанъ! Плохое предвѣщаніе!

— Стыдитесь, Макъ! Вы — старый морякъ, побывавшій подъ всѣми широтами, и, вдругъ...

— Вотъ поэтому-то и говорю я такъ, командиръ, — съ чувствомъ собственного достоинства отозвался шотландецъ, что я не какой-нибудь молокососъ, а, слава Создателю, полѣвка на морѣ провелъ! Научился я кое-чему!

— Чему же вы научились по отношенію, скажемъ, къ данному явленію? — спросилъ я.

Морякъ вынулъ изъ почти уже беззубаго рта свою насквозь прокуренную глиняную трубку съ изображеніемъ головы Кромвелля, посмотрѣлъ на ея дышникъ, какъ будто ища отвѣта въ кучкѣ табачнаго пепла на днѣ трубки, потомъ, повидимому, совершенно машинально, позабывъ, что трубка-то погасла, ибо табакъ давно прогорѣлъ, сунулъ трубку опять въ ротъ.

— Скверно, командиръ! — вымолвилъ онъ послѣ долгаго — таки молчанія. — Очень даже скверно!

— Да вы не изрекайте такихъ премудростей. Знаю, что на морѣ многое просто скверно, иное очень скверно, а иное очень и очень даже скверно. Но что означаетъ этотъ проклятый звонъ, который словно привязался къ нашему хвосту? Вонъ Дюрингъ утѣраетъ, что это похоже на корову, бродящую по лугу съ колокольчикомъ на шеѣ!

— Дюрингъ? — отозвался старикъ-шотландецъ, опять вынимая изъ рта потухшую трубку и энергично сплевывая на палубу.

— Да, Дюрингъ! — отвѣтилъ я.

— Дюрингъ? Никогда не думалъ, что Дюрингъ такой дуракъ, сэръ! Выдумалъ же такое? Корова пасется посреди Атлантического океана. Хо-хо-хо! Корова, съ колокольчикомъ на шеѣ? Ха-ха-ха!

— Положимъ, — попытался я остановить плотника, — что Дюрингъ сказалъ нелѣпость. Но вы-то какое объясненіе дадите этому явленію?

— Какому, сэръ?

— Да звону, чортъ побери!

— Такъ это же, сэръ, не во гнѣвъ будь сказано вашей милости, вовсе не «явленіе»!

— А что же такое?

— Призракъ!

— Призракъ?

— Да, конечно же, сэръ! Самый настоящий, самый неподдѣльный призракъ, и будь я повѣшенъ вверхъ ногами на гротъ-мачтѣ, если это не призракъ!

— Стыдитесь, Макэнзи! Вы, культурный человѣкъ, и вдругъ...

— Ну, это вы оставьте, сэръ! Положимъ, вы хотите польстить мнѣ, называя меня культурнымъ человѣкомъ, хотя я не болѣе, какъ еле-еле грамотный корабельный плотникъ!

— Вы постоянно газеты покупаете, книги! У васъ сынъ въ Оксфордѣ!

— Это все такъ, такъ, командиръ! Но если бы я даже былъ во сто разъ культурнѣе, чѣмъ я есть на самомъ дѣлѣ, то, извините, это ничему не помѣшало бы! То-есть не помѣшало бы мнѣ свято и непоколебимо вѣрить тому, во что я вѣрю съ дѣтства, какъ прирожденный шотландецъ, сэръ!

— То-есть въ призраки?

— Да, въ призраки!

— Но почему вы при этомъ ссылаетесь на ваше шотландское происхожденіе, Макъ?

— Потому, сэръ, что оно играетъ извѣстную, и, если хотите, очень даже большую роль въ данномъ дѣлѣ.

— То-есть въ вашей «святой и непоколебимой» вѣрѣ въ привидѣнія?

— Такъ точно, командиръ! Да вы вѣдь Тома Невѣрный! Вы только смѣетесь, когда съ вами на такую тему заговорить.

«А вы знаете, почему именно я газеты-то покупаю?

— Нѣтъ, не знаю! Думаю, для того, чтобы ихъ читать, попросту?

— Вотъ и не угадали, сэръ! Конечно, газеты-то я читаю. Но вы думаете, стану я интересоваться тѣмъ, что въ парламентѣ либералы или радикалы съ консерваторами перекоряются? Или о томъ, какъ у такого-то иностраннаго посла балъ былъ? Или о томъ, что будетъ строиться такой-то каналъ, такая-то желѣзная дорога?

«Нѣтъ, жестоко вы ошибаетесь, сэръ, если такъ именно думаете о томъ, что я именно ищу въ газетахъ!

— Да что же вы ищете, Макъ?

— Исторію о привидѣніяхъ и таинственныхъ призракахъ! Вотъ что я ищу, сэръ!

— И часто находите?

— Очень часто, сэръ! Вотъ, хотя бы случай съ жилищемъ доктора Криппена, сэръ!

— Это какой случай? И о какомъ Криппенѣ идетъ рѣчь?

— О томъ самомъ, который былъ на голову короче сдѣланъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, сэръ! Помните? Ну, онъ ухлопалъ свою жену, потомъ изрѣзалъ

Темная масса пронеслась словно метеоръ.

на куски ея тѣло. Онъ вѣдь былъ искуснымъ хирургомъ, хотя по профессіи и былъ только дантистомъ...

— Помню эту исторію! — отозвался я. — Криппенъ, перерядившись, бѣжалъ послѣ убійства въ Америку, но сыщики пронюхали, снеслись по безпроводному телеграфу съ капитаномъ того парохода, на которомъ подозрѣвали присутствіе доктора Криппена и присоединившейся къ нему одной молодой дѣвушки, передѣтой мальчикомъ; надъ Криппеномъ былъ установленъ надзоръ, и по прибытіи его въ

Нью-Йорк и он и его спутница в костюме мальчика оба были арестованы.

«Ну, да. Потом их судили. Ее оправдали, его приговорили к смертной казни, и казнили.

— Но при чем же тут его жилище, Макс?

— А притом, сэр! Дело в том, что теперь это жилище перешло в собственность призраков. Да, да, сэр! Не делайте таких больших глаз и не глядите на меня так, как будто хотите глазами съест старого Мака! Вы лучше прочтите, что «Таймс» об этом казусе напечатал! Вот цѣлая статья!

«А вот «Дэли-Кроникль». А вот «Стандарт»...

— Да у вас цѣлая коллекция, Макс! — изумился я, видя, что шотландец вытаскивает из десятка карманов длинные и узкие полосы сфороватой бумаги, то-есть так называемые «вырѣзки» газетных статей, посвященных странным явлениям в доме казенного в 1910 году в Лондонѣ дантиста Криппена.

— Да, конечно, цѣлая коллекция, сэр! — с гордостью отозвался шотландец. — Потому что это — самый, так сказать, свѣжій случай подобного рода, если не считать черной собаки мистрис Кобден из Эбердина! Хотя в обоих случаях, и в деле Криппена и в деле Кобден, есть нечто, сэр, общее!

— То-есть?

— Появление призраков в виде животных, и притом не каких-нибудь, а именно черных животных: у Криппена в виде гигантской черной кошки, у миссис Кобден в виде чудовищной черной собаки!

— В родѣ собаки Баскервиллей? — невольно засмѣялся я.

— Не смѣйтесь, сэр! — поучительно поднял вверх корявый палец мой старый плотник. — Не смѣйтесь, говорю я вам!

«Легко отрицать существование сверхъестественного, когда попросту закрываешь глаза на таинственные явления, засвидѣтельствованные тысячами современников!

— Уже и тысячами?! — усомнился я.

— Да, тысячами, сэр! Во всяком случае, если вы читали послѣднія газеты Лондона, сэр, то вы знаете, что странные явления в доме казенного доктора Криппена удостоверены уже цѣлою толпою очевидцев.

— Не читалъ, не знаю!

— То-то и есть! Но вы прочтете! А покуда я вам вкратцѣ сообщу, что там происходит!

«Какой-то артист, видите ли, соблазнившись дешевою цѣною дома Криппена, приобрѣлъ этот дом и поселился в нем. Но что же вышло?

— Да, что вышло?

— А вышло то, сэр, что в домѣ раздавался неистовый стук, и именно около полуночи. Кто-то ломился въ дверь.

— Дух Криппена, что ли, оставшийся безъ квартиры?

— Не смѣйтесь, сэр! Дух ли Криппена, или какой-нибудь другой, но фактъ тотъ, что артист-то, перепуганный до смерти появлением в наглухо запертыхъ комнатахъ дома черной кошки съ горящими огнемъ глазами, сбѣжал изъ дому!

— Быть не можетъ?! Изъ-за призраковъ? Изъ-за какой-то заблудившейся кошки?

— Да, да, сэр! Сбѣжалъ, хотя раньше, не во гнѣвъ будъ сказано: вашей милости, онъ былъ такимъ же отчаяннымъ скептикомъ, какъ и вы! Но этого мало, сэр! Вы послушайте дальше!

— Развѣ есть и продолжение?

— Конечно же, есть! В домѣ Криппена поселился какой-то лишенный крова ремесленникъ съ семьей. Но онъ выдержалъ только одну ночь, потому что вся его семья, включая маленькихъ и ужъ, во всякомъ случаѣ, еще ничего не знающихъ о призракахъ дѣтей, была напугана до смерти, сэр, тѣмъ же самыми необъяснимыми стуками, тѣмъ, что кто-то невидимый отчаянно ломился въ дверь. Онъ сбѣжалъ, какъ и артист. И эти стуки, крики, стоны, вздохи невидимыхъ существъ засвидѣтельствованы не только сосѣдями ремесленника, прибѣжавшими на

его крикъ о помощи, но и констеблями, сэр!

«Вы только прочтите! Все это подробнѣйшимъ образомъ рассказано в тѣхъ вырѣзкахъ, которые вы держите в рукахъ!

«Что же касается случая Кобден, имѣвшего мѣсто в мартѣ 1911 г. в Эбердинѣ, то долженъ вамъ сказать, сэр...

— Пойдите, Макс! Я вовсе не собираюсь препираться съ вами на эту столь обширную тему, какъ вопросъ, существуютъ ли духи в образѣ черныхъ кошекъ съ зелеными огненными глазами, гигантской собаки и такъ далѣ! Меня интересуетъ знать, какое объяснение вы придаете тому проклятому звону, который мы всѣ слышимъ вотъ ужъ три или четыре часа!

«Вы сказали, что это скверное предвѣщаніе!

«Пусть будетъ по-вашему, хотя, предупреждаю, я ни на грошъ не вѣрю во всѣ предвѣщанія, предзнаменования, примѣты и такъ далѣ...

— Потому что вы нѣмецъ, а не шотландецъ!

— Пусть такъ! Не будемъ спорить! Вы лучше позабудьте о «черной кошке» и «гигантской собаке», а скажите, что вы думаете о преслѣдующемъ насъ звонѣ!

Вмѣсто отвѣта, Макэнзи самъ задалъ мнѣ вопросъ:

— Бывали вы в алжирскихъ портахъ, сэр?

— Былъ разъ в самомъ Алжирѣ.

— Слышали вы что-нибудь о «звонѣ в пустынь»?

— Что-то слышалъ, но...

— Но не помните? Гмъ! Потому что не желаете знать подобныхъ вещей?

— Да бросьте вы, Макс, читать правдоу! Вы не пасторъ! Говорите лучше, что такое «звонъ в пустынь»!

— Никто не знаетъ этого, сэр!

— Такъ о чемъ же тогда и говорить, если никто не знаетъ, что это за штука?! — съ досадою отозвался я.

— Нѣтъ, ваша милость, говорить есть о чемъ! — потирая переносицу и опять заглядывая в потухшую трубку, отвѣ-

тилъ шотландецъ. — Говорить есть-таки что!

«Видите ли, первымъ деломъ, звонъ этотъ слышать сравнительно рѣдко. Слышать его переходящія изъ одного оазиса въ другой караваны. И тогда среди членовъ такого услышавшаго «звонъ в пустынь» каравана начинается, сэр, паника!

— Почему?

— Очень просто! Потому что этотъ звонъ все равно, что погребальный звонъ, сэр! Пустыня хоронитъ кого-то, и надъ его могилою звонятъ таинственный колоколь.

«Но штука-то еще сложнѣе: при обыкновенныхъ, такъ сказать, человѣческихъ условіяхъ погребальный звонъ раздается послѣ смерти человѣка. А тутъ, в пустынь, передъ смертью намѣченной пустынею жертвы.

«Такъ что, сэр, можете судить сами, какое впечатлѣніе производитъ этотъ «звонъ в пустынь» на людей, находящихся в такомъ злополучномъ караванѣ!

«Каждому вѣдь, будь онъ христіанинъ, мусульманинъ или язычникъ, жизнь дорога, и каждому помреть не хочется!

«А в то же время каждый можетъ, такъ сказать, принять на свой счетъ таинственное предупреждение, этотъ «Голосъ смерти»...

«Ну, и начинается, какъ я сказалъ, своего рода паника. Если люди могутъ, они разбѣгаются в разные стороны, только бы не слышать звуковъ «голоса смерти» или «звона в пустынь».

— А если не разбѣгутся?

— Разбѣгутся, нѣтъ ли, — это, сэр, все равно!

— Почему, Макс?

— Да потому, что звонъ-то не прекращается, не умолкаетъ, покуда не свершится то, что предопредѣлено судьбою, то-есть покуда не погибнетъ тотъ, надъ чьею будущею могилою звучитъ «колоколь пустыни». И это не заставляетъ долго ждать себя: обыкновенно, катастрофа совершается не позже двадцати четырехъ часовъ съ того момента, когда въ первый разъ люди каравана слышатъ «голосъ смерти». Такъ-то,

сэрз! Я лично зналъ одного караванъ-баши, который дважды слышалъ этотъ самый таинственный звонъ, сэрз!

— Вы знали?

— Да!

— Живымъ?

— Конечно, сэрз!

— Но если онъ слышалъ «звонъ въ пустынь», то, по вашимъ же словамъ, онъ былъ осужденъ на гибель въ теченіе сутокъ! Вы противорѣчите самому себѣ!

— Ничуть даже, ваша милость! — воскликнулъ явно задѣтый за живое старикъ. — Ничуть даже! Я настоящимъ англійскимъ языкомъ сказалъ вамъ, что слышитъ эти звуки обыкновенно весь караванъ. Но служить онъ предназначениемъ не всѣмъ, а только нѣкоторымъ. Часто даже одному только человеку изъ цѣлой сотни людей, находящихся въ караванѣ. Да если вы хотите ближе познакомиться съ этимъ вопросомъ, то лучше прочтите одну статью...

И Макэнзи опять принялся рыться въ своихъ бездонныхъ карманахъ, очевидно, переполненныхъ чрезвычайно богатымъ матеріаломъ по этой части.

Но мнѣ уже немного наскучило все это, и я остановилъ его поиски, сказавъ: — Въ другой разъ, Макъ! Лучше вы вспомните то, о чемъ мы говорили!

— То-есть, сэрз?

— Ну, объ этомъ проклятомъ звонѣ!

Старикъ помолчалъ, прислушиваясь къ ясно доносившимся до насъ, хотя и нѣсколько слабымъ звукамъ, таинственного колокольного звона съ безпредѣльного морского простора.

Подумавъ, онъ отвѣтилъ рѣшительно:

— Полагаю, сэрз, что это то же самое! То-есть это тотъ же «звонъ въ пустынь», но его будетъ правильнѣе назвать «звономъ въ морѣ».

— И что онъ обозначаетъ?

— То же самое! То-есть что кому-нибудь изъ насъ, слышавшихъ эти звуки, суждено, сэрз, лечь въ могилу не позже двадцати четырехъ часовъ отъ начала звона. А такъ какъ мы его слышимъ уже добрыхъ три часа, то, значитъ, осталось не больше двадцати одного часа. Можетъ-быть, чья-нибудь судьба исполнится и раньше!

Старикъ опять принялся рыться въ пенстоимыхъ карманахъ, намѣреваясь снабдить меня цѣлымъ трактатомъ о томъ, въ какіе именно сроки исполняются извѣстные предзнаменования, но я отдѣлался отъ него и ушелъ на корму.

А проклятый «звонъ съ моря» все несея и несея надъ водяною равниною. Эти странные, жалобные, словно плачущіе звуки преслѣдовали меня повсюду.

Я спустился въ каюту, и тамъ я слышалъ звонъ. Слабый, полусагмущенный, но напряженные нервы словно нарочно улавливали теперь самые незамѣтные звуки и неумолимо отмѣчали ихъ въ усталомъ мозгу...

— Звонить! — скрипя зубами, сознавался я самъ себѣ. Звонить и звонить! Четвертый часъ подъ рядъ!

И невольно мрачныя мысли овладѣвали мною.

Я думалъ о моей родинѣ, о родномъ городкѣ, гдѣ меня ждетъ моя старуха-мать.

И я думалъ о томъ: если, въ самомъ дѣлѣ, допустить, что таинственный звонъ предвѣщаетъ чью-нибудь гибель, то... то не мнѣ ли суждено умереть не позже, какъ къ вечеру слѣдующаго дня? Потомъ мнѣ стало досадно на эти мысли.

Господи!

Вѣдь рассказовъ я на своемъ вѣку слышалъ много, и самыхъ фантастичныхъ. Но или отъ людей, которые сами сознавались, что они лично тоже отъ кого-то слышали, а не переживали рассказанное, или отъ такихъ, которые будто бы сами испытали нѣчто сверхъестественное. Но именно этимъ послѣднимъ, такъ сказать, очевидцамъ таинственныхъ явленій я не могъ вѣрить не только тогда, когда рѣчь шла о констатированіи чего-либо сверхъестественнаго, но...

Но и тогда, когда рѣчь шла о парѣ шиллинговъ, потребовавшихся такому рассказчику будто бы только потому, что онъ забылъ дома кошелекъ или не имѣетъ мелкихъ денегъ.

На мой взглядъ все это были мистификаторы, дурачившіе почтеннѣйшую публику, и больше ничего!

Я знаю, что въ природѣ есть много неразгаданнаго. Больше даже: природа полна загадокъ и чудесъ. Все, что мы видимъ, чудесно и загадочно!

Но не сверхъестественно, а только естественно.

Развѣ электричество не чудо?

Развѣ сѣверное сіяніе не тайна?

Развѣ радіумъ не загадка?

Но все это не мистическія явленія.

А господа, подобные моему Макэнзи, все окрашиваютъ въ мистическіе отѣнки.

Соль просыпалъ — мистицизмъ.

Съ лѣвой ноги всталъ — мистицизмъ.

Копка дорогу тебѣ перебѣжала — мистицизмъ.

Но это мистицизмъ ужъ очень вулгарнаго, такъ сказать, дикарскаго свойства, и онъ только смѣшонъ.

И, однако, почему же звонить этотъ проклятый колоколъ?

Динь-динь-динь-динь...

Динь-донь-динь-донь-динь-динь...

Уйти бы куда-нибудь, спрятаться, чтобы не слышать этихъ взвинчивающихъ нервы, будоражащихъ душу странныхъ, да, таинственныхъ звуковъ!

Но не согласенъ! Но не могу согласиться съ тѣмъ, что они имѣютъ какое-то сверхъестественное, мистическое значеніе! Разгадка, совершенно простая, совершенно рациональная, ничего мистическаго не имѣющая, должна же быть!

Я ея не знаю. Или, правильнѣе, я *покуда* не знаю, какъ разрѣшить странную загадку. *Покуда* не значить *никогда*. Можетъ-быть, черезъ часъ, черезъ десять, черезъ двадцать часовъ.

Двадцать?

Но вѣдь только что мы съ Макомъ говорили именно о томъ, что не позже, какъ черезъ двадцать часовъ должно случиться то неотвратимое, то, предсказываемое этимъ роковымъ таинственнымъ звономъ?

Однако я опять начинаю думать объ этихъ глупостяхъ?

Но вѣдь такъ и съ ума сойти недолго!

Нѣтъ! Такъ нельзя!

Надо опомниться, надо наконецъ взять себя въ руки и выкинуть изъ головы всю эту ерунду. А то, въ концѣ-кон-

цовъ, чѣмъ же я выше этого стараго суевѣра, болтающаго всякую чепуху и набивающаго карманы вырѣзками изъ явно раздувающихъ нездоровый интересъ общества безсовѣстныхъ репортеровъ газетъ бульварнаго пошиба?

Я встряхнулся и снова выбрался на палубу.

Тамъ, у гротъ-мачты, стояла цѣлая группа матросовъ, вполголоса переговаривавшихся о чемъ-то. При моемъ приближеніи они почему-то смолкли.

— Что случилось, ребята? — окликнулъ я ихъ.

— Ничего! — отозвался кто-то изъ ихъ среды.

— О чемъ же вы тутъ болтаете?

Смущенное молчаніе было отвѣтомъ на мой вопросъ.

О чемъ же, какъ не о таинственномъ звонѣ, преслѣдовавшемъ наше злополучное судно, могли переговариваться матросы?

И, въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ нихъ, помолчавъ немного, вымолвилъ:

— Душу вывертываетъ этотъ звонъ, капитанъ! Право же!

— А я что могу подѣлать? — пожалъ я плечами.

— Такъ-то такъ, а все же...

— Вотъ погодите! Можетъ-быть, туманъ расфѣется, можно будетъ оглядѣться вокругъ, поднять паруса, если будетъ хоть малѣйшій вѣтерокъ, и мы тогда уйдемъ отъ этого проклятаго мѣста, гдѣ слышится звонъ.

— Да, какъ же, уйдешь?! — проворчалъ кто-то. — Никуда отъ него не уйдешь, отъ этого мѣста. Всѣмъ намъ тутъ могила!

— Не болтать глупостей! — выйдя изъ себя, крикнулъ я. — Что вы — матросы или старыя суевѣрные бабы, боящіяся собственной тѣни?! Стыдитесь! Лучше займитесь какимъ-нибудь дѣломъ.

Матросы, ворча, разошлись. Но это меня не удовлетворило.

Скверно, знаете, когда всею командою начинается овладѣвать такое тревожное настроеніе. Тутъ ужъ слишкомъ недалеко до возникновенія паники по малѣйшему поводу. А что такое паника на суднѣ, на морѣ, думаю, объ этомъ излишне и говорить.

Вѣдь пидѣ, какъ на морскомъ просторѣ, жизнь человѣка не виситъ на такомъ тоненькомъ волоскѣ. Завѣваешься на мгновение, и все судно со всѣмъ, что на его борту находится, можетъ погибнуть во мгновение ока. И оглянуться не успеешь...

Проходя по палубѣ, я слышалъ, какъ въ какой-то кучкѣ матросовъ одинъ изъ моряковъ, видимымъ образомъ подавшійся рассказамъ стараго шотландца, повѣствовалъ о пресловутыхъ островахъ святаго Брандана, объ этой таинственной землѣ, затерявшейся въ морскомъ просторѣ, населенной какими-то загадочными, подобными человѣку, но обладающими безсмертіемъ существами.

— И вотъ, братцы мои, — говорилъ, понижая голосъ и придавая своей рѣчи отъѣнокъ таинственности, матросъ, — есть, братцы мои, на этихъ островахъ роскошный храмъ. А надъ храмомъ высятся, разумѣется, колокольни. А на колокольнѣ что? Колокола, братцы мои, колокола!

«А кто звонитъ въ эти колокола? Ну-ка, скажите, братцы мои, кто звонитъ въ эти колокола?»

«Тутъ-то и заковыка!

«Никто не звонитъ!

«Понимаете, въ чемъ дѣло?

«Никто не звонитъ! Сами они, колокола эти, сами, знать, по себѣ звонятъ!

— Очень просто! — отозвался какой-то другой морякъ. — Есть, значить, механизмъ такой. Заведутъ ключомъ, ну, и...

— Дуракъ! — вознегодовалъ рассказчикъ. — Механизмъ? Это у тебя въ головѣ, надо полагать, механизмъ, который безъ перерыва звонитъ! А у колоколовъ святаго Брандана... Какой же механизмъ можетъ быть тамъ, если на этихъ островахъ какъ бы безплотные духи, но только въ образѣ людскомъ живутъ? Духи! Понимаешь ты это, баранья голова!

— Самъ ты баранъ! — озлобленно отозвался отходя къ борту, скептикъ.

Но споръ смолкъ, потому что въ это именно время произошло нѣчто новое.

Уже нѣсколько времени таинственный, такъ пугавшій всю нашу команду звонъ слышался все яснѣе, яснѣе, какъ

будто медленно, но неуклонно приближался къ кораблю.

И вотъ колоколь зазвучалъ совсѣмъ, совсѣмъ близко. Въ разстояніи какого-нибудь десятка саженъ отъ борта «Трины».

Это было ужасно.

Я не выдержалъ, подбѣжалъ къ борту и, схвативъ рупоръ, заоралъ, что есть мочи:

— Гэй! Кто тамъ?!

И въ отвѣтъ мнѣ донесся слабый, умирающій голосъ:

— Спасите! Помогите!

Признаюсь, у меня волосы стали дыбомъ.

Чего угодно, но не крика съ моря могъ я ожидать. И мой собственный вопросъ «кто тамъ» былъ произведенъ только по привычкѣ, совершенно машинально, чтобы дать хоть какой-нибудь исходъ накопившемуся нервному раздраженію.

Но секунду спустя, очарованье исчезло. — Спускай лодку! — крикнулъ я матросамъ.

Однако охотниковъ спускать лодку что-то не находилось. Мои ребята толпились по палубѣ нерѣшительно, переглядываясь смущенно.

— Ну, что стали? Спускай боть, говорю я вамъ! — снова крикнулъ я.

— Невозможно, капитанъ! Нелзя! Никакъ нелзя!

— Почему?

— Смущенное молчанье, потомъ какой-то ропотъ. Все громче, громче.

— Вы отказываетесь повиноваться?

— Да вовсе нѣтъ, командиръ! Развѣ мы не понимаемъ?

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Духи... Призраки... Мы не можемъ...

Чтобы не рассказывать долго, отмѣчу только, что у моихъ перепуганныхъ до полусмерти матросовъ не поднимались руки спустить на воду спасательный боть.

А вѣдь, въ общемъ, тутъ трусовъ не было. Все это были люди и смѣлые и побывавшие не разъ въ жестокихъ передрякахъ.

Но сейчасъ ими овладѣлъ суевѣрный мистическій страхъ: они могли глядѣть

прямо въ глаза любой смертельной опасности, но только тогда, когда понимали, въ чемъ дѣло. И они же совершенно пасовали, терялись, когда рѣчь шла объ опасности, можетъ-быть, совершенно мнимой, но окутанной въ дымку загадочности, таинственности, сверхъестественности.

Наблюдая за ихъ движеніями, я ясно видѣлъ, что нельзя было заставить ихъ повиноваться иначе, какъ силою.

Но...

Но на это пойти я не могъ.

Во-первыхъ, я любилъ моихъ ребятъ, этихъ взрослыхъ младенцевъ, составлявшихъ очень и очень недурную, почти образцовую команду. Во-вторыхъ, насиліемъ многого не сдѣлаешь.

Можно, конечно, загипнотизировать людей, заставить ихъ силою исполнять то и это. Но вѣдь такой гипнозъ тянется недолго. Такая власть, которая основана на насиліи, на угрозахъ, не прочна.

И вотъ я сталъ уговаривать моихъ матросовъ.

— Ребята! Да какъ же вамъ не совѣстно? Какъ же вамъ не стыдно?

«Можетъ-быть, тутъ, въ двухъ шагахъ отъ насъ, въ морскихъ волнахъ скитаются такой же злополучный морякъ, какъ любой изъ васъ, тщетно молящій о по-
мощи! Вы же слышали, какъ онъ кричалъ: «Помогите! Спасите!»

«А вы отказываетесь прийти на помощь къ нему!»

— Будь то человѣкъ, — отвѣчали матросы, — кто бы не полѣзъ на смерть ради него? Пошлите, капитанъ, хоть всю команду, никто не откажется! Но вѣдь это же не человѣкъ!

— Что вы городите? Какъ не человѣкъ? А кто же, если не человекъ?

— А это «Красный Аббатъ».

— Слава Тебѣ, Господи! Нашли новое объясненіе! Какой такой «Красный Аббатъ»?

Ну, и мнѣ рассказали цѣлую исторію, какую-то легенду, очевидно, рожденную въ давнія времена, когда процвѣтало пресловутое «береговое право» и развивалось пиратство.

Передамъ ее только вкратцѣ.

«Красный Аббатъ» былъ, дѣйстви- тельно, аббатомъ, или настоятелемъ, одного католическаго монастыря близъ Неаполя.

Монастырь былъ бѣденъ, а монахи и ихъ глава, аббатъ, хотѣли жить синьорами, хотѣли имѣть роскошную трапезу, пить дорогія вина.

И вотъ мало-по-малу все это завелось въ монастырѣ.

Кельи монаховъ обратились въ блестящія палатки со стѣнами, затянутыми золотомъ парчею, съ великолѣпными картинами и драгоценными статуями, сплошь и рядомъ ужъ совсѣмъ не подобающаго для отшельниковъ.

Въ монастырской «трапезной» столы ложились подъ тяжестью кованыхъ изъ серебра блюдовъ съ изысканнѣйшими яствами, а погреба оказались переполненными такими винами, какихъ не пивали даже сами кардиналы.

Откуда шло все это благополучіе?

Никто не зналъ, никто не могъ опре- дѣлить.

Сами монахи, смѣясь, говорили, что это «добровольныя приношенія» вѣр- ныхъ.

Но по окрестностямъ носился темный слухъ, который мало-по-малу при- нималъ все болѣе и болѣе опредѣленные формы.

Люди, сначала тайкомъ, потомъ все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе, говорили о томъ, что монастырская двухмачтовая «тартана», долженствовавшая служить монахамъ въ качествѣ рыболовнаго судна, исчезаетъ изъ маленькаго монастырскаго порта, уходитъ далеко, далеко въ море, и когда возвращается къ монастырю, то привозитъ съ собою груды разнообразнѣйшихъ вещей, золото, серебро, ткани, дорогія вина.

Слухи о странныхъ «рыбныхъ ловахъ» дошли до испанскаго вице-короля Неаполя, и однажды у воротъ монастыря появился цѣлый отрядъ войскъ съ судьями, чтобы осмотрѣть монастырь и произвести слѣдствіе.

Но когда присланные подходили къ монастырю, надъ нимъ поднялось цѣлое облако пожара. Монастырь весь пылалъ, какъ костеръ. Въ огнѣ стояли

кельи, обращенныя въ покои дворцовъ.

А сами монахи?

Ихъ не было.

Еще на разсвѣтѣ, узнавъ о близящейся грозѣ, они ушли изъ монастыря на своей быстроходной тартанѣ, ушли въ море, туда, гдѣ уже много мѣсяцевъ они приобрѣтали богатую добычу, грабя и пуская ко дну плывущія мимо береговъ Неаполя торговые суда.

Но обратившійся въ пиратское судно монастырскій корабль не могъ уже долго вести разбой: его выслѣживали, его преслѣдовали.

И вотъ какъ-то однажды правительственная галера настигла корсара, взяла тартану на бордажъ, перебила всѣхъ монаховъ пиратовъ и самое тартану пустила ко дну.

Но раньше совершилась расправа съ самимъ атаманомъ, то-есть съ «Краснымъ Аббатомъ».

Моряки привязали его къ какой-то доскѣ и швырнули въ воду. Спаслись онъ не могъ: бой происходилъ въ сотняхъ миль отъ берега.

Но онъ и не погибъ и не спасся: онъ, «Красный Аббатъ», съ тѣхъ поръ вотъ ужъ три или четыре столѣтія скидается по волнамъ.

Онъ живъ, потому что и море и земля отказываются принять въ свои нѣдра злодѣя.

Волны и вѣтеръ носятъ его по міру.

Гдѣ «Красный Аббатъ», тамъ бѣда, тамъ несчастье.

Очень часто въ туманѣ онъ подплываетъ къ какому-нибудь берегу, и тогда прибрежные зрители слышать его вопли: — Спасите! Помогите!

Но горе тому смѣльчаку, который рискнетъ оттолкнуть свой челнъ отъ берега, чтобы оказать помощь отвергнутому Небомъ «Красному Аббату»: челнъ заблудится въ туманѣ, унесется отъ родныхъ береговъ, и счастливы будутъ наивный рыбакъ, если ему путемъ немовѣрныхъ, нечеловѣческихъ усилий удастся вернуться домой черезъ три дня странствованія невѣдомо гдѣ...

Иногда, опять-таки въ часы бури или тумана на морѣ, «Красный Аббатъ»

подплываетъ къ какому-нибудь судну. И опять начинаетъ молить:

— Спасите! Помогите!

Но горе капитану, который пошлетъ на помощь проклятому спасательный ботъ: ботъ не вернется...

Сейчасъ я рассказываю болѣе или менѣе связно всю эту старинную морскую легенду и потому; быть-можетъ, трачу на пересказъ довольно много времени. Тогда же, на «Тринѣ», мои матросы пересказали мнѣ въ главныхъ чертахъ содержаніе легенды очень быстро, можетъ-быть, въ теченіе одной минуты или даже меньше.

Но какъ ни мало времени ушло на эти объясненія, все же этого времени оказалось достаточнымъ, чтобы колокольный звонъ, такъ явственно звучавшій подъ самымъ бортомъ барки, ослабѣлъ, удалился, почти замеръ.

И когда я попробовалъ снова звать въ рупоръ того, кто зывалъ о помощи, я не получилъ отвѣта.

А колоколь?

Колоколь звонилъ попрежнему. Но слабо, чуть слышно... Поглядѣвъ на волны тумана, стѣною стоявшаго вокругъ «Трины», я долженъ былъ согласиться съ мнѣніемъ матросовъ, что спускать сейчасъ ботъ на воду, допускать людей отходить отъ судна, было невысказимо. Да, конечно, море было сравнительно спокойно, вѣтра не ощущалось ни малѣйшаго. Судно, значитъ, стояло неподвижно или почти неподвижно. Оно не могло, такъ сказать, удрать отъ бота.

Но, съ другой стороны, стоило боту отойти на десять сажень отъ борта «Трины», и ботъ буквально заблудился бы.

Единственное, что можетъ служить для ориентированія въ такихъ условіяхъ,— это звуковые сигналы.

Но...

Но побывайте же вы на морѣ, когда туманъ такъ густъ, что, кажется, его можно ножками рѣзать, и, какъ кисель, класть на тарелки?

Тогда звуки съ моря теряютъ всякую опредѣленность. Главное, ужасно трудно, а иногда и прямо-таки невозможно опредѣлить, откуда именно они,

эти звуки, до васъ доносятся: спереди, сзади, справа или слѣва...

И вотъ, повторю, при такихъ условіяхъ отпустить ботъ на болѣе или менѣе далекое разстояніе отъ судна, это означаетъ послать его навстрѣчу слишкомъ жестокимъ испытаніямъ.

Да, мои матросы были правы, хотя, конечно, и по другимъ основаніямъ...

Но что же оставалось дѣлать мнѣ?

Впрочемъ, надъ этимъ задумываться долго мнѣ не пришлось: дѣло нашлось, и дѣло такое, которое на нѣсколько минутъ заняло все мое вниманіе, да поглотило и вниманіе всей команды, заставивъ матросовъ совершенно позабыть о таинственномъ «звонѣ съ моря», о разныхъ «Красныхъ Аббатахъ» и прочихъ болѣе или менѣе фантастическихъ призракахъ.

— Пожаръ! Огонь на суднѣ! — услышалъ я чей-то встревоженный крикъ. И, оглянувшись, увидѣлъ, что изъ одного люка, въ самомъ дѣлѣ, валитъ столбомъ дымъ.

Знаете вы, что такое пожаръ на кораблѣ?

Если не знаете, то... то ваше счастье!

И отъ души могу пожелать, чтобы вамъ никогда и не пришлось узнать на собственномъ опытѣ, что это за ужасъ.

Къ нашему счастью, пожаръ, возникшій на «Тринѣ», былъ пустяковымъ: загорѣлось не въ самомъ грузовомъ трюмѣ, а подъ самою верхнею палубою, въ помѣщеніи, гдѣ валялась всякая дрянь.

Отчего именно загорѣлось тамъ, Аллахъ одинъ вѣдаетъ.

Вѣроятно же всего, какой-нибудь матросъ, небрежничая, позволяя себѣ курить тайкомъ, швырнулъ на полъ окурокъ сигары, не затоптавъ его. Окурокъ закатился, попалъ въ каюту, гдѣ лежали рогожи, тряпки, стояли мочаль-

Въ мгновеніе ока всѣ были на своихъ мѣстахъ.

ныя швабры. Это было богатымъ матеріаломъ для жадной огненной стихіи. Но, къ нашему счастью, на морѣ стоялъ полный штиль, такъ что вѣтеръ не раздувалъ огня, пожаръ былъ обнаруженъ въ самомъ началѣ, вся команда держалась насторожѣ, и матросы истомились отъ бездѣлья. А работа давала отдыхъ черезчуръ взвинтившимся нервамъ, давала исходъ то-

скливаемъ, одолѣвавшимъ насъ мрачными думамъ.

Во мгновенное ока всѣ были на своихъ мѣстахъ.

Часть матросовъ съ крикомъ и шумомъ тащила змѣевидныя резиновыя и пенковые трубы, такъ называемыя «шланги», другая часть, притащивъ ручную помпу, качала воду. Третья, наконецъ, вооружившись топорами и баграми, и захвативъ съ собою ушаты съ водою, ринулась къ тому мѣсту, гдѣ вспыхнулъ пожаръ. Все это продѣлывалось съ присущею матросамъ ловкостью, смѣлливостью, безстрашиемъ.

Работа закипѣла, и, должно-быть, не позже, какъ черезъ десять минутъ, все было покончено: тлѣвшія рогожи вытасканы изъ каюты и выброшены въ воду, большинство загорѣвшихся швабръ послѣдовало туда же. Вся кладовая была вымочена насквозь такъ, какъ будто она пробыва добрыхъ три часа подъ водою.

И мнѣ приходилось заботиться только о томъ, чтобы мои матросы не переутомились и не затопили трюма, въ которомъ у меня лежало, по крайней мѣрѣ, на двѣсти тысячъ марокъ мѣховъ. Подмочить мѣха недолго, а попробуй потомъ ихъ высушивать!

Такъ или иначе, пожаръ, повторяю, былъ потушенъ въ самомъ началѣ, не причинивъ судну ни малѣйшаго серьезнаго вреда.

Только Макэнзи ворчалъ, да и то больше по привычкѣ ворчать при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ: теперь для него нашлась работа. Надо было перемѣнить обивку кладовки, нѣсколько досокъ пола, отчасти потолка, а все это лежало на его обязанности, ибо онъ былъ немаловажною персоною на суднѣ,— господиномъ судовымъ плотникомъ.

Таща доски къ испорченной пожаромъ каютѣ, Макэнзи не преминулъ сказать мнѣ:

— А, что, капитанъ? Видите? —

— Что именно? — освѣдомился я.

— Ну, видите, теперь что предзнаменованія-таки не вздоръ?! Этотъ проклятый «звонъ съ моря» предвѣщалъ намъ бѣду, бѣда и вышла!

— Перестаньте, Макъ! — оборвалъ я шотландца. — Вы теперь городите ужъ нѣчто новое!

— Я? Ничуть не бывало!

— Какъ же это? Раньше вы говорили, что «звонъ съ моря» означаетъ близость смерти кого-нибудь изъ насъ. Теперь вы твердите, что это было предвѣщаніе пожара... Какъ совмѣстить это?

— Очень просто, сэръ! Я вѣдь вовсе не увѣрилъ васъ категорически, что такъ ужъ непременно помретъ кто-нибудь изъ насъ. Совсе нѣтъ. Упаси меня Богъ!

«Если я и говорилъ что, то пусть ваша милость припомнитъ, какъ слѣдуетъ! Я рассказывалъ о «голосѣ пустыни». Тамъ, это ужъ вѣрнѣе вѣрнаго, если въ караванѣ кто-нибудь слышитъ «звонъ колокола въ пустынѣ», то такъ и знай, что безъ похоронъ не обойдется. Но на морѣ...

«На морѣ этотъ таинственный звонъ могъ означать вообще грядущую бѣду. Вотъ оно и оправдалось. «Трина»-то чуть не сгорѣла. И такъ пожаръ надѣлалъ убытковъ!

— Ну, это не убытокъ! Въ двадцать марокъ, больше не обойдется вся починка, Макъ!

— И двадцать марокъ, сэръ, убытокъ! Но тутъ, видите ли, важенъ не размѣръ суммы, а важно, видите ли, то, что предсказанье-то исполнилось, предзнаменованье, которого мы не могли понять, оправдалось! Это важно, сэръ, а остальное — пустяки!

Пожима плечами, я покинулъ стараго суевѣра, уже стругавшаго какую-то планку и озабоченно мѣрившаго большимъ деревяннымъ циркулемъ что-то на обгорѣвшей и насквозь промоченной стѣнѣ.

Разъ человѣкъ забилъ себѣ въ голову, съ нимъ вѣдь ничего не подѣлаешь!

Уходя съ этого мѣста, я слышалъ, какъ морякъ ворчалъ, явно по моему адресу:

— Хорошіе ребята-нѣмцы, что и говорить?!! Спорить не приходится! Но только... Но только ничему вѣрить не хотятъ! Имъ говори одно, а они, какъ слѣжные, не слушая никакихъ доказательствъ, твердятъ себѣ свое!

«А вѣдь ясно же, какъ Божій день... И то еще надо сказать: звонъ-то еще не прекратился! Сутокъ-то еще не прошло!

«Дай-то, Господи, чтобы всѣ бѣдствія «Трина» этимъ глупымъ пожаромъ ограничились. Но мы поживемъ, мы еще увидимъ!

«Не будь я Грегоръ Макэнзи, мы еще увидимъ кое-что! Посмотримъ, въ *тогда* скажетъ капитанъ Баумгартенъ?!

Не слушая воркотни суевѣрнаго шотландца, я выбрался на палубу, чтобы подсмотреть, нѣтъ ли тамъ чего новаго. Да, кое-какія новости были.

Во-первыхъ, за то время, покуда мы тушили пожаръ, а потомъ возились съ приведениемъ всего на суднѣ въ порядокъ, барометръ нѣсколько понизился. Это могло означать приближающееся измѣненіе погоды. Должно-быть, періоду полного штиля близился конецъ. Да оно и понятно: въ тѣхъ широтахъ, гдѣ сейчасъ плыла «Трина», штиль, да еще полный штиль, явленіе сравнительно не частое. Тутъ, напротивъ, по характерному выраженію моряковъ, самое настоящее мѣсто для сквозняковъ...

Держи только ухо остро, не зѣвай, а то такъ тебя продуетъ, что потомъ долго не опомнишься.

Во-вторыхъ, посмотрѣвъ на термометръ, я обнаружилъ, что и онъ выказываетъ склонность къ пониженію: съ разсвѣта температура не поднялась, а понизилась на парочку градусовъ.

Это тоже было симптомомъ близкой перемены погоды.

Надо было ожидать вѣтра.

И еще было кое-что, заслуживавшее особеннаго нашего вниманія: туманъ замѣтно порѣдѣлъ.

Теперь, стоя на кормѣ, я хоть и смутно, но все же видѣлъ не только нашу гротъ-мачту, но отчасти и фокъ-мачту.

Еще немного, и можно будетъ различать и бугшпритъ.

А тамъ, Богъ дастъ, и совсѣмъ разсѣется туманъ, поднимется, уйдетъ въ небо эта мутная непрозрачная пелена, скрывающая отъ насъ все окружающее. И... И кто знаетъ? Можетъ-быть, мы-таки разберемся въ этомъ наведшемъ

на моихъ ребятъ такую панику таинственнымъ, загадочнымъ звонѣмъ съ морского простора!

Пусть только разсѣется туманъ, я немедленно прикажу спустить спасательный боть и самолично произведу обследованіе моря вблизи отъ судна, если только нельзя будетъ открыть ничего съ марса. Запятый этими мыслями, я стоялъ на палубѣ руля, машинально оглядывая горизонтъ.

И вотъ въ этотъ именно моментъ мнѣ почудилось, что и самъ я схожу съ ума: я сквозъ волны тумана увидѣлъ вблизи отъ судна очертанія берега!

Смутно, неясно, призрачно, да, да! Но при всемъ томъ я видѣлъ эти очертанія!

Правда; это было только моментомъ: сейчасъ же видѣнье скрылось. Но оно сохранилось въ моей памяти.

Мой корабль блуждалъ около какихъ-то береговъ.

Но какихъ же именно?

Откуда, извините, у насъ возьмутся тутъ эти берега?

Единственное объясненіе, заслуживающее какого-либо вниманія, — это...

Да это та самая средневѣковая легенда о плавающихъ въ океанѣ островахъ святого Брандана, населенныхъ какими-то призраками въ образѣ безсмертныхъ людей...

Но не могу же я, сынъ двадцатаго вѣка, вѣрить въ эти пловучіе острова!

Оставалось предположить, что, просто-напросто, мои вычисленія за нѣсколько предшествующихъ дней были невѣрны, что я почему-то каждый день, дѣлая наблюденія и вычисленія, впадалъ въ очень грубую, непростительную для капитана ошибку. Или... Или что-нибудь на земномъ шарѣ перемѣнилось.

Покуда мы плыли отъ береговъ Сѣверной Америки къ берегамъ Европы, совершился какой-то катаклизмъ. Тамъ, гдѣ были морскія бездны, выросли новые материкъ. Тамъ, гдѣ были материкъ... Тамъ, быть-можетъ, теперь катятся морскія волны...

Но объ этомъ разсуждать поздно: корабль недалеко отъ какой-то призрачной земли. Этого достаточно, чтобы на суднѣ поднять тревогу: вѣдь парус-

ное судно, да еще въ штиль, безпомощно!

Если течением его несетъ къ землѣ, къ прибрежнымъ подводнымъ скаламъ, это означаетъ, что приближается смертный часъ и самого судна и всей его команды! Тутъ нельзя тратить много времени на размышления, какъ да почему, а надо думать о мѣрахъ для спасенія.

Не теряя присутствія духа, я первымъ дѣломъ озабочился произвести промѣръ глубины. Результаты получились странные: «Трина» плыла надъ настоящею морскою пропастью. Понадобилось бы спустить лотъ на нѣсколько километровъ, чтобы онъ достигъ дна.

А вѣдь вблизи отъ земли дно въ огромномъ большинствѣ близко къ поверхности!

Но что же тогда означаетъ вся эта штука?

Хорошаго, во всякомъ случаѣ, мало: мнѣ не удастся удержать мое судно на якоряхъ, потому что не хватитъ якорныхъ цѣпей для того, чтобы хоть одинъ якорь достигъ до дна.

И, значить, если течениемъ меня несетъ къ скаламъ, то столкновенія съ ними не избѣжишь. Развѣ только уже у самыхъ скалъ якорь ляжетъ на дно и за что-нибудь-таки да зацѣпится.

Судя по густотѣ тумана надъ самымъ моимъ кораблемъ, и по степени определенности видѣннаго мною очертанія берега, я могъ сказать одно: да, мы были отъ этого проклятаго берега въ очень и очень недалекомъ разстояніи. Но въ какомъ именно, опредѣлить было рѣшительно немислимо.

И вотъ, покуда я стоялъ, размышляя, что предпринять, у самой почти кормы «Трины» снова отчаянно зазвонилъ колоколъ.

Земля была передъ нами, звонъ несся съ моря, какъ будто преслѣдуя насъ. И мнѣ чудилось что-то злорадное въ этихъ беспорядочныхъ, хаотическихъ звукахъ, лившихся волною.

Но этого было мало!

Судьбѣ, повидимому, хотѣлось, чтобы у меня и моей команды совсѣмъ помутились мозги!

Въ отвѣтъ звону таинственнаго колокола съ моря, съ другой стороны, то есть со стороны призрачной земли, вдругъ зазвучалъ церковный хоралъ.

Я зналъ, да, я зналъ эту музыку!

Въ прошломъ году, когда я гостилъ въ Амстердамѣ, на одномъ историческомъ концертѣ специальный хоръ любителей старины, любителей старинной музыки, пѣлъ этотъ «Лейденскій хоралъ», этотъ религиозный гимнъ, родившійся въ дни знаменитаго «Лейденскаго Лжепророка» или «Безумнаго Іоанна» изъ Лейдена!

— Когда Господь... Когда Господь...

Когда Господь насъ позоветъ,

Его народъ... Его народъ...

Его народъ къ Нему пойдетъ...

Нѣтъ, это было уже выше человѣческихъ силъ!

Дѣйствительно, мы были окружены призраками!

Призраки звонили въ колокола. Призраки взывали о спасеніи. Призраки, наконецъ, пѣли забытый міромъ гимнъ фанатиковъ Лейдена, шедшихъ когда-то на смерть подъ знаменами овладѣваго ихъ душами Іоанна Лейденскаго!

А мы?

Мы, живые люди, мы безпомощно присутствовали при всемъ этомъ! Мы были связаны по рукамъ и ногамъ... Мы были осуждены оставаться пассивными зрителями и ждать, что господамъ-призракамъ заблагоразсудится продѣлать съ нами, какіе новые фокусы они еще выдумаютъ!

Колоколъ звонилъ. Съ таинственнаго «острова святого Брандана» неслись волною звуки стараго хора. И кругомъ клубился туманъ, тоже, казалось, весь насыщенный туманными призраками...

Но минута оцѣпенѣнія прошла.

— Приготовить сигнальную пушку! — крикнулъ я.

— Есть! — отозвался нашъ «бомбардиръ», матросъ Брэдкэ.

— Пали!

И надъ моремъ прогрехоталъ пушечный выстрѣлъ.

Едва смолкли отголоски эха выстрѣла, какъ, прислушавшись, я услышалъ несшійся съ предполагаемой земли крикъ:

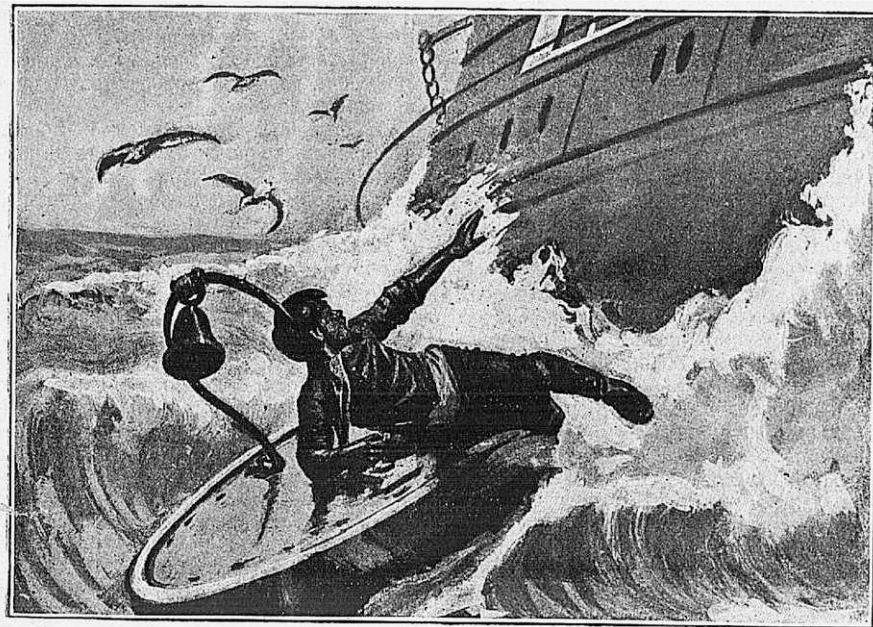
— Корабль! Огой! На помощь!
— Что случилось? Кто тамъ? — откликнулся я въ рупоръ.

— Потерпѣвшіе крушеніе! Матросы и двое пассажировъ съ «Сириуса» — всѣхъ пятеро. Двѣ женщины, трое насъ, мужчинъ!

— Гдѣ вы находитесь? На чемъ плывете?

— Это не хоръ!
— А что же такое?

— Граммофонъ! У насъ не хватало силъ кричать, а на лодкѣ находился захваченный по ошибкѣ граммофонъ изъ капитанской каюты съ десяткомъ пластинокъ. Мы отъ времени до времени заводили машину...

При каждомъ движеніи бую колоколь раскачивался.

И вотъ тутъ-то наступила первая разгадка!

— На ледяной горѣ! — услышалъ я отвѣтъ.

— Какъ вы туда попали, на вашу ледяную гору?

— Наткнулись на лодкѣ. Лодка пошла ко дну. Капитанъ Эриксенъ и двое матросовъ, бывшіе съ нами, потонули.

— Давно вы на льду?

— Сутки! Поспѣшите на помощь! Мы выбились изъ силъ!

— Но вы только что пѣли? Я слышалъ огромный хоръ!

Ледяная гора... Граммофонъ... Потерпѣвшіе крушеніе...

Какъ все это было далеко отъ мучившихъ насъ призраковъ?

Какъ все это было реально и просто!

Туманъ тѣмъ временемъ еще болѣе разсѣялся. Я ясно видѣлъ очертанія ложнаго «берега», — попросту порядочной величины-таки ледяной горы, странницы изъ приполярныхъ областей, по волѣ вѣтровъ и теченій приплывшей сюда, къ берегамъ Европы, какъ приплываютъ ежегодно тысячи такихъ же странницъ...

И я видѣлъ, правда, довольно смутно, и очертанія вѣеваго на вершинѣ горы

какого-то флага, и очертания двух человеческих фигур, стоявших на ледяных выступах около флага.

Теперь, когда приходилось иметь дело не с призраками, а с реальными явлениями, мне не было надобности ни уговаривать, ни понукать моих матросов.

Во мгновение ока боты были спущены, и матросы, как бляки, прыгнули в него и схватились за весла.

Я не решился покинуть палубу: все же корабль, доверенный мне, находился не в совершенной безопасности, и я не должен был покидать своего поста. Но команду надь ботом без отговорок принял на себя выскочивший вместе с другими на палубу старый морской волк, шотландец Макэнзи, и я не нуждался в том, чтобы давать ему какие-либо инструкции.

Этот человек, единственным серьезным недостатком которого было непобедимое суеверие, являлся перво-классным моряком, и ему можно было, конечно, доверить, при нужде, управление не только ботом, но и целым кораблем, раз речь только не касалась затуманивших его мозги припадков.

Мне же оставалось только следить за тем, чтобы, если случится что-нибудь, во-время спустить второй бот на помощь первому. Но, пока что, я не предвидел необходимости продолжать это, ибо море было сравнительно спокойно, втерть только-только еще начинал дуть слабый, чуть уловимый порывами, и ничто не могло воспрепятствовать спасательному боту сделать свое дело.

Наблюдая за движениями ледяной горы, я без особого труда определял, что идем-то мы с нею, в сущности, по одному и тому же курсу, но временами несколько сближаясь, по временам отдаляясь. В этом не было ничего удивительного: при штиле и гора и корабль просто-напросто плыли по течению.

Невольно я вспомнил и о том таинственном звоне, который преследовал нас все это время.

Ясно, что, значит, и тот предмет, на котором находился каким-то чу-

дом колокол, вовсе не преследовал нас, как думали все мои матросы, а просто-напросто плыл, увлекаемый тем же течением. И он не мог быть далеко от «Трины», потому что совсем недавно, всего несколько минут назад, звон раздавался в непосредственной близости за кормою моего судна.

Предоставив Макэнзи справляться с делом спасения потерпевших крушение, я бросился к корме. Но еще по дороге остановился, как вкопанный. Вот она, разгадка таинственного, призрачного звона!

В десятках двух сажен от берега «Трины» по волнам плыла огромная металлическая поплавок с колоколом, к которой был привязан старый колокол.

И при каждом движении буя колокол раскачивался и звонил, словно обезумев от испуга.

Но кроме дужки и колокола, было на плывшем за нами буйке еще что-то. Это была человеческая фигура.

Без помощи бинокля я мог отлично рассмотреть эту печальную фигуру: средних лет человек в обычном костюме моряка, судорожно цепеная за дужку, вытягивался на поминутно колышавшемся буйке и неистово махал рукою, явно зовя нас на помощь. Кричать, повидному, он не мог: выбился из сил.

Да это и было вполне понятно: он вѣдь во всяком случае находился в таком положении не первый час. Холодные волны поминутно окатывали его с ног до головы, замораживая кровь в жилах, и, кроме того, бедняк должен был страдать от голода и жажды.

— Второй бот на воду! — скомандовал я немедленно.

И еще раньше, чем шотландец с потерпевшими крушение пассажирами оригинальнейшего в мире корабля, то-есть ледяной горы, подошел к спущенному трапу, пассажир не менее оригинального челна в образе металлического поплава был поднят уже на талих на нашу палубу.

Он казался до того измученным, до того истощенным, что я не считал

возможным терзать его вопросами, как именно он осѣдлал своего стального коня с колокольником. Попросту, я отправил его в матросский кубрик, распорядившись растереть его тело водою, дать ему чашку черного кофе с коньяком, потом накормить бульоном и дать отлежаться и отоспаться.

Самому же мне было не до него: бот под командою Макэнзи уже подходил к трапу, и мои матросы втащивали одного за другим спасенных пассажиров ледяной горы.

Один, другой, третий...

Когда на палубу ступил четвертый, или, правильнее четвертая, ибо это была женщина, я невольно понятился и потом вскрикнул:

— Господи! Каролина! Фрейлейн Каролина Мальвиц?! Неужели это вы?

— Капитан Баумгартен? — ответила новоприбывшая смертельно усталым, умирающим голосом. — Вот как Бог привел встретиться!

«Но оставьте меня! Лучше помогите моей бедной сестре Марте!»

— Фрау Марта тоже тут? — опять не удержался я от восклицания.

— Да, да. Она еще жива, но, кажется, ей очень-очень плохо!

В самом деле, бедняжка было плохо, как нельзя быть хуже: она лежала, как увядший цветок, на руках бережно поднимавших ее по трапу матросов. Глаза были закрыты. В лице ни кровинки...

— В мою каюту! — распорядился я. — Приготовить горячей воды. Живо! Матросы засуетились.

Сдав надзор за судном шотландцу Макэнзи, я сам спустился в каюту, в которой поместились оба спасенные женщины.

В моих ушах звучало все еще сказанное при встрече Каролиною Мальвиц:

— Так вот где Бог судил нам встретиться, капитан Баумгартен?

Да, это был призрак. Настоящий призрак!

Призрак прошлого, которое я считал безвозвратно прошедшим, умершим прошлым.

Далекая родина. Большое барское поместье, майорат, принадлежащий барону фон-Мальвиц, «Дикому барону», как звали Мальвица за его неукротимый, бешеный нрав, за его гордость, за его высокомерие. В поместье, на заводе, молодой служащий, скромный техник, упорным трудом создающий свою скромную карьеру.

И две дивушки красавицы: Марта и Каролина.

Как осмелился нищий-юноша поднять глаза на одну из этих дивушек, на младшую, то-есть на фрейлейн Каролину?

Что же было в этом удивительного? Разве молодость думает о чем-либо?

Разве у юноши не было глаз?

И разве Каролина не была прекрасна, как ароматный полевой цветок?

Да, она была не пара мне. Это-то я отлично сознавал.

Но, Господи! Что подѣлаешь, когда вь тебѣ заговорит сердце?

И потом, разве я не был молод, силен, образован?

Разве мало людей, начинающих свою карьеру с куда болѣе скромными данными, чем имѣлись в моем распоряжении, заплывают очень далеко?

Тогда Каролинѣ было всего пятнадцать-шестнадцать лѣтъ. В сущности, она была ребенком, подростком. Мне было двадцать три. И я думал: покуда она подросток, я успѣю завоевать полмира!

Лишь бы она подождала!

Но завоевывать мир, или даже хоть его половину, мне не пришлось.

Кто-то из дворовой челяди, какой-то наушник, добровольный шпион, должно-быть, шепнул два слова барону. «Дикій баронъ» оправдал свою репутацию.

Он выгнал меня из своего имѣнья. Господи!

И сейчас мне кровь бросается в голову, когда я вспоминаю эту дикую сцену.

Он не кричал, нѣтъ. Для этого он был слишком аристократ и смотрѣл на меня свысока.

Онъ только глядѣлъ на меня налитыми кровью глазами и говорилъ:

— Счастливаго пути, молодой человекъ! Широкая дорога! Желаю вамъ удачи! Но только... Но только...

«Но только если вы покажетесь здѣсь, если вы переступите порогъ моего дома, границу моей земли, я... клинусь Богомъ, я затравлю васъ собаками!

И я ушелъ.

Я даже не дѣлалъ попытокъ объясниться съ Каролиною. Во-первыхъ, я былъ положительно раздавленъ, уничтоженъ. Во-вторыхъ...

Но вѣдь до катастрофы мы не объяснялись съ нею! Между нами не было произнесено связывающее насъ слово «любовь».

Да, я знаю это: я нравился ей.

Но не больше!

Она была полуребенкомъ. И она совершенно зависѣла отъ отца.

И разъ я не хотѣлъ навлечь на нее грозу, разъ я не могъ предложить ей уголь и кусокъ хлѣба, я не могъ, вѣтъ, не могъ заговаривать о моей любви. И не могъ даже просить ее ждать меня!

Стороною я слышалъ послѣ, что бѣдняжкѣ Каролинѣ пришлось-таки пережить не мало горя въ домѣ суроваго отца.

Старшую дочь, Марту, Мальвицу выдалъ замужъ за какого-то карьериста уланскаго офицера, прожигателя жизни, типичнаго прусскаго юнкера, чванящагося своимъ титуломъ и своимъ презрѣниемъ къ людямъ, но имѣющимъ по меньшей мѣрѣ десятка титулованныхъ предковъ. Младшая, Каролина, была отправлена въ какой-то бельгійскій пансіонъ съ тѣмъ, чтобы по выходѣ оттуда сдѣлаться женою ротмистра Адалъберта фонъ-Мальвица, ея двоюроднаго брата.

Все это было шесть-семь лѣтъ назадъ, эти послѣднія извѣстія, которыя я имѣлъ о судьбѣ Каролины и ея сестры.

Конечно, какъ любой юноша моего возраста, я и вполнѣ искренно думалъ, что жить больше не стоитъ. Разъ для меня потеряна надежда сдѣлать женою любимую дѣвушку, стоитъ ли жить?

И если ужъ жить стоитъ, то...

То стоитъ ли работать?

Эхъ, пропади-пропадай ты, жизнь молодечья!

Именно къ той эпохѣ, о которой я не могу теперь вспомнить безъ тихой улыбки, относится измѣнившее всю мою жизнь рѣшеніе: я ушелъ къ морю.

Я пришелъ къ нему, я сказалъ ему:

— Земля не дала мнѣ счастья. Можеть-быть, ты, вѣчно юный океанъ, дашь мнѣ если не счастье, то хоть покой и забвеніе?

Да, старикъ-океанъ далъ мнѣ то, что просилъ я у его вѣчно рассказывающихъ какую-то сагу сѣдой древности волнъ.

Онъ убаюкалъ меня, онъ шепталъ мнѣ то ласковыя слова, то угрозы и звалъ въ синюющія дали... Все дальше, дальше...

И по мѣрѣ того, какъ ближе знакомился я съ старикомъ-океаномъ, тѣмъ сильнѣе тускнѣло мое прошлое, слабѣла горечь перваго серьезнаго горя. Тускнѣли, блѣднѣли призраки прошлаго.

Признаюсь, поблѣднѣлъ и прелестный образъ любимой мною дѣвушки, Каролины фонъ-Мальвицы. Но не умеръ, не исчезъ. Только поблѣднѣлъ...

И вотъ снова этотъ призракъ всталъ предо мною, во плоти. Снова я вижу Каролину. Снова я слышу ея мелодичный голосъ!

Но, Воже, какъ могла Каролина попасть сюда? Какъ могла она очутиться среди потерпѣвшихъ крушеніе пассажировъ какого-то «Сиріуса»?

Разумѣется, мнѣ было не до разпросовъ самой Каролины, которая въ моей убогой каюткѣ занялась ухаживаньемъ за больною сестрою. Но кое-что мнѣ, конечно, могли рассказать другіе пассажиры ледяной горы. И я отправился допрашивать ихъ.

Ихъ было трое: боцманъ съ «Сиріуса», какой-то кочегаръ и еще одинъ матросъ.

Немного узналъ я отъ нихъ, кромѣ того, что очень изумило меня: Марта и Каролина находились на борту «Сиріуса», шедшаго въ Канаду, въ качествѣ пассажировъ третьяго класса.

Что могло это значить?

Самая исторія гибели «Сиріуса» не представляла собою ничего особеннаго: дряхлый, многократно чинившійся и безъ числа терпѣвшій аваріи пароходъ какой-то бременской фирмы,

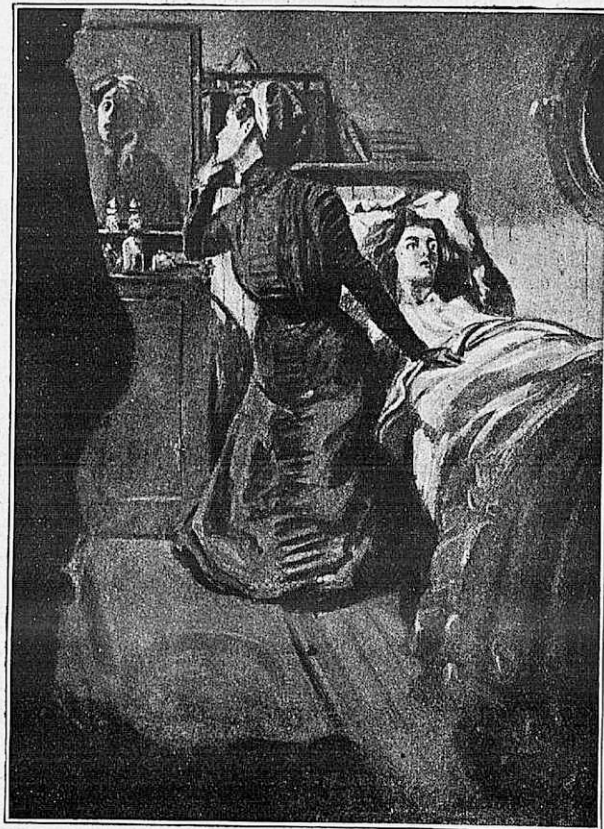
пароходъ, которому давно бы пора было оказаться въ складахъ желѣзнаго лома, совершалъ рейсы между Бременомъ и Квебекомъ, перевоза эмигрантовъ.

Сутки назадъ «Сиріусъ» столкнулся съ ледяною горою, плившею въ волнахъ тумана. Онъ раскололъ пополамъ гору рыхлаго, источеннаго волнами льда, но и себѣ такъ разворотилъ носъ, что почти немедленно затонулъ.

Часть экипажа погибла при столкновении. Остальная спаслась на ботахъ, которые не замедлили разбѣстись въ морскомъ просторѣ. Одинъ изъ ботовъ, именно тотъ, на которомъ находился капитанъ Уда, его помощникъ, двое женщинъ, то-есть Марта и Каролина, и трое человекъ изъ команды, были преслѣдуемы несчастіемъ: онъ не могъ плыть, потому что сквозь гнилое днище просачивалась вода, которую матросы не успѣвали вычерпывать. Пришлось подумать о чемъ-либо другомъ. Причаливая къ отдѣлившейся отъ общей массы при столкновении съ пароходомъ ледяной горы, ботъ перевернулся и потонулъ, при чемъ потонулъ капитанъ Уда и второй офицеръ. Пятеро уцѣлѣвшихъ людей съ величайшимъ трудомъ взобрались на ледяную гору, не имѣя почти никакихъ шансовъ на спасеніе, потому что съ ними почти не было провизіи, а ледяная гора быстро таяла и грозила перевернуться при измѣненіи центра тяжести.

И вотъ ночью несчастные услышали наши выстрѣлы, услышали крики. Они,

въ свою очередь, кричали, звали на помощь, но мы не слышали ихъ голосовъ. И до послѣдняго момента они, не видя въ волнахъ тумана очертаній нашего судна, были вполнѣ убѣждены, что мы уже ушли съ мѣста катастрофы.

— Она умираетъ! — шептала дѣвушка.

— А слышали вы звуки колокола съ моря? — задалъ я вопросъ боцману.

— Конечно, слышали, командиръ! — отвѣтилъ тотъ.

— И что же вы подумали? — задалъ я вопросъ спасенному, искоса поглядывая на стоящаго рядомъ со мною шотландца Макэнзи.

— Что мы подумали? Очень просто, командир! Мигъ-то эти звуки вотъ какъ знакомы! Около Бремена вѣдь море очень мелко, и потому тамъ во многихъ мѣстахъ поставлены вотъ такіе самые пловучіе сигнальные буйки съ колоколами на дужкахъ. Они, конечно, стоятъ на якоряхъ. Но какъ только разыграется хоть маленькое волнение, ихъ начинаютъ трепать. Они, понятно, болтаются, звонятъ. И моряки знаютъ, что поблизости отъ мѣста, гдѣ они услышали звонъ, имѣется песчаная банка!

Такъ вотъ мы и порѣшили, что какой-нибудь такой буюкъ какимъ-то образомъ сорвался съ якорей и пошелъ гулять по морю, пугая темныхъ матросовъ, охотно вѣрящихъ во всякую чертовщину!

Я опять искоса поглядѣлъ на моего браваго плотника.

Какъ-то ему понравится такой комплиментъ?

«Темный матросъ» — этого онъ отъ меня ни разу не слышалъ.

Но, должно-быть, суевѣрный шотландецъ уже придумалъ какое-нибудь новое фантастическое-мистическое объяснение всему, что случалось съ нами, и къ «любезности» боцмана отнесся совершенно равнодушно.

— Въ силахъ ли вы, боцманъ, пройти къ тому человѣку, котораго мы спасли, снявъ съ этого самого буйка? — задалъ я вопросъ моряку съ «Сиріуса».

— Разумѣется! — отозвался онъ. — Держу пари, что это долженъ быть кто-нибудь изъ нашихъ людей. Но какъ онъ попалъ на буюкъ?

— А это мы узнаемъ уже отъ него, когда онъ придетъ въ себя! — отозвался я.

Но ждате объясненій долго не пришлось: пассажиръ буйка уже оправился и могъ все рассказать. Да, спасенный оказался дѣйствительно однимъ изъ матросовъ съ «Сиріуса».

При самомъ крушеніи парохода онъ не попалъ въ лодки, а упалъ въ море, гдѣ и уцѣпился за какой-то плававшій около разбитаго судна обломокъ балки.

Въ такомъ положеніи онъ оставался нѣсколько часовъ, когда замѣтилъ плывшій почти рядомъ съ нимъ буюкъ.

Разсчитавъ вполне резонно, что, вѣрнѣе, буюкъ представляетъ собою

болѣе надежное убѣжище, чѣмъ намокшая и скользкая балка, а во-вторыхъ, что звуки колокола буйка, во всякомъ случаѣ, гораздо скорѣе могутъ привлечь внимание проходящихъ мимо судовъ, матросъ рискнулъ покинуть обломокъ и перебраться на буюкъ, что ему и удалось безъ особыхъ затрудненій.

И тутъ, на буйкѣ, онъ провелъ много часовъ, живя между страхомъ и надеждою.

Послѣдняя не обманула-таки его: буюкъ оказался поблизости «Трины», и мы подобрали оконченнаго и совершенно выбившагося изъ силъ несчастливца.

Собственно говоря, исторія видѣнныхъ нами въ тотъ памятный рейсъ призраковъ этимъ и заканчивается.

Хотя, впрочемъ...

Хотя, впрочемъ, мы видѣли и еще одинъ призракъ. И, пожалуй, пострашнѣе всѣхъ предшествующихъ!

Едва мы справились со спасеніемъ пассажировъ ледяной горы и пловучаго буйка, какъ туманъ окончательно разсѣялся, а вѣтеръ началъ свѣжѣть и свѣжѣть.

Правда, это былъ благоприятный, попутный намъ вѣтеръ. Но...

Но мнѣ не нравилось, какъ быстро падалъ барометръ и какъ еще того быстрѣе усиливался вѣтеръ.

Правда, онъ гналъ насъ къ берегамъ Норвегіи, куда мы должны были идти, но...

Но могъ бы дѣлать это нѣсколько осторожнѣе!

Короче сказать, «Трина» попала подъ темное крыло бури.

И пришлось-таки ей, бѣдняжкѣ, испытать на себѣ, что такое безумная ярость океана!

Единственный человѣкъ, который при появленіи симптомовъ бури выказывалъ нѣкоторое удовольствіе, былъ шотландецъ Макэнзи.

— Ну, что вы теперь скажете, сэръ? — попытывался онъ у меня.

— По поводу чего, Макъ?

— По поводу бури, сэръ?

— Скверно, Макъ!

— Нѣтъ, я не о томъ! Я, видите ли, о томъ: исполнятся ли предзнаменованія?

— О, Господи! О какихъ тутъ предзнаменованіяхъ вы толкуете, старый ворчунъ? Вѣдь все же разъяснилось рационально!

— Все, да не все! — твердилъ, самодовольно ухмыляясь, старикъ. — Все, да не все, сэръ! Развѣ разъяснилось, почему именно этотъ буюкъ плылъ за нами? А? Какъ будто «Трина» вся снизу доверху намагничена, сэръ! Какъ вы это объясните?

— Простая случайность!

— Ну, да, я такъ и зналъ, что вы дадите именно этотъ обычный отвѣтъ! И больше толковать нечего! По-вашему, сэръ, простая случайность?

— Конечно!

— А по-моему предзнаменование! Вотъ что!

— Чего предзнаменование?

— Грозящій намъ опасности, сэръ! Всею судну! Если вы позволите, я сбѣгаю въ кубрикъ, тамъ у меня въ сундукѣхъ есть одна брошюрка, въ которой говорится...

— Бросьте вы свои брошюрки, Макъ! Теперь не до нихъ! У насъ сейчасъ будетъ полный ротъ хлопотъ! Посмотрите, что съ моремъ дѣлается?

А съ моремъ, въ самомъ дѣлѣ, Богъ знаетъ что творилось.

Гонимые вѣтромъ, давно исчезли изъ нашего поля зрѣнія и ледяная гора съ оставшимся на ней флагомъ съ злополучнаго «Сиріуса» и буюкъ.

Гора, конечно, отправилась кончать свои дни, растаявъ до конца въ сравнительно теплыхъ водахъ. Буюкъ же поплылъ попрежнему скитаться по океану, попрежнему издавать безъ-умолку заунывные, будящіе тоску звуки сигнального колокола, будить страхъ въ душахъ суевѣрныхъ людей, которыхъ такъ много среди моряковъ всѣхъ націй.

Куда могло занести буюкъ съ колоколомъ?

На это очень трудно дать опредѣленный отвѣтъ.

Вѣдь по морскому простору странствуетъ множество разнообразнѣйшихъ предметовъ. Море выноситъ на берега Новой Земли стволы деревьевъ, быть-можетъ, упавшихъ въ воды Амазонки или Миссисипи.

Обломокъ судна, затонувшего у Капштадта, можетъ приплыть въ Лиссабонъ...

Но намъ сейчасъ было не до философствованій на тему о томъ, какимъ таинственнымъ законамъ подвержены судьбы «морскихъ странниковъ»: намъ надо было заботиться о самихъ себѣ, ибо «Трину» уже захватила и помчала бура.

Да, это было нѣчто чудовищное!

По правдѣ сказать, я самъ совершенно потерялъ надежду на то, что удастся выбраться живымъ изъ этой передѣлки.

Въ самый разгаръ бури неожиданно налетѣвшимъ откуда-то съ боку порывомъ вѣтра мою «Трину» положило на бокъ. Судно было, казалось, осуждено на гибель. Часть матросовъ бросилась къ спасательнымъ лодкамъ, какъ будто лодки могли выдержать хоть пять минутъ борьбы съ бѣшенными волнами.

Мигъ, и все было бы кончено.

Но судьба сжалилась надъ нами: фокъ-мачта, словно обрѣзанная ножомъ у самаго основанія, рухнула въ воду, и «Трина» начала выпрямляться. Ментально мои матросы, обрубивъ всѣ обрывки снастей, державшихъ упавшую мачту, и тогда судно, хотя и лишенное одной мачты, выпрямилось и ползло снова. Весь этотъ день прошелъ въ борьбѣ съ бурей. И страшная качка не прекращалась ни на мигъ. Это ужасно дѣйствовало на большую Марту. Она то оправлялась, то слабѣла и впадала въ тяжелое забытіе. Каролина боялась, что ея сестра не переживетъ шторма. На другой день вечеромъ, пользуясь минутнымъ затишьемъ, я сбѣгалъ въ мою каюту, чтобы узнать, какъ тамъ идутъ дѣла.

Печальное зрѣлище представилось моимъ взорамъ: на моей койкѣ лежало безчувственное тѣло Марты, а Каролина глядѣла на меня полными слезъ глазами.

— Она умираетъ! — шептала дѣвушка. — Я теперь остаюсь одна, совершенно одна въ цѣломъ мірѣ!

— Успокойтесь, Каролина! — съ трудомъ вымолвилъ я. — Вѣдь у васъ есть отецъ...

— Отец умеръ, разорившись, два года назадъ!

— Есть родственники...

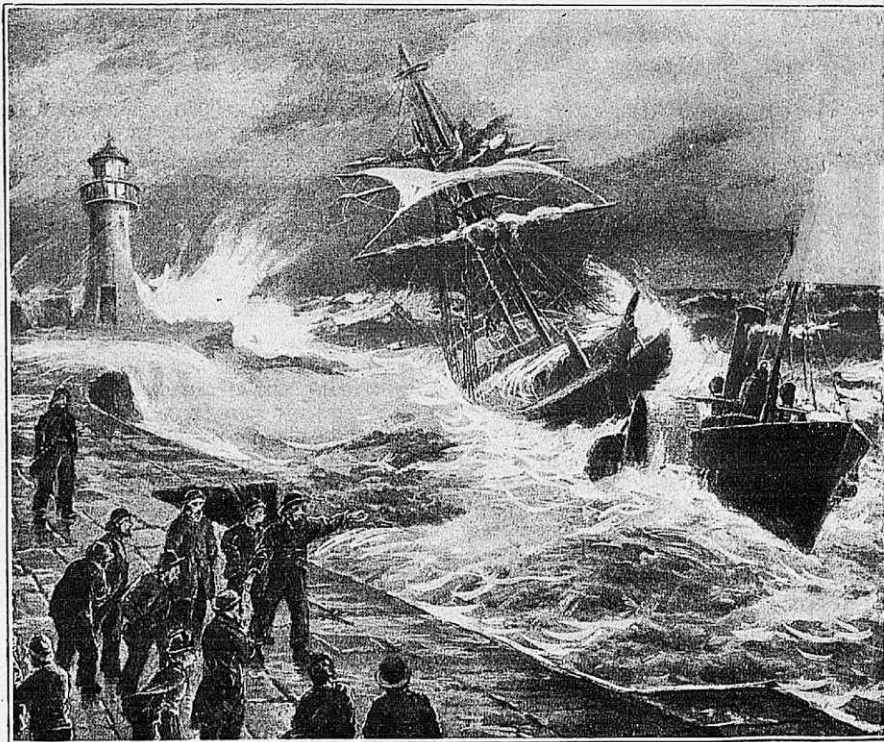
— Они... они отвернулись отъ насъ съ Мартою. Вѣдь мы были вынуждены даже эмигрировать, чтобы не умереть голодною смертию на родинѣ! Мужъ Марты застрѣлился.

— У васъ былъ женихъ...

— Не вспоминайте! Не напоминайте этого негодяя мнѣ! Я всегда ненавидѣла и презирала его всѣми силами души, потому что...

Она оборвалась и смолкла. Но я поняла, что она хотѣла сказать.

— Хорошо, мое дитя! — сказалъ я. — Объ этомъ мы поговоримъ послѣ. Но что будемъ дѣлать теперь? Уйди изъ этой каюты!

Храбрый портовый пароходъ уже вводилъ «Трину» въ безопасное убѣжище.

— Почему?

— Тебѣ не мѣсто у умирающей!

— Но это тѣло моей беззавѣтно любимой сестры! — запротестовала Каролина. — И я не боюсь никакихъ призраковъ...

Я подчинился ея рѣшенію.

Утромъ, гонимые снова разыгравшеюся бурей, мы мчались уже около береговъ Норвегіи.

Не особенно это радовало меня, ибо «Трина» находилась въ ужасномъ состояніи, экипажъ выбился изъ силъ, и намъ грозила перспектива разбиться о скалы.

Но тутъ судьба сжалилась надъ нами: около полудня я увидѣлъ входъ въ какой-то мнѣ незнакомый маленький портъ и, отчаявшись, сталъ подавать установленные сигналы бѣдствія.

Часъ спустя храбрый портовый колесный пароходъ вводилъ уже на буксирѣ злополучную «Трину» въ безопасное убѣжище, въ спокойную гавань, гдѣ мое бѣдное судно могло, по крайней мѣрѣ, отстояться, пережидая, когда минуетъ буря, а при нуждѣ и починиться.

Разумѣется, какъ только «Трина» стала на якорь, я распорядился о томъ, чтобы свести на берегъ тѣло Марты, скончавшейся на разсвѣтѣ.

Признаюсь, еще когда мы выносили это бѣдное тѣло изъ моей каюты, у меня въ душѣ зародилось какое-то сомнѣніе въ смерти Марты.

Но я не осмѣлился сказать объ этомъ Каролинѣ.

Однако черезъ два или три часа къ «Тринѣ» подошелъ портовый катеръ, принесшій удивительную вѣсть.

Къ моему удовольствію, шотландца Макэнзи не было при моихъ переговорахъ съ капитаномъ катера.

Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи, какъ говорится, припереть туевѣрнаго шотландца къ стѣнкѣ.

Я отыскалъ его и задалъ ему вопросъ:

— Ну, что вы теперь скажете, Макъ?

— О чемъ это?

— О вашихъ будто бы безошибочныхъ предположеніяхъ?

— Да вы считаете ихъ ошибочными, сэръ? — огрызнулся онъ.

— Да.

— Вольному воля! Говорилъ ли я вамъ, что на суднѣ обязательно будетъ покойникъ?

— Говорили!

— Ну, развѣ не померла молодая дама, которую мы еле живою сняли съ яной горы? А, что, сэръ?! Кто былъ въ? Вы или старый Макъ?

— Я.

— Это какимъ образомъ, ваша милость? Ужъ не хотите ли вы сказать, что покойница воскресла?

— Нѣтъ.

— Такъ что же?

— А то, что покойницы вовсе не было!

— Скажете такое?!

— Представьте! Просто была больная женщина, которая подверглась дли-

Каролина читала рукопись, держа на рукахъ малыша.

тельному обморочному состоянію. Ни вы ни я—мы не медики. А вотъ только что медикъ городского госпиталя прислалъ сообщить, что «покойница» очнулась и что, мало того, онъ надѣется спасти ее окончательно!

— Быть не можетъ! — подскочилъ отъ изумленія Макэнзи.

Но ему пришлось убедиться, что «все может быть, все может стать, и ни за что нельзя ручаться» на этом свѣтѣ»...

Но и это новое и разительное доказательство бессмысленной его непоколебимой вѣры въ предназначения отнюдь не разубѣдило его.

— Такъ-то такъ, — твердилъ онъ, — но...

— Но что же?

— Да вѣдь фокъ-мачту-то «Трина» потеряла?

— Положимъ!

— Ну, то-то! Значитъ, предназначение исполнилось-таки! — торжествовалъ упрямый суевѣръ.

Мнѣ оставалось махнуть на него рукою, что я и сдѣлалъ очень охотно, ибо у меня и безъ того дѣла было не мало: надо было привести въ порядок и судовыя дѣла и... и мои личные. То-есть дѣло съ Каролиною фонъ-Мальвицъ, которая должна была на этотъ разъ не уходить отъ меня. Я твердо рѣшился на это. Вотъ развѣ она отвернется отъ человѣка, къ которому когда-то питала чисто-дѣтскую привязанность?

Но она не отвернулась...

А объ остальномъ что же рассказывать?

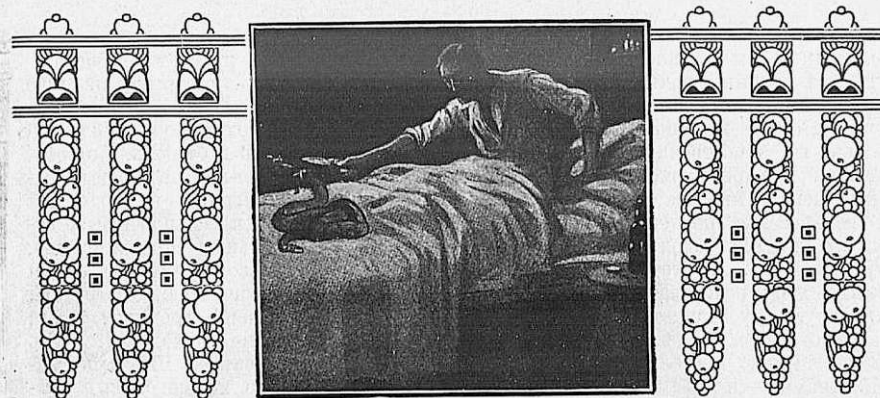
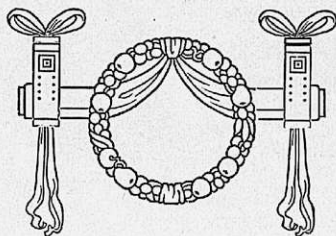
Опять въ моей жизни наступилъ переломъ: я ушелъ отъ моря, какъ только перевѣчался съ Каролиною.

Съ накопленными мною за эти годы службы на морѣ маленькими средствами я рискнулъ пустить въ ходъ свои спеціальныя знанія, то-есть знанія техники, и открылъ маленькую механическую мастерскую въ одномъ изъ портовыхъ городовъ.

Дѣло не будетъ соперничать съ заводами Круппа въ Эссенѣ или съ верфями «Вулканъ». Но...

Но это дѣло прокормить меня, прокормить Каролину, прокормить живущую и работающую съ нами Марту, и... и того малыша, котораго моя Каролина сейчасъ, читая первыя странички этой рукописи, этой повѣсти о пролетѣвшихъ мимо насъ призракахъ, держитъ на рукахъ.

И отъ прибылей моей мастерской остается еще столько, что, когда ко мнѣ иной разъ привалитъ сразу цѣлая ватага моихъ бывшихъ матросовъ съ «Трины» подъ командою суроваго шотландца Макэнзи, я могу и «подкормить» и даже напоить всю эту ватагу, не считая, во что это обойдется...

МИЛАЯ ГОСТЬЯ.

Рассказъ П. Томпсона.

МНѢ эту исторію рассказывалъ чело-вѣкъ, самъ пережившій ее. Зовутъ его Артуромъ Риккардъ. У него сейчасъ довольно большая и благоустроенная ферма въ Южной Дакотѣ. Но ферма досталась ему цѣною тяжелаго труда, путемъ многолѣтней работы надъ очищеніемъ и разработкой дѣвственной почвы. И при этомъ Риккардъ пережилъ не мало такихъ дней, когда его жизнь висѣла буквально на волоскѣ.

Но я думаю, лучше будетъ предоста-вить слово ему самому.

* * *

— Насъ было двое: мой братъ Жозефъ и я. И, вотъ, задумали мы поселиться въ глухой мѣстности, гдѣ еще можно было получить землю на льготныхъ условіяхъ съ грошовою платою. А это было очень важно для насъ, потому что, собственно говоря, кромѣ крѣпкихъ рукъ да желанія во что бы то ни стало стать на ноги и выбиться въ люди своею собственною работою, у насъ другихъ ресурсовъ не было.

Но мы были молоды, предприимчивы, смѣлы, не боялись никакихъ опасностей, охотно шли на извѣстный рискъ.

И, вотъ, намъ-таки удалось получить два очень порядочныхъ участка въ Южной Дакотѣ, при чемъ очень существеннымъ достоинствомъ этихъ участковъ, лежавшихъ, конечно, смежно, было то обстоятельство, что въ ихъ непосредственной близости проходила линія тогда еще строящейся желѣзной дороги. Значитъ, нашей землѣ предстояло хорошее будущее. Во всякомъ случаѣ, проработавъ на этихъ участкахъ извѣстное число лѣтъ, мы могли разсчитывать на то, что станемъ зажиточными людьми.

Но были и неудобства: во-первыхъ, пока что, жили мы далеко отъ какого-либо другого поселка, питаться приходилось почти исключительно консервами, людей видѣть удавалось только урывками, когда къ намъ забредалъ какой-нибудь бродяга «трампа» или переселенецъ, а во-вторыхъ, именно изъ-за желанія имѣть побольше земли, мы съ братомъ были вынуждены выстроить двѣ отдѣльныхъ хижины полуземлянки и жить порознь: какъ извѣстно, казенныя участки земли на льготныхъ условіяхъ выдѣляются правительствомъ только такимъ поселенцамъ, которые, помимо обязательства обрабатывать данную землю, обязываются еще и жить именно на своемъ участкѣ. До извѣст-

ной степени мы обошли законъ, поставивъ двѣ хижины почти рядомъ, у самой границы, отдѣлявшей наши владѣнія. Но все же спать намъ приходилось въ «собственныхъ» жилищахъ порознь. Нароботавшись за недѣлю до изнеможения, мы оба позволяли себѣ въ воскресенье роскошь — побыть въ постели лишній часокъ.

Такъ было и въ тотъ день, о которомъ я хочу рассказать. На разсвѣтѣ я проснулся, услышавъ, какъ какое-то довольно тяжелое тѣло гулко шлепнулось на мою постель.

Взглянувъ — я обомлѣлъ: у моихъ ногъ на постели лежала большая гремучая змѣя, нѣсколько ошеломленная паденіемъ, но уже свившаяся въ клубокъ и нервно двигавшая хвостомъ, что всегда служитъ вѣрнымъ признакомъ готовности гадины броситься въ атаку. Дѣло въ томъ, что, поселившись на нашихъ «клѣмахъ», мы съ братомъ не могли выстроить болѣе или менѣе приличныхъ жилищъ, а были вынуждены ограничиться сооруженіемъ чего-то примитивнаго, почти шалаша. Это было полудомомъ, полужемлянкою, потому что для бережения затратъ на строительный матеріалъ мы вырывали яму въ склопѣ холма, потомъ надъ ямою возводили невысокую стѣнку съ прорѣзью вмѣсто окна, а сверху накрывали крышею въ одинъ скатъ изъ тонкихъ жердей, вѣтокъ и сноповъ бурьяна.

Что и говорить, жилище, лишенное самыхъ важныхъ удобствъ, напоминающее скорѣе звѣриное логовище. Но зато оно стоило очень дешево, а во-вторыхъ, какъ никакъ, въ немъ мы были до известной степени защищены отъ непогоды.

Но, устранивъ такое жильѣ, мы не принявъ въ расчетъ того обстоятельства, что въ означенной мѣстности водилось огромное количество гремучихъ змѣй, еще не приученныхъ избѣгать близости человѣческаго жилища.

Вотъ, одна изъ такихъ гадинъ, очевидно, ползая по скату холма, забралась на крышу моей землянки, бывшую въ уровень съ поверхностью земли, а потомъ провалилась сквозь дырявую на-

стилку и упала, но, къ моему несчастью, упала не на полъ, а прямо на мою кровать.

Разумѣется, первую мою мысль было вскочить съ постели и бѣжать. Но тотъ, кто знаетъ сколько-нибудь правы гремучей змѣи, не рискуетъ на подобный экспериментъ: это пресмыкающееся отличается удивительною подвижностью, оно бросается на свою добычу съ почти сказочною фантастическою быстротою. А что такое укушеніе гремучей змѣи, думаю, описывать не приходится. Вѣдь и теперь въ Соединенныхъ Штатахъ ежегодно погибаетъ по меньшей мѣрѣ двѣтри тысячи человѣкъ отъ укусовъ этой гадины.

И такъ, мы лежали оба: я и гремучая змѣя. И смотрѣли другъ на друга. И думали...

Что думало пресмыкающееся, я не знаю. Можетъ-быть, она въ первый разъ видѣла человѣка, и была поражена. Можетъ-быть, было до крайности возбуждено ея любопытство. По крайней мѣрѣ, немного спустя она проявила всѣ признаки этого удивительнаго любопытства, на мое горе...

Я же думалъ о томъ, что братъ Жозефъ не зайдетъ въ мою землянку еще, по крайней мѣрѣ, два или три часа, что у меня подъ рукою нѣтъ никакого оружія, которымъ я могъ бы защищаться отъ змѣи, и что при малѣйшемъ моемъ движеніи гадина вѣцпнется въ меня своими ядовитыми зубами...

Но, можетъ-быть, она соскучится лежать на постели и сползетъ на землю? Тогда я начну выгрызть въ нее все, что можетъ подвернуться подъ руку, оглушу ее, потомъ добыю какъ-нибудь?

Вотъ она начинаетъ шевелиться, распластываетъ свое уродливое тѣло, протягиваясь по одѣялу, головою ко мнѣ.

Я лежу правою щекою на подушкѣ, не шевелюсь, стараясь даже не задрожать. И чувствую тяжесть тѣла змѣи на ногахъ, потомъ на животѣ. Все ближе, ближе подвигается ядовитая бестія къ моему лицу. И при этомъ смотритъ упорно мнѣ въ глаза своими проклятыми злобными глазами...

Улегшись у меня на груди, змѣя свернулась кольцомъ, но оставила сво-

бодную часть шеи, поднимая голову какъ на стальной пружинѣ и держа эту уродливую голову съ разинутою пастью въ уровень съ моими глазами.

Я не выдержалъ и закрылъ глаза.

Въ то же мгновеніе гремучка отпрянула назадъ, зашевелила своимъ хвостомъ, издавая странные звуки, словно трясется кто пару погремушекъ, и испустила раздраженное шипѣнье.

Но у меня не было силъ ни пошевелиться, ни открыть глаза. Моя полная неподвижность явно успокоила змѣю. Она перестала свистѣть и «звонить» погремушками, потомъ...

Потомъ я почувствовалъ, что она, вытянувъ шею, почти прикасается холоднымъ, скользкимъ носомъ къ моему лицу.

Ея раздвоенный язычокъ, вибрируя, осазалъ мой подбородокъ, ощупывала мои щеки, касался моихъ вѣкъ, моего лба, носа. Потомъ змѣя ткнулась головою о мою лѣвую скулу, и ея языкъ проникъ въ ушную раковину.

Ей Богу, можно было съ ума сойти отъ ужаса!

Холодное скользкое брюхо проползало по моей голой шеѣ, по щекамъ, вызывая во мнѣ неудержимое отвращеніе и ужасъ, сковывавшій мои члены. Смерть была тутъ, рядомъ со мною. Смерть касалась своимъ жаломъ моего лица...

Я не знаю, какъ я пережилъ эти ужасныя минуты. Но мнѣ онѣ казались дѣлою вѣчности...

Но, вотъ, повидимому, удовлетворивъ свое любопытство и не дождавшись, что я открою глаза, змѣя покинула мою грудь, поползла къ ногамъ. Проткнувъ чуть-чуть глаза, я увидѣлъ, что она укладывается, свернувшись кольцомъ, на моихъ ногахъ, но, все же, держится насторожѣ и не спускаетъ съ меня взора. Непосредственная опасность миновала. Но я могъ ожидать нападенія каждаго мгновенія. И мнѣ во что бы то ни стало надо было подумать о самозащитѣ.

Тутъ я вспомнилъ, что вчера вечеромъ, вернувшись съ полевыхъ работъ, мы съ братомъ поужинали рыбными консервами. Консервы лежали въ круглой жестянкѣ. Я лично вскрывалъ

эту жестянку, и когда отгибалъ крышку, то обращалъ вниманіе на то, что тонкая жестъ остра, какъ лезвіе ножа. Полупорожнивъ жестянку, мы оставили ее на столѣ, а столъ стоитъ рядомъ съ моею кроватью. Значитъ, стоитъ протянуть только руку, и я могу достать коробку. А тогда я могу употребить ея крышку въ качествѣ замѣны ножа за неимѣніемъ другого оружія подъ рукою.

Но дастъ ли змѣя время мнѣ добыть жестянку?

Надо попытаться! Не потгибать же! И вотъ, я началъ вытягивать руку по направленію къ столу. Это было нѣчто до безумія тяжелое: мнѣ приходилось заботиться о томъ, чтобы не испугать змѣю и не вызвать ее на немедленное нападеніе. Значитъ, надо было создать иллюзію, что я не двигаюсь. Надо было такъ поднимать руку, чтобы змѣя, не спускаясь съ меня глазъ, совсѣмъ не замѣтила движенія.

Это длилось, должно-быть, добрыхъ полчаса, пока я не схватилъ коробку, да, пожалуй, не менѣе полчаса, а не съ ее обратно.

Отъ времени до времени змѣя какъ будто тревожилась, приподнимала голову. Два или три раза она хлестнула хвостомъ по моимъ ногамъ, какъ будто готовая прыгнуть на меня, угрожающе шипѣла, но потомъ успокаивалась. И вотъ, жестянка уже въ моей правой рукѣ. Дрожащими пальцами я нащупываю ея крышку, убѣждаюсь, что, дѣйствительно, жестъ остра, какъ сталь. Странное оружіе у меня въ рукахъ, но другого нѣтъ, и всѣ мои надежды на спасеніе — въ этомъ оружіи.

Я пошевелинулся, приподнялъ голову. Въ то же мгновеніе змѣя взвилась, разинувъ пасть, но раньше, чѣмъ она успѣла прыгнуть на меня, я изо всей силы ударилъ ее жестянкою по шеѣ. Ударъ былъ и мѣтокъ, и силентъ: я видѣлъ, какъ металлъ врѣзался въ тѣло пресмыкающагося и почти отдѣлилъ голову отъ туловища. Тряхнувъ рукою, я сбросилъ корчащееся въ судорогахъ тѣло гадины на земляной полъ.

До этого момента я еще сохранялъ самообладаніе. Но тутъ силы мнѣ измѣнили, нервы сдали: обезумѣвъ, я

выскочилъ, придавилъ все тою же коробкою консервовъ голову змѣи къ полу, лѣвою рукою схватилъ ея хвостъ и потянулъ. Что-то хрустнуло, голова осталась подъ жестяною, раздавленная въ лепешку, а тѣло было въ моей рукѣ, и оно еще извивалось, корчилось. Я выскочилъ изъ землянки и побѣждалъ къ шалашу брата, крича, плача, со стонами и вздохами.

Жозефъ выскочилъ изъ шалаша и увидалъ меня съ тѣломъ змѣи въ рукѣ.

— Почему ты ее держишь? Брось, брось! — кричалъ онъ. — О, Боже! Неужели она тебя укусила?

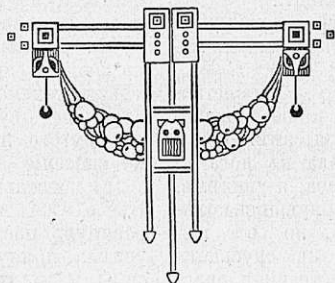
А я не могъ выговорить ни единого слова. Только зубы отбивали дробь...

Жозефъ почти на рукахъ втащилъ меня въ свою хижину и уложилъ въ постель. Я пролежалъ цѣлый мѣсяцъ — меня трепала жесточайшая лихорадка. Да и потомъ, оправившись отъ лихорадки, я еще съ мѣсяцъ еле держался на ногахъ. Такъ подѣйствовалъ на меня пережитый ужасъ этой близости съ гремучею

змѣею въ теченіе добрыхъ двухъ часовъ...

Какъ только я былъ въ силахъ работать, я занялся тѣмъ, что перестроилъ свою землянку, сдѣлавъ надъ нею солидную крышу: сквозь доски крыши внутрь уже не проберется никакая змѣя.

Впрочемъ, за эти три-четыре года въ нашей мѣстности число гремучихъ змѣй очень уменьшилось: поселенцы на свой счетъ, собравъ порядочную сумму денегъ, выписали «на гастролы» партію мексиканскихъ ковбоевъ, этихъ непримиримыхъ враговъ змѣй. Смѣлые пастухи въ двѣ недѣли истребили нѣсколько тысячъ пресмыкающихся. Теперь одинъ изъ этихъ ковбоевъ живетъ у меня въ качествѣ работника и присяжного змѣелова. Но онъ уже начинаетъ жаловаться, что змѣй слишкомъ мало. Говорить, что еще годъ-два, и онъ совсѣмъ переведется въ нашей мѣстности, чего я отъ души желалъ бы: въ то роковое утро, за два или три часа, я постарѣлъ на десять лѣтъ...

НАДЪ САХАРОЮ.

Разсказъ М. Волохова.

I.

КАКИЯ случайности съ нашимъ парнемъ въ сущности, невозможны.

— Онъ радъ слышать, что существуетъ такой парь, съ которымъ «никакия случайности невозможны!» — откликнулся я въ какомъ-то проницательно молодому поручику иностраннаго легіона, Анри Оркуру, стоявшему рядомъ со мною у корзины приготовленнаго къ подъему французскаго военнаго аэростата «Пюн-де-Домъ» яснымъ жаркимъ майскимъ утромъ 1908 года на равнинѣ Сиди-эль-Ахадъ, въ ста двадцати километрахъ отъ Казабланки.

Послѣдствіе смѣшавшись, Анри Оркуру попросилъ и потомъ обидчиво сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ я готовъ держать пари на дюжину шампанскаго, что черезъ два часа мы благополучно вернемся на землю и за завтракомъ въ офицерскомъ казино будемъ разсказывать о нашемъ маленькомъ путешествіи!..

— Я на пари не пойду, потому именно, что дѣло воздухоплавателя — все соткано изъ массы случайностей. Отъ хорошаго завтрака въ компаніи съ друзьями тоже не откажусь... Но, по моему мнѣнію, парь совершенно наполненъ газомъ. Пора бы подниматься.

— Генераль еще не далъ сигнала... Придется обождать!

Словно услышавъ наши переговоры, къ намъ подошелъ генераль Марсель Галифэ, племянникъ прославившагося въ эпоху дѣла Дрейфуса военнаго министра маркиза Галифэ. Это былъ молодой еще бронецъ съ порывистыми движеніями, съ зоркими живыми черными глазами и манерами офицера,

привыкшаго повелѣвать. На ходу онъ нервно крутилъ свои лихо закрученные усы и что-то напѣвалъ. И я вспомнилъ, что солдаты нашего отряда, посланнаго въ небольшую карательную экспедицію къ Вахр-эль-Ахадъ и Сиди-эль-Ахадъ считали пѣнье генерала признакомъ серьезности положенія дѣла.

— Ну-съ, господа! — обратился генераль къ намъ съ Анри. — Ну-съ, господа! Я думаю, вы можете отправляться...

— Слушаю, генераль! — вытянулся Анри.

— Вы берете съ собою третьяго спутника, мосье Ренара. Надѣюсь, мосье Ренаръ, вы сдѣлаете, по крайней мѣрѣ, нѣсколько дюжинъ снимковъ мѣстности расположенія этихъ разбойничьихъ шаякъ. Помните, что это очень, очень важно...

Мосье Ренаръ, представитель извѣстной парижской фотографической фирмы «Ренаръ и Синъ», только что прибывшій въ Марокко съ какими-то особенными, только что изобрѣтенными и усиленно рекламируемыми фотографическими аппаратами для снимковъ стереоскопическихъ фотографій военныхъ сценъ, молча поклонился генералу.

— Ну-съ, а вы, мосье... Волоховъ?

— Чѣмъ могу служить, генераль? — отозвался я.

— Надѣюсь, что этотъ вашъ первый полетъ въ Марокко будетъ отменно удачнымъ, и вы напишите моему другу, генералу Ковлову, что вамъ здѣсь было оказано самый радушный приемъ, на который, впрочемъ, имѣетъ право разсчитывать каждый офицеръ арміи дружественной намъ Россіи...

И генераль, большой любитель круглыхъ и довольно высокопарныхъ фразъ,

протянуть мне руку, как будто пожимая в моем лице руку всей русской армии...

Потом, отведя меня несколько в сторону, он сказал мне конфиденциальным тоном:

— Из ваших рекомендательных писем я вижу, что вы не новичок в деле воздухоплавания?

— Летаю! — ответил я кратко, считая излишним распространяться о своих полетах на воздушных шарах в Старом и в Новом Свете.

— Ну-с, так вот... Летаю? Очень, очень рад!.. Скажу по совести, но, конечно, между нами, в строжайшем секрете, — я не очень-то доволен всем этим... Чорт возьми! Если генерал Амад хотел осветить местность, то мог двинуть несколько эскадронов конных спаги, ну, дать для поддержки роту, другую стрельков с парочкою пулеметов и какую-нибудь горную пушечкою... Спаги — молодцы по части разведок. Не уступят вашим казакам...

— Не смью сомневаться...

— Ну-с, но Амаду хочется вести дело по всем правилам военного искусства, по лекциям профессоров военной академии, с применением к делу всех новинок... И вот вместо смелого кавалерийского «райда», которым мы навели было панику на скопища марокканцев, мы совершаем черепашьим шагом настоящий поход в миниатюр, устраиваем полевой телеграф, на ночь окапываемся, словно намбравемся выдержать месячную осаду, таскаем за собою пьютю батарею горных пушек, наконец, вот, путаемся с воздушным шаром... Но я — простой исполнитель воли посланного меня. Генерал Амад-халиф на час, но этот час еще не прошел, и потому... Да, так о чем я говорил? Вспомнил! Видите ли, какая история. Если я не доставлю в штаб фотографических снимков местности с высоты птичьего полета, — я нарушу прямой приказ начальства. В то же время капитан Лепеллетье, завидующий нашим маленьким воздухоплавательным отделением, лежит в по-

ходном лазарете: бдительно свалил солнечный удар. Его всегдашней помощник в полетах, поручик Крозье хоть и не лежит, но летать не может, куда не оправится от царапины, которую получил три дня назад в стычке с марокканцами. А поручик Оркур... Он до сих пор совершил только один полет на шар, и то поднимался на высоту триста метров. Значит... Словом, когда вы были так любезны, что изъявили согласие руководить подъемом, — я был сердечно рад... Сердечно рад!

«Ну-с, и позвольте мне пожелать вам полной удачи, благополучно слетать, дать возможность фотографу сделать свое дело... Возвращайтесь к завтраку. До свиданья».

И генерал опять пожал мне руку. Пять минут спустя, «Пюи-де-Дом», военный аэростат второго отделения тулонского воздухоплавательного парка, доверенный, таким образом, моему управлению, уже плавно и медленно поднимался в безукоризненно прозрачный воздух, как словно поблбднвшему, полинявшему от лѣтнаго зноя небу.

Итак, мой читатель уже приблизительно знает, как мне, русскому гостю французского отряда в Марокко, пришлось замѣщать законнаго руководителя полетов «Пюи-де-Дома»: это было чистою случайностью. И, отправляясь в полет, я сам не думаю, какія серьезныя приключенія мне придется пережить и какъ близко къ гибели будемъ мы всѣ трое, какой-нибудь часъ спустя послѣ разговора съ генераломъ Галифе.

* * *

Итакъ, шаръ медленно и плавно поднимался, и передъ нашими взорами раздвигалась великолѣпная панорама: намъ съ нашей гондолы была видна на громадное, необозримое пространство территория, заставляющая такъ много говорить о себѣ въ наши дни, земля, политая обильно кровью, страна, изъ-за которой уже дважды война чуть не вспыхивала Франціи съ ревниво глядящею на ея успѣхи могущественною сосѣдкою — Германіею.

Марокко, таинственная имперія, одно изъ немногихъ сохранившихъ свою самостоятельность государствъ Африки, царство нѣкогда чуть не завоевавшихъ миръ арабовъ, осколокъ отъ чего-то великаго, могучаго, славнаго, теперь — клочокъ земли, по которому жадныя руки европейцевъ изъ края въ край уже провели кровавыя борозды насилія...

Марокко, на благодатной землѣ котораго, рано или поздно, расселятся десятки миллионъ европейцевъ, вытѣсняя въ глубь пустыни или просто стирая съ лица земли потомковъ обладателей Гранады...

Сколько сказокъ существуетъ о тебѣ, страна упадка и разложенья, страна смерти одряхлѣвшей арабской культуры?

Сколько тайнъ хранится въ твоихъ нѣдрахъ!..

Ты, край, обвѣваемый съ юга мертвящимъ дыханіемъ Сахары, съ сѣвера — живящимъ дыханіемъ Средиземнаго моря!

Ты, страна, въ нѣдрахъ которой, въ спускающихся къ морю террасами горныхъ хребтахъ таится золото, серебро, мѣдъ, каменный уголь. Ты, страна, на поляхъ которой колосится золотая пшеница, въ садахъ рдѣетъ червоннымъ золотомъ апельсинъ и блѣдно-желтый лимонъ выглядываетъ изъ густой, словно лакированной зелени своей упругой листвы, — ты можешь быть когда-нибудь счастливымъ раскопнымъ краемъ. Но куда ты — страна нищеты, страна кровавыхъ распри.

Твои дѣти нѣкогда шли во главѣ культуры и несли міру свѣтъ знанія. Теперь ты — страна нищеты, невѣжества, дикаго, слѣпнаго фанатизма...

Обо всемъ этомъ невольно думалъ я, поднимаясь медленно на воздушномъ шарѣ «Пюи-де-Домъ» въ окрестностяхъ Сиди-эль-Ахада.

Мои спутники, какъ и я, не могли оторвать своихъ взоровъ отъ разстилавшейся передъ нами панорамы. И, въ самомъ дѣлѣ, она была такъ величественна...

Тамъ, внизу, уже въ двухъ или въ трехъ стахъ метрахъ подъ нами, копошится расположившійся на поляхъ Сиди-

эль-Ахада французскій лагерь. Тамъ бѣлѣютъ палатки, словно стая бѣлыхъ утокъ, дремлющихъ въ заводи...

Вонъ поблескиваетъ что-то... Ба! это — горная батарея. Какія крошечныя, какія изящныя игрушечки — эти стальные пушечки... И какъ странно: неужели онѣ, эти игрушечки, могутъ посылать за нѣсколькими верстами снаряды, несущіе съ собою смерть всему живому, разрушеніе всему, встрѣчающемуся на ихъ пути?

Въ тѣни оливковыхъ деревьевъ расположились табуны лошадей. Это — кони сопровождающаго нашъ отрядъ эскадрона лучшихъ въ мирѣ наѣздиновъ, лихихъ спаги, любящихъ ридиться въ бедуинскіе бурнусы...

А вонъ — пѣхотицы. Они воспользовались свободною минуткою, и, расположившись у береговъ небольшого горнаго ручейка, присутствіе котораго выдаетъ намъ только стелющійся надъ его ложемъ легкій голубоватый туманъ, да кое-гдѣ — поблескиванье лужицы, не спрятавшейся отъ жадныхъ лучей африканскаго солнца, — заняты серьезнымъ дѣломъ: наскоро стираютъ, какъ самыя заправскія прачки, свое бѣлье...

А тутъ дымятся костры, матеріаломъ для которыхъ послужило дерево только что разобранный изгороди какого-то арабскаго хутора.

Надъ огнемъ — намъ чуть видно это — висятъ кажущіеся совсѣмъ игрушечными ртотные котлы: тамъ повара готовить немудрый обѣдъ всей этой разношерстной, крикливой, шумливой, пестрой толпѣ солдатъ, посланныхъ Франціей въ марокканскую экспедицію...

А это что? Неужели... неужели это нашъ воздухоплавательный паркъ?

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь именно туда уходитъ прикрѣпленный къ дну нашей корзины стальной канатъ. Вонъ вертится лебедка, съ вала которой разматывается, позволяя намъ все выше и выше подниматься въ воздухъ, эта тонкая стальная нить, единственная наша связь съ землею. Рядомъ — фургоны, возлѣ которыхъ валяются черныя, длинныя, конически заостренные цилиндры, напоминающіе гигантскія ядра. На самомъ дѣлѣ эти цилиндры не имѣютъ ничего

общаго съ дѣломъ разрушенія и кровопролитія: это просто-напросто сгущенный водородъ, материалъ, которымъ наполненъ для подъема нашъ шаръ.

А что это шевелится возлѣ лебедки, посылая въ воздухъ струйки голубоватаго дыма?

Это — чудо техники, переносный паровой двигатель въ сто лошадиныхъ силъ, соединенный пассомъ съ лебедкою: когда намъ понадобится возвращаться на землю, быть-можетъ, возвращаться спѣшно, то копошащейся около машины механикъ пустить ее въ ходъ, и завертится, но уже въ обратную сторону, валъ лебедки, стальной канатъ начнетъ наматываться быстро-быстро, каждый оборотъ лебедки сокращаетъ канатъ на полтора-два метра, съ каждымъ поворотомъ лебедки шаръ подтягивается ближе къ землѣ на полтора-два метра. Въ минуту такихъ оборотовъ лебедка можетъ сдѣлать безъ опасности для шара до пятидесяти, въ крайнемъ случаѣ — до семидесяти оборотовъ, — значитъ, въ минуту шаръ можно подтянуть на сто двадцать метровъ. Но обыкновенно предпочитаютъ пускать въ ходъ машину съ 30 и не больше сорока оборотовъ въ минуту. Этого совершенно достаточно.

Заглянувъ на картину разстилавашагося подъ нами лагеря, я вдругъ услышалъ голосъ мосе Ренара, фотографа, возившагося со своимъ усовершенствованнымъ фотографическимъ аппаратомъ:

— Вѣроятно, къ лагерю подходитъ другой новый отрядъ.

— Гдѣ вы видите? — отозвался Анри Оркуръ.

— А вонъ, тамъ...

И фотографъ махнулъ рукою въ сторону.

Анри, повидимому, не обратилъ вниманія на его заявленіе или же не нашелъ того пункта, на который указывалъ фотографъ.

Въ свою очередь, я, осматривая окрестности при помощи великолѣпнаго призматическаго «Цейсса», нигдѣ не видѣлъ слѣдовъ приближающихся къ лагерю отрядовъ. Напротивъ, насколько хваталъ взглядъ, я видѣлъ повсюду, по всѣмъ рѣшительно направленіямъ, дви-

женіе отъ лагеря. И это было только естественно; появленіе отряда, подошедшаго сюда послѣ ряда мелкихъ, но упорныхъ стычекъ и двухъ до извѣстной степени серьезныхъ кавалерійскихъ схватокъ съ марокканцами, приверженцами претендента на марокканскій престолъ, Мулай-Гафиды, мятежнаго брата марокканскаго султана Абдъ-эль-Азиса, вызвало повсюду вполне понятную панику. Населеніе мѣстности, опасаясь нападенія французовъ, секвестраціи припасовъ, отобранія заложниковъ, опасаясь разоренія, покидало свои жилища и быстро уходило въ горы, угоняя съ собою скотъ, увозя на мулахъ, ослахъ, на верблюдахъ домашній скрабъ. Кое-гдѣ — я ясно видѣлъ это — по тропинкамъ и дорожкамъ двигались цѣлыя толпы, волоча за собою неуклюжихъ двухколесныхъ тележки съ полотнонымъ верхомъ. И отсюда по временамъ доносились чуть слышныя гулы встревоженныхъ голосовъ, крикъ животныхъ, иногда — отголоски ружейныхъ выстрѣловъ.

Быть-можетъ, тамъ, въ этихъ покидающихъ свои жилища толпахъ марокканцевъ, совершались величайшіе подвиги самопожертвованія, совершались подвиги безумной храбрости, происходили трагедіи. Тамъ разыгрывались страсти, кипѣла и прорывалась наружу злобная ненависть.

А намъ отсюда, съ высоты въ пятьсотъ метровъ, все казалось тихимъ, спокойнымъ...

Вонъ движется толпа, оставляя на дорогѣ облако пыли, движется вся окрестная этимъ рыжеватымъ облакомъ.

На глазъ нѣтъ возможности опредѣлить, съ какою именно быстротою подвигается этотъ отрядъ бѣглецовъ. Онъ движется такъ медленно, медленно, словно ползетъ... А на самомъ дѣлѣ, быть-можетъ, тамъ люди мчатся въ слѣпомъ ужасѣ, въ дикой паникѣ, заталкиваютъ другъ друга, проталкиваясь впередъ, теряютъ близкихъ, сталкиваются съ посторонними...

— Эй Богу, я видѣлъ двѣ пушки! — сказалъ опять фотографъ. — И около нихъ возились какіе-то бурнусники...

— Да покажите же, гдѣ! — нетерпѣливо отозвался офицеръ.

И потомъ, наводя бинокль на указанное мѣсто — это была небольшая оливковая рощица въ полукилометрѣ разстоянія отъ французскаго лагеря, — добавилъ:

— Вы еще, чего добраго, вообразите, что марокканцы осмѣливаются ютиться въ двухъ шагахъ отъ нашего лагеря! Готовятъ коварное нападеніе. Зашли въ тылъ и хотятъ застать врасплохъ...

— Ну, вотъ... Я не говорилъ ничего подобнаго! — отозвался фотографъ. — Я сказалъ только, что видѣлъ въ кустахъ... или это не кусты? Ну, въ зелени деревьевъ... Я видѣлъ какой-то небольшой конный отрядъ, и мнѣ показалось, что нѣкоторые всадники, спѣшившись, подходили къ двумъ большимъ пушкамъ...

— Удивительная фантазія у васъ, господи парижане!.. Марокканцы бѣгутъ отъ насъ, какъ зайцы. Всѣ хваленныя «сраженія» тутъ — просто-напросто бойня. Еще кавалеріи приходится иной разъ прийти въ столкновеніе съ инсургентами... А намъ... Ахъ, чортъ!.. Что это? Что это такое?

Офицеръ, перевернувшись черезъ бортъ корзины, глядѣлъ, не отрываясь, по направлению, указанному фотографомъ.

— Чортъ... Да вѣдь... Да вѣдь это же, дѣйствительно, кажется... пушки! Двѣ пушки. Стрѣляютъ!.. Стрѣляютъ!

Взглянувъ туда, куда глядѣлъ онъ, я ясно увидѣлъ поразившую меня картину: на опушкѣ рощицы, повидимому, скрываясь въ зелени кустарниковъ отъ взоровъ сторожевыхъ постовъ французовъ, кучка людей въ бѣлыхъ бурнусахъ копошилась возлѣ лежавшихъ на массивныхъ неуклюжихъ лафетахъ двухъ огромныхъ старомодныхъ пушекъ, дальность боя которыхъ не превышаетъ полуктора километра.

Тамъ взвился сѣровато-бѣлый дымокъ. Потомъ — другой. И черезъ нѣсколько секундъ до насъ ясно донесся отголосокъ двухъ пушечныхъ выстрѣловъ. И опять завозились люди въ бѣлыхъ бурнусахъ около двухъ спрятанныхъ въ кустахъ, среди какихъ-то развалинъ, заплетенныхъ зеленью, огромныхъ и неуклюжихъ старинныхъ пушекъ. И опять два бѣлыхъ облачка...

— По телефону... по телефону! — кричалъ мнѣ растерявшійся Анри. И я понималъ, чего онъ хочетъ: шаръ связанъ съ землею телефономъ, надо немедленно сказать оставшимся тамъ, у паровой лебедки людямъ, откуда стрѣляютъ, кто стрѣляетъ.

Я схватился за трубку телефона, но въ то мгновеніе, какъ я приложилъ свои губы къ рупору, случилось что-то неожиданное: я видѣлъ, какъ опять взвилось сѣровато-бѣлое облачко въ рощицѣ, видѣлъ, какъ большая тяжелая чугунная бомба, описавъ крутую траекторію, опустилась въ тылу лагеря французовъ. Что это? Что случилось?

Тамъ, гдѣ она упала, поднялось огромное облако пыли. Но вѣдь она упала тамъ, гдѣ стоитъ именно нашъ воздухоплавательный паркъ! Она упала и взорвалась около самой нашей лебедки!

Страшный толчокъ. Шаръ рвануло внизъ, рвануло съ такою силою, что затрещали веревки и корзина стала бокомъ, грозя вывернуть насъ.

И потомъ...

И потомъ заплескала, бѣшено крутилась въ воздухѣ.

И я почувствовалъ, что шаръ съ безумною быстротою поднимается вверхъ, вверхъ...

Одного взгляда внизъ, на оставленный нами лагерь, было достаточно, чтобы опредѣлить, что случилось: бомба марокканцевъ, взорвавшись около лебедки и приводившаго ее въ движеніе паровика, разбила лебедку. Какой-нибудь шальной осколокъ чугуна черкнулъ въ воздухѣ по туго натянutoму тросу, на которомъ привязанъ шаръ, перерѣзалъ тросъ. И теперь...

Да, въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія: нашъ шаръ пересталъ быть привязаннымъ шаромъ. Онъ сталъ свободнымъ. Онъ уносился въ небо, волоча за собою обрывокъ троса.

Мы были предоставлены собственнымъ силамъ. Ни откуда мы не могли ожидать помощи...

Вмѣсто простого подъема на баллонъ-каптивъ съ спускомъ къ завтраку въ офицерскомъ казино, мы неожиданно были осуждены осуществить настоя-

щій полетѣть, и еще какой полетѣть! На шарѣ, снабженномъ третьею долею обычнаго запаса балласта. На шарѣ, на которомъ, въ сущности, отсутствовали выработанныя практикою и наукою приспособленія. На шарѣ, наконецъ, на которомъ не было почти запаса провизіи и имѣлось только нѣсколько бутылокъ съ водою...

Мысли дикимъ вихремъ неслись въ моей головѣ, путаясь, сплетаясь одна съ другою. Мысли всплывали яркими искрами и гасли въ какой-то зловѣщей мглѣ.

Я поглядѣлъ на моихъ путниковъ. Они оба, повидимому, поняли, что произошло, и лицо фотографа-парижанина покрылось бурными пятнами, а лицо молодого офицера поблѣднѣло и осунулось.

— Я... я не хочу летѣть! — кричалъ мосе Ренаръ, обращаясь ко мнѣ. — Вы слышите? Я не хочу летѣть... Я не обязанъ летѣть... Пустите меня... сейчасъ же пустите меня... Я хочу на землю...

Это было такъ комично, что я поневолѣ расхохотался, хотя, признаюсь, и мнѣ было не до смѣху...

— Заполчите вы трусы! — съ презрѣніемъ окликнулъ храбраго артиста Анри Оркуръ.

— Нѣтъ, я не замолчу... Вы не имѣете права вести меня куда-то... Сейчасъ же опустите шаръ... Я... я опишу въ «Фигаро» совершенное надѣ мною насилие...

Не обращая вниманія на вопли перепуганнаго до полусмерти фотографа, Анри сказалъ мнѣ:

— Что дѣлать?

— Да, что дѣлать? — отвѣтилъ я ему вопросомъ.

— Вы видите, куда насъ несетъ?

— Къ юго-востоку! — отвѣтилъ я.

— На юго-востокъ, по донесенію нашихъ агентовъ, расположились сильные шайки исургентовъ изъ Тафилета...

— Возможно!

— И если мы опустимся, то...

— Но намъ ничего другого дѣлать не остается... Надо опускаться!

И я потянулся къ веревкѣ газопыскаго клепана.

Въ это время нашъ шаръ, быстро уносимый свѣжимъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ къ юго-востоку, находился на высотѣ свыше трехъ километровъ, и мы уже не видѣли мѣста расположенія французскихъ войскъ.

II.

Въ самомъ дѣлѣ, что можно было предпринять?

Правда, шаръ еще не поднялся до той высоты, которая является критическою, то-есть до высоты пяти верстъ надъ уровнемъ моря. Мы плыли въ еще не очень разрывѣнной атмосферѣ и не ощущали недостатка въ кислородѣ. Небо было ясно и чисто, и нигдѣ не было видно ни малѣйшихъ симптомовъ близкой бури, могущей поставить шаръ въ опасное положеніе.

Собственно говоря, будь дѣло въ другой странѣ, можно было бы шутя посмотреть на наше неожиданное приключеніе, спуститься мирно и благополучно, выбравъ удачное для спуска время и подходящее мѣсто, что при известномъ опытѣ воздухоплавателя не представляеть особыхъ затрудненій...

Все это такъ.

Но вѣдь нашъ неожиданный странникъ по поднебесью, «Пион-де-Домъ», несся сейчасъ не надъ мирными нациями и долинами какой-либо культурной страны, а надъ краемъ, сплошь заселеннымъ полудикарими фанатиками-арабами. Намъ приходилось совершать путешествіе надъ территорією, охваченною пожаромъ междоусобной безпощадной и безжалостной войны. Опустились мы могли только на землѣ, находящейся сейчасъ во власти марокканцевъ, и еще намъ грозила опасность очутиться на территоріи, занятой войсками претендента на марокканскій престолъ, Мулай-Гафиды. И эти войска по существу являлись ничѣмъ инымъ, какъ невѣроятнымъ, совершенно недисциплинированнымъ сбродомъ, разбойничьими шайками, для которыхъ не писаны никакіе законы гуманности, для которыхъ слова «жалость» и «пощада» совершенно невѣдомы, особенно, если дѣло идетъ о жизни европейца...

Но у насъ не было выбора. Летѣть бесконечно нашъ шаръ, естественно, не могъ. Если бы наше путешествіе затянулось, мы рисковали залетѣть въ совершенно безлюдныя области Сахары, великой африканской пустыни, и тамъ насъ ждала несомнѣнная гибель.

Измѣнившееся направленіе вѣтра — насъ отнесетъ въ Средиземное море, и такъ какъ тутъ, опять-таки, море почти такъ же безлюдно, какъ и сама Сахара, — мы осуждены потонуть, не дождавшись помощи отъ людей...

А, спускаясь на землю, мы все-таки хоть затынемъ рѣшеніе вопроса. Можетъ-быть, хитростью, ловкостью, силою мы сумѣемъ пробиться, продержаться, покуда къ намъ на помощь не подоспѣтъ какой-нибудь отрядъ французскихъ войскъ...

Вѣдь не оставить же насъ въ такомъ положеніи?

Вѣдь не могутъ же французы предоставить насъ нашей собственной участи?

Несомнѣнно, въ первый моментъ замѣшательства, вызваннаго неожиданнымъ обстрѣливаніемъ лагеря марокканцами, французамъ было не до насъ: скрывшійся въ зелени оливковой рощи врагъ, по всѣмъ признакамъ, былъ совершенно невѣдомъ, и въ лагерѣ не знали, сколько тамъ марокканцевъ, какими силами, какимъ оружіемъ они располагаютъ, какимъ образомъ, правильнѣе, какимъ чудомъ имъ удалось провезти тяжелыя, чутъ ли не крѣпостныя орудія къ самому почти порогу французскаго лагеря.

Но отрядъ, къ тому же отрядъ, состоящій изъ солдатъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, то-есть, артиллеріи, кавалеріи и пѣхоты, — слишкомъ силенъ, чтобы подвергаться мало-мальски серьезной опасности. Онъ легко выбьетъ марокканцевъ изъ рощи, отниметъ пушки, которыя немислимо увести. Сейчасъ же выяснится, что марокканцевъ только жалкая горсть, не могущая оказать серьезнаго сопротивленія, что съ ними можетъ справиться взводъ спѣшившихся спаги.

Тогда, вѣвъ всякаго сомнѣнія, генералъ Галифѣ сейчасъ же приметъ мѣры къ оказанію намъ помощи: шаръ отлично

виденъ съ земли, прослѣдить его направленіе не представляетъ никакихъ затрудненій, и, значить, не представляетъ никакихъ затрудненій двинуть на выручку слѣдомъ за нимъ сильный и вмѣстѣ легко подвижной отрядъ кавалеріи, или, правильнѣе, легучій развѣздъ, могущій безъ опасности для себя промчаться вихремъ среди разбросанныхъ здѣсь и тамъ скопищъ марокканцевъ и примчаться туда, гдѣ будетъ опускаться «Пион-де-Домъ» какъ разъ во-время.

Основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ, я рѣшилъ принять мѣры къ немедленному спуску. Анри Оркуръ, съ которымъ я перекинулся парю словъ по этому поводу, согласился съ моими доводами.

Одинъ мосе Ренаръ, повидимому, потерявшій голову въ моментъ неожиданной опасности, протестовалъ противъ нашего рѣшенія.

Смѣшивая марокканцевъ съ индѣйцами Сѣверной Америки, о правахъ и обычаяхъ которыхъ онъ имѣлъ блестящее представленіе по классическимъ романамъ Эмара, онъ кричалъ:

— Вы съ ума сопли... Вы съ ума сошли, господа! Вы хотите, чтобы марокканцы привязали васъ къ столбу у костра пытокъ и затѣмъ, протанцовавъ танецъ смерти, своими томагавками скальпировали всѣхъ насъ? Нѣтъ, я не согласенъ... Отъ имени торговой фирмы «Ренаръ и Сынъ», представителемъ которой я здѣсь являюсь, я протестую... Протестую именемъ профессиональнаго союза французскихъ ретушеровъ... Протестую именемъ редакціи газеты «Фигаро»...

— Перестаньте!..

— Протоколъ! Запишите мое заявленіе въ протоколъ! — вошелъ храбрый фотографъ, упуская изъ виду, что мы мчимся на высотѣ почти въ три версты надъ грѣшною землею, обремененною протоколами...

Впрочемъ, когда, не обращая вниманія на его протесты, «Пион-де-Домъ» сталъ медленно спускаться, и по мѣрѣ приближенія къ землѣ мы вновь получили возможность возобновить свои наблюденія надъ творившимся на ея по-

верхности, мосе Ренарь смолк и впился глазами, вооруженными каким-то чудовищной величины биноклем в представлявшийся нашему взору картины.

Тысяча пятьсот метров... тысяча двести... тысяча...

Шар медленно и плавно продолжал приближаться к поверхности земли.

Кругом — безлюдная и довольно угрюмая, дикая местность, пересеченная оврагами. Кое-где видны жалкие поля вытоптанной пшеницы и рыхлого маиса. Вонь темно-зеленое пятно, окруженное грязно-серою низенькою стенькою: это, должно-быть, или огород, или, впрочем, табачная плантация.

Здесь и там — разбросанные в беспорядке убогие хижины марокканцев, словно слитые из грязи гнизда.

Кое-где тускло поблескивает, отражая как в зеркале голубую эмаль неба, — небольшая лужица. Это так называемые «ауды» — искусственные бассейны, в которых скопляется дождевая вода или задерживается в глинистом водонепроницаемом ложу вода временами бурно разливающихся, временами совершенно пересыхающих горных потоков.

Девятьсот пятьдесят... девятьсот... восемьсот пятьдесят метров...

Мы уже близки к землѣ.

Семьсот пятьдесят... шестьсот пятьдесят... пятьсот метров...

Один километр над уровнем моря...

Будь в нашем распоряжении парашюты, — спуститься с такой высоты не представляло бы ни малейшего труда для мало-мальски привычного аэронавта. Профессиональные аэронавты сплослись и рядом спускаются с такой высоты, держась одною рукою за кольцо парашюта или за трапецию, спускаются, выдвывая на глазах затаявших дыхание зрителей головоломные кунштюки, кувиркаясь, жонглируя флагами...

Четыреста двадцать, триста семьдесят метров...

— Къ намъ скачутъ на помощь! — вскрикиваетъ Апри, показывая рукою вниз и вправо.

— Покорно благодарю за такую помощь! — отвечаю я невольно блѣднѣя: я ясно вижу въ бинокль, что изъ какой-то ложины, гдѣ притаился казавшийся полуразрушеннымъ и безлюднымъ въ тѣни чахлахъ пальмъ поселокъ, вынесся во весь опоръ конный отрядъ, или, правильнѣе, шайка въ сто или полтораста человѣкъ въ пестрыхъ разнохарактерныхъ костюмахъ и понесся по направлению къ шару, махая оружіемъ и оглашая воздухъ пронзительными криками.

— Гяуры... Франки! Смерть невѣрнымъ, смерть гяурскимъ собакамъ! — донесся до нашего слуха пронзительный крикъ скакавшего впереди всадника на великолѣпномъ арабскомъ бѣломъ скакунѣ, звонко ржавшемъ и словно плясавшемъ по каменистой почвѣ своими сухими стальными ногами.

— Гяуры... гяуры! Смерть осквернителямъ Марокко! Смерть посягающимъ на нашу свободу!..

Оттуда, снизу, стрѣляли. Стрѣляли по насъ, по шару. Но у марокканцевъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ оказываются въ распоряженіи хорошіе современные ружья, да и то обладателями ихъ являются только войска первой линіи, своего рода гвардія обоихъ султановъ Марокко. Въ большинствѣ же случаевъ воины Марокко обладаютъ старинными ружьями, длинноствольными кремневыми съ мултукомъ на концѣ, изъ которыхъ они стрѣляютъ первобытными самодѣльными круглыми свинцовыми пулями. Дальность боя этого допотопнаго оружія почти всегда не превышаетъ разстоянія въ двѣсти пятьдесятъ метровъ, пули даютъ страшно крутую траекторію, пробивательная способность ихъ весьма низка, а о мѣткости и говорить нечего: если, какъ говорятъ знатоки военного дѣла, на одного убитого въ бою между двумя европейскими вооруженными отрядами приходится около трехъ пудовъ вѣсомъ выпущенныхъ пуль, то въ бою съ марокканцами это отношеніе еще повышается...

Къ тому же теперь марокканцамъ приходилось стрѣлять на полномъ скаку и въ быстро движущійся, почти мчащійся на значительной высотѣ пред-

метъ, и потому не было удивительнаго въ томъ, что пули ихъ совершенно бесполезно буравили воздухъ, совершенно не достигая цѣли.

Тѣмъ не менѣе обманывать себя и обольщаться надеждою намъ не приходилось: вѣдь достаточно одной пули, попавшей въ цѣль, — а что можетъ быть лучшею цѣлью, если не огромный темно-сѣрый пузырь вмѣщающій въ себя тысячу двѣсти кубическихъ метровъ водорода, рисующійся могучимъ силуэтомъ на голубой эмали неба? — и тогда ничто уже не замедлитъ, ничто не въ состояніи задержать паденія шара, такъ какъ сквозь пробитое пулею въ оболочкѣ шара отверстіе летучій газъ можетъ уйти въ теченіе нѣсколькихъ минутъ...

Почти машинально, не отдавая себѣ отчета, я схватилъ и опорожнилъ пару мѣшковъ съ балластомъ. Шаръ замедлил паденіе, потомъ сталъ медленно, словно нехотя, подниматься вверхъ. Въ это время отрядъ марокканцевъ находился на равнинѣ, поросшей рѣдкими кустарниками, какъ разъ подъ нами, песокъ вывалился тонкимъ сѣроватымъ облакомъ прямо на головы нашихъ враговъ. Надо было видѣть, какое впечатлѣніе произвело это?

Увидѣвъ быстро спускающееся и расширяющееся въ воздухѣ облачко пыли, марокканцы прыснули въ разные стороны, словно опасаясь, что песокъ грозитъ имъ какою-то опасностью...

— Правовѣрные! Берегитесь! — кричалъ изъ толпы скрипучій старческий голосъ.

— Дѣти пророка... Опасайтесь! Гяуры совершаютъ какое-то колдовство...

— Да, да, хаджи Сулейманъ... Гяуры хотятъ напустить на насъ ядовитый туманъ...

— Вей невѣрныхъ!..

Мнѣ было немного смѣшно. Взявъ одну изъ бутылокъ съ водою, составлявшихъ нашъ запасъ, я вылилъ воду, потомъ, не закупоривъ бутылки, швырнулъ ее. Бутылка, нелѣпо кувиркаясь, сверкая на солнцѣ и разливая воду, помчалась къ землѣ. Марокканцы не успѣли разскочиться въ стороны, и бутылка звонко упала на землю у копытъ лошади какого-то старца съ выкрашеною въ

фіолетовую краску бородою, возлѣ старика въ зеленой чалмѣ, который оралъ и визжалъ громче всѣхъ.

Разумѣется, бутылка, продѣлавшая путь въ полверсты, разбилась вдребезги, и ея осколки буквально брызнули во всѣ стороны. Но не это произвело эффектъ: часть сохранившейся въ ней воды плеснула въ лицо горластому хаджи и залила его грязный бурнусъ изъ верблюжьей шерсти.

Словно облитый сѣрою кислотою, старикъ кубаремъ скатился съ лошади и сталъ валиться по землѣ, а его конь, воспользовавшись случаемъ, со всѣхъ четырехъ ногъ умчался въ сторону.

Часть марокканцевъ окружила старика. Его подняли. Ему боязливо заглядывали въ блѣдное, какъ полотно, лицо.

— Хаджи! Открой твои очи! На твоёмъ лицѣ не видно никакого слѣда лгу! — уговаривали его.

— Не могу! Не могу! — кричалъ старикъ. — Мои глаза ничего не видятъ. Я не увижу уже свѣта солнца. О, пророкъ! Я не увижу торжества твоихъ дѣтей... Я не увижу гибели франковъ. Я не увижу, какъ тонутъ подъ дуновѣніемъ посланной тобою бури ихъ гордые желѣзные корабли...

— Хаджи! Попробуй! Право же, ты будешь еще видѣть міръ...

Повидимому, уговоры подѣйствовали. Старикъ широко раскрылъ глаза, убѣдился въ томъ, что маленькая порція воды не причинила его зрѣнію ни малѣйшаго вреда, и...

— Будьте прокляты вы, невѣрные собаки! — завопилъ онъ, грозя намъ костлявымъ кулакомъ. — Собаки! Грязные собаки! Подлые, трусливые собаки, не осмѣливающіяся встрѣтиться съ воинами пророка, какъ подобаетъ настоящимъ бойцамъ, съ оружіемъ въ рукахъ, на кровномъ конѣ, въ честномъ поединкѣ, а осмѣливающіяся на колдовской шуткѣ летать по небу... О-о-о...

Все это разыгралось быстро, чѣмъ я успѣлъ рассказать. Тѣмъ временемъ шаръ, освобожденный отъ части своей тяжести, поднялся еще на пятьдесятъ или семьдесятъ метровъ, и теперь съ лица земли голоса нашихъ преслѣдова-

телей доносились затуманенными, ослабленными, издалека, как бы пробиваясь сквозь какую-то завѣсу... Только звонкое задорное ржанье какого-то жеребенка молодого конька, распутившего хвост трубою, задравшего кверху свою тонкую сухую прелестную голову с огненными, пламенными глазами, казалось, раздавалось тутъ, совѣмъ, совѣмъ около насъ, словно чистокровное животное соблазнилось нашимъ примѣромъ и, какъ и мы, могучимъ прыжкомъ отдѣлилось отъ лица матери-земли и взмыло въ небо...

И опять шаръ довольно быстро ухотился въ сторону отъ топтавшихся, казалось, на мѣстѣ преслѣдователей, и нашимъ глазамъ представлялись, словно въ своеобразномъ калейдоскопѣ, картины панорамы, разстилавшейся у нашихъ ногъ.

— Можете ли вы опредѣлить, куда именно мы теперь двигаемся? — задать мнѣ вопросъ Анри, испытующе глядя на землю.

— Направление опредѣлить, конечно, могу. Мы идемъ почти прямо на югъ. Если хотите точно — юго-юго-востокъ. Склоненіе на востокъ не превышаетъ пятнадцати градусовъ.

— А когда мы... ну, когда эта дурацкая бомба или граната перебила нашъ трость, и мы оторвались отъ ледянки?

— Если не ошибаюсь, то тогда мы шли на юго-востокъ.

— Значитъ, направление вѣтра изменилось?

— Разумѣется.

— Но... по куда насъ занесетъ?

Я молча пожалъ плечами.

Въ самомъ дѣлѣ, какой отвѣтъ могъ дать я?

Ужъ если на то пошло, — скорѣе могъ предлагать такой вопросъ именно я, человѣкъ, совершенно незнакомый со страной, человѣкъ, только случайно, въ качествѣ гостя и любопытнаго туриста, попавшій сюда, а не мой спутникъ, офицеръ, находящійся въ Марокко уже почти полгода, хваставшійся своимъ знаніемъ страны и ея обывае...

Не дождавшись отвѣта, Анри машинально досталъ свою походную фляжку,

наполненную коньякомъ, и отхлебнулъ порядочную порцію.

— Дайте и мнѣ. Я тоже хочу... подкрѣпиться! — пролетѣла совѣмъ поблѣвными губами позабытый нами мысль Ренаръ, храбрый представитель парижской фирмы, сидѣвшій скрючившись на днѣ корзины.

III.

Нашъ аэростатъ недолго продержался на достигнутой имъ теперь высотѣ въ шестьсотъ метровъ и опять началъ падать.

Выбросивъ одинъ мѣшокъ балласта, мы продержались около получаса на той же высотѣ. Но потомъ барометръ показалъ, что мы опять падаемъ. Подумавъ, мы пришли къ заключенію: теперь мы должны быть на довольно далекомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ только что разгорѣлся инцидентъ съ отрядомъ преслѣдовавшихъ насъ марокканцевъ. Есть все шансы ожидать, что они потеряли насъ изъ виду, тѣмъ болѣе, что тѣмъ временемъ атмосфера наполнилась наплывшимъ откуда-то полупрозрачнымъ, блѣсоватымъ, наминавшимъ морскіе туманы облакомъ паровъ, окутывавшимъ своими дряккими, переливающимися волнами все вокругъ, и мы скрылись отъ обидѣвшихъ за нами взоровъ въ этихъ полупрозрачныхъ, призрачныхъ волнахъ.

Значитъ, сберегая оставшійся балластъ, можно пробовать предоставить шару спускаться почти до поверхности земли, для того, чтобы ориентироваться и выяснитъ, можетъ-быть, можно прояснить окончательный спускъ.

Въ самомъ дѣлѣ, намъ удалось опуститься на совершенно ничтожную высоту въ двѣсти метровъ, не выходя изъ полосы тумана.

Но когда мы вынырнули изъ туманной области, наше появленіе было замѣчено и произвело такой эффектъ, котораго мы совершенно не ожидали.

Еще во время спуска я обратилъ вниманіе, что отсюда, съ поверхности земли, какъ будто доносится цѣлый хаосъ звуковъ. По временамъ я улавливалъ, казалось, капризный крикъ за-

артачившагося осла, скрипъ несмазанныхъ колесъ, крикъ возницы, хлопанье бича, плачъ ребенка, шуршаніе ломающихся подъ тяжелыми шагами сухихъ стеблей.

— Что тамъ такое дѣлается? — насторожился Анри Оркуръ, прислушиваясь. — Словно совершается великое переселеніе народовъ...

И едва онъ произнесъ эти слова, какъ снизу, съ земли, до насъ донесся полный смертельнаго ужаса, полный невѣроятной тревоги крикъ, — крикъ сотенъ голосовъ. Тамъ, внизу, подъ нами, въ самомъ дѣлѣ совершалось нѣчто похожее на великое переселеніе народовъ: по узкой равнинѣ, бывшей, вѣроятно, когда-то ложемъ могучаго потока, прокладывавшаго себѣ путь отъ горъ къ морю, двигалась колоссальная толпа существъ всякаго рода. Тамъ тянулись сотни фургоновъ, набитыхъ женщинами и дѣтьми, плелись шагъ за шагомъ караваны связанныхъ вмѣстѣ осликовъ, туловищъ которыхъ не было видно за грудками навьюченнаго на ихъ выносливые хребты хлама. И тамъ двигались пѣшкомъ и верхомъ люди всѣхъ возрастовъ, начиная съ совершенно дѣтскими шести-семи лѣтъ и кончая закутанными по самое горло стариками.

Кое-гдѣ, но въ очень небольшомъ количествѣ, видѣлись вооруженные всадники, но вооруженные въ большинствѣ только длинными гибкими туарегскими копьями. Впрочемъ, у иныхъ за плечами поблескивали тускло наченно сталью узкіе и длинные стволы старинныхъ ружей съ причудливыми, украшенными перламутромъ ложами, годныхъ, конечно, не для боя, но для украшенія на стѣнахъ жилища какого-нибудь любителя восточнаго оружія.

Нашъ шаръ, словно готовившійся свалиться съ неба въ самую гущу этой толпы, произвелъ на нее кошмарное впечатлѣніе: онъ, повидимому, показался огромною сказочною птицею, могучимъ и безпощаднымъ хищникомъ, парящимъ надъ людьми съ цѣлью vybrать среди нихъ себѣ добычу.

— Рокъ... Птица Рокъ! — кричалъ снизу кто-то пронзительнымъ, прерывающимся тонкимъ голосомъ.

— Стрѣляйте!.. Стрѣляйте!.. Можетъ быть, хищникъ испугается.

Но — увы! — тѣ, къ кому обращенъ былъ этотъ отчаянный зовъ о помощи, не чувствовали въ себѣ достаточной храбрости привлечь на себя вниманіе фантастической птицы, о которой столько ужасовъ рассказываютъ знакомыя всему Востоку сказки «Тысяча и одной ночи».

Храбрые обладатели острыхъ копій и длинноствольныхъ ружей первыми шаркнулись въ сторону, нечаянно нахлестывая своихъ обезумѣвшихъ отъ ужаса лошадей. Они врѣзались въ толпу, они давили, топтали все встрѣчавшееся имъ на пути, и я видѣлъ это ясно; они не стѣснялись, встрѣчаясь съ какимъ-нибудь препятствіемъ въ видѣ сгрудившейся толпы, осыпая эту толпу ударами бичей, ударами своихъ кривыхъ ятагановъ, наконецъ, ударами ружейныхъ тяжелыхъ прикладовъ, окованныхъ мѣдью.

Въ довершеніе бѣды кто-то выстрѣлилъ, можетъ-быть, случайно, можетъ-быть, въ воздухъ, въ хвостъ этой колонны. Выстрѣлы, безтолковые, безпорядочные, посыпались градомъ. Повидимому, пули попадали въ людей, потому что послышались вопли нестерпимой боли.

И черезъ мгновеніе вся толпа, обезумѣвшая отъ ужаса, ринулась къ выходу изъ ущелья, топча, давя другъ друга, нагромождая кучи тѣлъ на своей дорогѣ.

Тяжелыя двухколесныя повозки обрзывали во многихъ мѣстахъ неподвижные островки въ этой слѣпо мечущейся лавинѣ человѣческихъ тѣлъ. Люди, наткаясь на экипажи, падали, другіе перескакивали черезъ нихъ, лѣзли со слѣду на крыши, сваливали тѣлѣжки на бокъ, раздавливали пробирающихся у ихъ бока дѣтей и женщинъ.

И вся эта толпа кричала, стонала, выла, захлебывалась въ крикѣ, наминавшемъ ревъ какого-то фантастическаго чудовища...

Опустился шаръ въ эту гущу человѣческихъ тѣлъ, вѣроятно, вокругъ него немедленно образовался бы цѣлый барьеръ труповъ...

У меня не хватило терпѣнія: я высыпалъ послѣдній мѣшокъ балласта.

потом швырнул подвернувшийся под руку мѣшокъ съ какими-то фотографическими принадлежностями мосе Ренара, и шаръ, сдѣлавъ скачокъ вверхъ, скрылся отъ взоровъ ошалѣвшей толпы въ облакѣ тумана.

— Что это? Что это такое? — шепталъ, глядя на меня испуганными глазами Анри, и я замѣтилъ, какъ у него дрожали покрывшіяся крупными каплями пота выхолонныя бѣлыя руки.

— Вы хотите сказать, что не понимаете, чего испугались бѣдняки? — отвѣтилъ я. — На мой взглядъ дѣло объясняется просто. Вѣроятно, это уходить въ горы спугнутое приближеніемъ вапшихъ отрядовъ населеніе нѣсколькихъ деревень. Обратите вниманіе: мужчинъ было очень мало. Больше — дѣти, женщины, старики... Значитъ, воины ушли въ какой-нибудь отрядъ, а это безпомощная и запуганная толпа, пытающаяся спастись бѣгствомъ...

— Мы не воюемъ съ женщинами и дѣтьми! — пылко отозвался французъ.

— Да, вы-то не воюете... Но ружейная пуля и пушечная граната не разбираютъ... Развѣ въ первый разъ возникаетъ чудовищная паника въ толпахъ бѣглецовъ? Развѣ вы не слышали, что однажды, принявъ обозъ бѣглецовъ за отступающую колонну марокканскихъ войскъ, майоръ Вертэнъ обстрѣлялъ ихъ прантелями и уложилъ около пяти-сотъ беззащитныхъ жертвъ въ окрестностяхъ Каза-Бланки?

Лицо молодого офицера покрылось краскою стыда.

— Будь она проклята, такая война! — сказалъ онъ смущенно.

— Такая война? А какая же война не несетъ за собою такихъ же безмысленныхъ, бесполезныхъ, вопиющихъ къ небу съ жалобой на людское звѣрство жертвъ? — отвѣтилъ я.

— Ужасно... ужасно! — шепталъ Анри, закрывъ лицо руками.

— Я... я видѣлъ, какъ затоптали цѣлую семью. Пятеро дѣтишекъ... Двѣ женщины...

— Такъ имъ надо. Такъ имъ и надо! — съ неожиданною злобою отозвался мосе Ренаръ. — Это не люди, а гнусные дикари... И чѣмъ больше истребимъ

мы ихъ, тѣмъ лучше. Это въ интересахъ цивилизаціи!

— Стыдитесь! Замолчите! — прикрикнулъ Оркуръ.

— Это почему? — удивился фотографъ. — А я, собственно, сожалѣю, что совсѣмъ упустилъ изъ виду возможность произвести поразительный эффектъ. Вѣдь если бы мы начали обстрѣливать этихъ негодяевъ съ шара...

— Замолчите, или...

— Или что? — запротестовалъ поблѣднѣвшій любитель «обстрѣливать съ шара».

— Или я... я вышвырну васъ туда, къ этимъ безоружнымъ, которыхъ вы желаете обстрѣливать!..

Фотографъ съежился, какъ побитая собачонка, и, что-то ворча о своихъ связяхъ съ военнымъ министерствомъ въ Парижѣ, о газетѣ «Фигаро» и о необходимости предаціи инцидента на судъ общественнаго мнѣнія, утѣлся спокойнѣе на своемъ мѣстѣ.

Прошло около часа. Шаръ опять опустился. Теперь туманъ лежалъ стѣною въ сторонѣ, и мы ясно видѣли окрестность на много километровъ. Нигдѣ, насколько хваталъ взоръ, не было видно слѣда присутствія французскихъ войскъ. Зато марокканцы...

Они были тутъ. Быть-можетъ, тотъ самый отрядъ, съ которымъ мы уже имѣли дѣло, подстерегалъ насъ, прослѣдивъ то направленіе, по которому понесся шаръ. По крайней мѣрѣ, едва только мы стали приближаться къ поверхности земли, какъ подъ нашими ногами заварилась каша: изъ кустарниковъ, изъ-за заборовъ, изъ какихъ-то щелей въ землѣ выскакивали закутан-ныя въ бурнусы или носящія живописныя разноцвѣтныя лохмотья человѣческія фигуры, выскакивали кавалеристы на кровныхъ арабскихъ лоша-кахъ и, стрѣляя и вопя на ходу, помчал-лись къ тому мѣсту, куда долженъ былъ опуститься шаръ.

— Выбрасывайте балластъ! — кричалъ мнѣ Анри. — Эти черти захватятъ насъ голыми руками.

— Балласта нѣтъ, — отвѣчалъ я.

— Вросайте что-нибудь! Вросайте все!

Оглядываясь вокругъ для выясненія, что еще можно выбросить изъ гондолы

нашего замѣтно ослабѣвшаго шара, я не нашелъ ничего, кромѣ запасного ящика съ бисквитами и другого съ консервами.

— Намъ будетъ нечего ѣсть! — сказалъ я.

— Лучше голодать, чѣмъ понасть въ плѣтъ.

И я швырнулъ одинъ за другимъ оба ящика. Но этого было достаточно, чтобы задержать паденіе только на четверть часа, и за это время вѣтеръ отнесъ насъ въ сторону не больше, какъ на три километра. Къ счастью, тутъ была удивительно пересѣченная мѣстность, на каждомъ шагѣ попадались овраги, трещины въ каменной землѣ, и нашимъ преслѣдователямъ представилось очень много труда пробираться вслѣдъ за нами, такъ какъ мы летѣли по приблизительно прямой линіи, они же были вынуждены дѣлать рядъ обходовъ, сильно задерживавшихъ поступательное движеніе.

Однако, насъ это спасало на очень небольшой промежутокъ времени: опять шаръ опускался, и опять наши преслѣдователи приближались къ намъ, вопя, крича, призывая на наши головы всевозможныя проклятія, громы земные и небесные...

И теперь по временамъ уже начали посвистывать мимо ушей пули... По видимому, у кого-то было современное оружіе, и этотъ кто-то держался впереди. И я скоро разглядѣлъ его; это былъ гигантскаго роста негръ съ безобразнымъ звѣрскимъ лицомъ. Онъ возсѣдалъ на огромномъ черномъ конѣ и, мчась впередъ другихъ, посылалъ въ насъ пулю за пулею изъ магазиннаго ружья, вѣроятно, отнятаго у какого-нибудь заблудившагося въ окрестностяхъ Каза-Бланки дезертира.

— Онъ насъ погубитъ! — сказалъ я Анри Оркуру.

— Попробуемъ избавиться! — отвѣтилъ тотъ.

Грохотъ выстрѣла надъ самымъ моимъ ухомъ оглушилъ меня. Я поперхнулся ѣдкимъ пороховымъ дымомъ. И когда я опомнился, я увидѣлъ, что огромный черный конь негра мчится въ сторону съ развѣвающимся гривой, а всадникъ

лежитъ, царапая судорожно сжатыми искривленными пальцами землю. Пуля изъ дальнобойнаго Маузера Анри Оркура избавила насъ отъ нашего злѣйшаго врага...

Въ это время шаръ уже почти касался земли, и я въ первый разъ увидѣлъ, что за шаромъ волочится конецъ троса, приблизительно въ сто метровъ длиною. Ужасъ охватилъ меня: вѣдь каждое мгновенье канать можетъ зацѣпиться за какой-нибудь пенекъ, за расщелину въ скалѣ, и тогда шаръ будетъ прикованъ, и нашимъ преслѣдователямъ не составитъ никакого труда перестрѣлять насъ. Наконецъ кто-нибудь изъ нихъ можетъ догадаться схватиться за конецъ троса, притянуть шаръ...

И, словно угадавъ мои мысли, какой-то молодецъ въ изорванномъ бурнусѣ подскочилъ къ концу троса и, соскочивъ съ лошади, упалъ на землю, ловя его... Шаръ вздрогнулъ, корзинка затряслась: мы были пойманы...

— Стрѣляйте, стрѣляйте, Анри! — крикнулъ я. Молодой офицеръ дважды выстрѣлилъ по державшему конецъ троса арабу, но оба раза далъ промахъ. Почти не сознавая, что я дѣлаю, я переѣхалъ черезъ край корзинки и сталъ рубить ударами неразлучнаго спутника, охотничьяго ножа, конецъ троса. Разъ, два... Еще... еще...

Ура! Трудное дѣло сдѣлано...

Я видѣлъ, какъ конецъ троса упалъ на землю и какъ освобожденный шаръ, вновь получивъ возможность двигаться, понесся вдаль.

— Послушайте, нѣтъ ли чего еще выбросить? — кричалъ Анри, нервно жестикулируя.

Я схватился за громоздкій черный чехолъ, въ которомъ лежали фотографическіе аппараты мосе Ренара.

Какъ это до сихъ поръ мнѣ не приходила въ голову мысль о нихъ? Вѣдь аппараты вѣсятъ не менѣе пуда... Ого! Да въ нихъ пуда полтора, почти два... Съ трудомъ приподнялъ я аппараты, намѣреваясь выбросить ихъ за бортъ. Внезапно аппараты стали неимоверно тяжелыми и, вырвавшись изъ рукъ моихъ, упали на дно корзинки. Не понимая, что случилось, я сталъ поднимать ихъ

опять, но тут увидѣлъ причину: мосѣ Ренаръ съ перекосившимся отъ злобы лицомъ уцѣпился за свое имущество обѣими руками и ткнулъ аппараты отъ меня.

— Не позволю... Не позволю! — вопилъ онъ.

— Пустите!

— Не пущу!.. Аппараты стоятъ по три тысячи франковъ... Шесть тысячъ франковъ... Полностью шесть тысячъ франковъ!

— Вы съ ума сошли? Пустите же...

— Ни за что... грабежъ! Караулъ! Комиссаръ!..

Но Анри надѣла эта дикая сцена: онъ энергичнымъ толчкомъ швырнулъ фотографа въ сторону, помогъ мнѣ поднять аппараты и...

— Бухъ-бу-бухъ...

Громоздкій черный лакированный чемоданъ рухнулъ на землю въ толпу нашихъ враговъ и заставилъ ихъ разсыпаться въ сторону. Ящичекъ съ аппаратами лежалъ на землѣ, и арабы боялись покуда приближаться къ нему. По всей видимости, они сочли его за особаго сорта бомбу...

Шаръ быстро поднялся вверхъ и пошелъ на высотѣ около трехъ или четырехсотъ метровъ.

Поглядѣвъ на компасъ, я, къ своему удивленію, обнаружилъ, что теперь мы несемся уже не на юго-юго-востокъ, какъ раньше, и даже не прямо на югъ, а на юго-западъ. Это означало, что мы если и не возвращаемся къ мѣсту отправленія, то, во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе приближаемся къ областямъ, занятымъ французскими войсками.

Значитъ, продержаться еще нѣсколько минутъ, и, кто знаетъ, можетъ, мы попадемъ туда, куда наши преслѣдователи проникнуть не посмѣютъ. Но какъ продержаться? Отъ балласта, отъ всего груза гондолы ничего не оставалось. Мы могли пожертвовать только однимъ — нашимъ оружіемъ, но жертвовать оружіемъ — это было безуміемъ...

А шаръ опускался, и все ближе слышалось завыванье марокканцевъ, предполагавшихъ, повидимому, что на этотъ разъ мы уже ни за что не уйдемъ отъ ихъ цѣпкихъ рукъ...

— Я обрублю корзину! — рѣшился я примѣнить послѣднее средство, къ которому самый отчаянный аэронавтъ отваживается прибѣгнуть лишь въ моментъ крайности.

Къ счастью, мои оба спутника не понимали хорошо, чѣмъ это грозитъ, не запротестовали, и черезъ минуту наша гондола уже лежала на землѣ, а мы, уцѣпившись за сѣтку шара, неслись по воздуху.

Однако мои расчеты подняться на большую высоту успѣхомъ не увѣнчались: шаръ опускался съ поразительною быстротою. Оставалось предположить, что оболочка его-таки была пробита чьею-то шальной пулею, и газъ улетучивался съ минуты на минуту.

— Ну, что же?! Будемъ, по крайней мѣрѣ, драться. Постараемся подороже продать нашу жизнь! — сказалъ, стиснувъ зубы, сверкнувъ глазами, Оркуръ.

— Но я не хочу... я не хочу драться! — запротестовалъ фотографъ.

— Можете не драться! — улыбнулся холодно офицеръ.

— Да. Я покажу имъ бѣлый флагъ. Я предложу раскурить трубку мира... Въ крайнемъ случаѣ, я это отлично знаю, всѣ дикари не осмѣливаются тронуть пальцемъ того, кого они считаютъ сумасшедшимъ, потому что...

— Не городите глупостей! — крикнулъ Анри Оркуръ на болтуна, строившаго такіе фантастическіе планы.

Прошло нѣсколько минутъ, шаръ опустился все ниже и ниже, и въ то же время наши преслѣдователи, частью на лошадяхъ, частью пѣшкомъ, уже были тутъ, какъ тутъ, и въ насъ сыпались выстрѣлы.

— Я вижу... Я вижу... солдатъ, солдатъ! — закричалъ въ это мгновеніе Анри Оркуръ.

Я поглядѣлъ по указанному имъ направлению и, дѣйствительно, увидѣлъ въ той сторонѣ, куда несся нашъ шаръ, какія-то человѣческія фигуры, всадниковъ, пѣхотинцевъ. Одного взгляда въ бинокль было достаточно, чтобы опредѣлить, что это были не враги, а друзья: къ намъ на помощь бѣгомъ мчались зуавы и легіонеры, а немного въ сторонѣ неслись съ ятаганами въ рукахъ спаги.

Тутъ же скакала подъ прикрытіемъ отряда спаговъ легкая конная батарея.

— Ура! Ура! — закричалъ, какъ сумасшедшій, Анри. — Мы спасены...

— Не торопитесь, милѣйшій! — прервалъ я его ликовація. — Мы такъ далеки отъ своихъ, а шаръ сейчасъ ляжетъ на землю и насъ растерзаютъ раньше, чѣмъ тѣ подоспѣютъ...

— Тогда, по крайней мѣрѣ, за насъ отомстятъ. За насъ расправятся сторицею.

— Плохое утѣшеніе для насъ! — отвѣтилъ я. — Лучше подумаемъ, нельзя ли еще что-нибудь выбросить, чтобы дать шару возможность продержаться...

Не дожидаясь моего рѣшенія, Анри торопливо началъ облегчать себя.

Я продѣлывалъ то же: одна вещь костюма летѣла на землю за другою, и шаръ то поднимался судорожно вверхъ, облегчившись на нѣсколько фунтовъ, то опять склонялся къ землѣ, какъ выбившійся изъ силъ конь. Падаая, онъ скрывался изъ глазъ нашихъ друзей, ибо между нами и ими была небольшая покрытый чахлыми кустарниками довольно пологій горный хребетъ высотой въ сотни полторы или двѣ метровъ.

— Раздѣвайтесь вы, фотографъ! — командовалъ я. Мосѣ Ренаръ по привычкѣ запротестовалъ, но скоро сдался. Предварительно онъ началъ очищать свои безконечные карманы.

— Да бросьте вы пальто цѣликомъ! — закричалъ я нетерпѣливо чудаку.

— Ну, да! Вамъ легко сказать... Бросить пальто парижской работы стоимостью въ триста франковъ какимъ-нибудь дуракамъ, которые...

Но я вырвалъ пальто изъ рукъ фотографа и швырнулъ его прямо на голову какому-то гнавшемуся за нами всаднику. Пальто упало такъ, что прикрыло голову его коня, и этотъ послѣдній взвился на дыбы, упалъ, поднялся — всадникъ валялся, повидимому, со сломанною ногою на травѣ.

Но у нашего шара силъ больше не было: онъ упалъ, подпрыгнулъ, потомъ, зацѣпившись за вѣтви кустарника петлями сѣтки, безсильно повисъ.

«Мы погибли!» невольно подумалъ я, вскакивая на ноги и инстин-

ктивно ощупывая, всѣ ли члены цѣпи.

— Будемъ драться! — отвѣтилъ мнѣ голосъ Анри.

Но драться намъ не пришлось: конная батарея французовъ уже выскакала на гребень холма и, лихо снявшись съ передковъ, уже посылала одинъ зарядъ шрапнели за другимъ въ нашихъ преслѣдователей.

Шрапнель съ воемъ пронеслась мимо насъ и съ зловѣщимъ гуломъ рвалась, осыпая марокканцевъ осколками, убивая людей, калѣча лошадей, устилая склонъ холма трупами. Нѣсколько минутъ спустя, съ гребня холма затрещали частые ружейные выстрѣлы, сметая остатки уцѣлѣвшихъ еще марокканцевъ. И мимо насъ съ ятаганами въ рукахъ ураганомъ пронесли конные спаги въ развѣивающихся, словно знамена, бурнускахъ, съ дикими криками. Мы были спасены, мы были среди своихъ...

Послѣ, по прибытіи въ лагерь генерала Галифе, я узналъ, что своимъ спасеніемъ мы были обязаны только случайной случайности, пославшей намъ на помощь небольшой рекогносцировочный французскій отрядъ.

Нужно ли говорить, какъ сердечно чувствовали насъ товарищи Анри Оркура въ офицерскомъ казино.

Но на этомъ импровизированномъ праздествѣ присутствовали только мы двое — я и Анри Оркуръ; мосѣ Ренаръ былъ до такой степени разогорченъ гибелью своихъ неподражаемыхъ новозобрѣтенныхъ фотографическихъ аппаратовъ для съемки съ высоты птичьего полета, что уѣхалъ въ тотъ же день, и, прощаясь со мною, довольно многозначительнымъ тономъ заявилъ:

— Но я опишу въ «Фигаро» все, все!..

— Сдѣлайте одолженіе. И пришлите парочку номерковъ съ описаніемъ! — отвѣтилъ я.

— Вы останетесь довольны... Да, вы останетесь довольны! — уже попросту шипѣлъ мосѣ Ренаръ.

...Обѣщанное описаніе — воображаю, какіе громы въ немъ сыпятся на наши головы! — до сихъ поръ однако, на страницахъ «Фигаро» не появилось.

ВРАГИ. Рассказ Де-Витта.

В тот день Нэд Шорти должен был проехать по «Дикому Углу» отнюдь не для собственного удовольствия: въ Сант-Анитъ шли выборы нового шерифа, и Шорти имѣлъ всѣ основанія рассчитывать занять этотъ отвѣтственный и почетный постъ, ибо у него, Шорти, было не мало сторонниковъ. Правда, было не мало и противниковъ, главаремъ которыхъ былъ старый фермеръ Гиффордъ. Но Шорти не былъ изъ породы людей, опасавшихся наступить кому-нибудь на ногу.

Разумеется, онъ зналъ, что Гиффордъ, представая случай, не задумается подстрѣлить его. Но и самъ онъ, въ свою очередь, отнюдь не задумался бы пристрѣлить «Старого Дьявола», какъ окрестили кто-то Гиффорда.

Отъ жилища Шорти до Сант-Аниты было добрыхъ два десятка миль, если ѣхать черезъ «Дикій Уголъ» напрямки. А поѣдешь въ обходъ и всѣ пятьдесятъ нагонимъ: «Дикій Уголъ» огибала довольно примитивная дорога, которую предпочитали обозы съ тяжелыми грузами, а по «пряму» ѣздили одиночные всадники, да и то только тѣ, въ распоряженіи которыхъ были добрые, выносливые кони. Мѣстность эта вполне оправдывала свое названіе и была, быть-можетъ, однимъ изъ самыхъ глухихъ и опасныхъ въ штатѣ Новой Мексики. Это была форменная пустыня, выжженная солнцемъ, обитаемая только койотами, гремучими змѣями да «луговой собачкою».

На всемъ пространствѣ Дикаго Угла не имѣлось ни единого потока, ручья, колодца, и только здѣсь и тамъ на склонахъ холмовъ вырастали безобразными шишами стволы колючаго кактуса, да еще мѣстами колыхались подъ напоромъ насыщеннаго зноема вѣтра султаны ветелки, словно не боясь беспощадныхъ солнечныхъ лучей, отъ которыхъ спасалось все живое.

Итакъ, Нэд Шорти сдѣлалъ уже больше трети пути и подумывалъ о томъ, чтобы дать отдыхъ коню, чтобы потомъ, когда наступитъ ночь и взойдетъ луна, снова пуститься въ дорогу и къ полудню быть на мѣстѣ.

Конь его, молодой и шаловливый «Питъ», шелъ еще бодро и по временамъ оглашалъ воздухъ пустыни звонкимъ ржаньемъ. Ящерицы и большіе пауки, растягивающіе свою паутину среди словно обгорѣлыхъ камней, при звукахъ голоса «Пита» разбѣгались во всѣ стороны. По временамъ гдѣ-то въ сторонѣ слышался характерный сухой трескъ, «звонъ» гремучей змѣи. Эта гадина, потревоженная близостью человѣка, уползала, влача свое тѣло среди шуршащихъ камчей и высохшихъ былинъ въ свою нору.

И вотъ именно въ это время Шорти обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что надъ однимъ изъ «оконовъ» или проваловъ въ почвѣ крутились, не отлетая далеко, степные коршуны, а на самомъ краю ямы безпокойно сновались трусливый койотъ, поглядывая туда, внизъ, на дно ямы. Тамъ, надо полагать, находилось какое-нибудь животное. Оно было живо, иначе надъ его трупомъ коршуны и койоты уже праздновали бы оргію. Но въ то же время оно было близко къ гибели: и коршуны, и койоты обладають никогда не обманывающимъ ихъ инстинктомъ и не стануть тратить время на то, чтобы возиться около существа, умѣющаго запитать себя.

Но что же могло быть тамъ?

Шорти направилъ своего коня прямо на яму. Тогда койотъ стрѣлою мелькнулъ въ сторону и гдѣ-то притаился. А коршуны отлетѣли, но неподалеку отъ ямы, усѣлись на вѣтвяхъ какого-то мертвого дерева и перекликались громко, словно выражая негодованіе на совѣмъ неумѣстное вмѣшательство новопривышаго.

— Господи! — воскликнулъ Шорти, слѣзая съ сѣдла. — Побей меня громъ, если здѣсь не слоняется чей-то ребенокъ! И это, по крайней мѣрѣ, за семь, восемь миль отъ ближайшаго жилья! Эй, галченнышъ! Иди сюда! Что ты тамъ дѣлаешь?

Но «галченнышъ» не шелъ: крошечный ребенокъ сидѣлъ, или, правильнѣе, почти лежалъ на грудѣ камней, опираясь о нихъ обѣими ручками, и при окликѣ Шорти только печально покачалъ головою.

Шорти оглядѣлся вокругъ. Спуститься въ «Питомъ» на дно ямы было невозможно. Надо было привязать коня къ чему-нибудь. Но кромѣ куста какого-то солнечаго чертополоха ничего подходящаго не было. Оставалось воспользоваться только этимъ кустомъ, и Шорти скинулъ поводъ на высокій, корявый, ловно покрытый зеленовато-сѣрою пылью стволъ растенія.

— Держись, воробышекъ! — кричалъ Шорти ребенку. — Сейчасъ я тебя вытащу. Какъ тебя звать? И какъ тебя легкая занесла только сюда?

Минуты двѣ прошло, пока Шорти успѣлъ двѣ или три минуты повиснуть на кустѣ, чтобы подняться. И тогда Шорти, держа на рукахъ «воробышка», снова стоялъ на краю ямы, изъ-подъ его вырвалось невольное проклятіе: чѣмъ-то, очевидно, испуганный «Питъ» уносился вдаль, выдѣлывая отчаянные курбеты. И напрасно ковбой звалъ коня, кричалъ, свисталъ. Еще минута, лошадь исчезла изъ виду.

— Вотъ такъ исторія! — пробормоталъ Шорти сердито. — Безъ коня какъ безъ рукъ. До Сант-Аниты километровъ тридцать. Домой — двѣнадцать, а то и пятнадцать. Если вернусь домой, то... То пиши пропало мѣсто шерифа: я никакъ не поспѣю къ выборамъ. Пойти пѣшкомъ можно еще поспѣть. Но... но что дѣлать съ «Найденнымъ»?

Ковбой почесалъ затылокъ.

— Хотѣ бы вода была! — продолжалъ онъ свои невеселыя разсужденія. — Такъ пѣтъ же! Проклятое животное унесло съ собою бурдюкъ съ водою. Благо еще, что въ карманѣ фляжка осталась съ брэнди: можно бу-

детъ хоть глотку промочить. А то вѣдь итти теперь напрямки это означало бы итти прямо смерти въ зубы.

«Ну, ладно! Брэнди имѣется. Посмотримъ теперь, что имѣется изъ съестныхъ припасовъ?»

Пошаривъ по карманамъ, Шорти обнаружилъ пару сухарей. Мало, но все же, съ голоду за сутки не помрешь... А Шорти, полагаясь на свои крѣпкія ноги, вполне рассчитывалъ успѣть пройти отдѣлявшіе его отъ поселка тридцать километровъ самое позднѣе къ полудню.

— Итти, такъ итти! — вымолвилъ онъ. — Ну, ты что на этотъ счетъ думаешь, паучокъ?

Но «паучокъ» молчалъ. И когда Шорти заглянулъ ребенку въ лицо, его поразило, что глазки ребенка были мутны, а губки почти черны.

— Эгэ-гэ! Да у тебя, пичуга, никакъ дихорадка? — испуганно вымолвилъ ковбой. — Тебѣ бы надо лежать въ постелькѣ, а ты... Эхъ, да и кто же отпустилъ тебя скитаться по пустынь? Тутъ и койоты, которые, конечно, могли бы растерзать тебя. Тутъ и гремучія змѣи, и скорпионы, отъ которыхъ ты не можешь уберечься... А солнце? Одно солнце чего стоитъ?! Оно, братъ, и здороваго человѣка можетъ уложить въ могилу, а не такого жалкаго червячка, какъ ты...

Бережно ковбой, какъ умѣлъ, вытеръ запыленное личико больного ребенка платкомъ, потомъ влилъ въ его ротъ нѣсколько капель брэнди. Напитокъ оживилъ ребенка: «воробышекъ» открылъ глазки, какъ будто узналъ своего спасителя и защитника, улыбнулся, но печальна была эта дѣтская слабая улыбка...

Потомъ, прикурнувъ на груди у Шорти, ребенокъ задремалъ.

Два или три километра Шорти прошелъ, таща ребенка, безъ особаго труда. Но потомъ сталъ чувствовать, какъ силы измѣняются, какъ маленькая ноша съ каждымъ шагомъ становится тяжелѣе и тяжелѣе. Свинцомъ наливаются руки, свинцовая тяжесть сковываетъ ноги. Дыханье становится неровнымъ и вырывается изъ усталой груди со сви-

стомъ. Какъ будто воздуху недостаетъ для освѣженія легкихъ.

Шатаясь, добрѣль Шорти до слѣдующаго холма и у его подножья успѣлся отдышаться, положивъ тѣлце крѣпко спавшаго ребенка на песокъ.

— Не важны наши дѣла, милыя! — проворчалъ онъ, отирая потъ со своего лба. — Проклятая лихорадка! Я ду-

Шорти прошелъ два или три километра, таща ребенка.

малъ, что я отъ нея избавился, а оно вонъ что! Слабъ я, братъ, не хуже тебя, кажется!

Отдохнувъ, Шорти побрелъ опять, но припадокъ слабости вернулся къ

нему еще быстрѣе, чѣмъ въ первый разъ, и снова ковбой пришлось останавливаться, чтобы перевести дыханье. Онъ выпилъ глотокъ брэнди, но напитокъ поддерживалъ его силы только на очень короткій промежутокъ времени.

— Ничего не подѣлаешь! — подумалъ Шорти. — Хочешь, не хочешь, пичужка, а надо, братъ, улежись спать тутъ же, въ пустынѣ. Иначе мы оба пропадемъ ни за понюшку табаку.

Однако, сонъ бѣжалъ отъ усталыхъ и воспаленныхъ глазъ ковбоя. Кровь бурнымъ потокомъ переливалась въ его жилахъ и стучала въ вискахъ. Голова болѣла невыносимо, и когда Шорти пробовалъ говорить, онъ замѣчалъ, какъ его языкъ, распухнувъ, съ трудомъ ворочается въ сухомъ рту. А ребенокъ лежалъ и по временамъ глухо и жалобно стоналъ. Приложивъ свою руку къ головкѣ ребенка, Шорти не могъ не замѣтить, что эта бѣлокурая головка словно пылала въ огнѣ.

На разсвѣтѣ ковбой снова тронулся въ путь. Еще сдѣлалъ пять или шесть километровъ. И, немного отдохнувъ, опять поплелся, но шель уже совсѣмъ невѣрными шагами, стигаясь словно подъ непомѣрною тяжестью. Ребенокъ дремалъ на его плечѣ.

И вотъ, ковбой съ отчаяніемъ увидѣлъ, что отъ гибели имъ обоимъ не уйти: у него не было силъ уже нести дальше ребенка. А оставаться для отдыха въ пустынѣ, среди голыхъ камней, подъ безпощадно палящими лучами полуденнаго солнца, не имѣя ни капли воды, это означало вѣрную смерть.

Тогда онъ принялъ рѣшеніе итти, брести, хоть ползти къ Санъ-Анитѣ, одному, чтобы вызвать на помощь людей. Ребенка же оставить покуда въ безопасномъ мѣстѣ.

Такое мѣсто нашлось: пара тощихъ древесныхъ стволовъ.

Связавъ узломъ свою куртку, ковбой устроилъ изъ нея нѣкоторое подобіе люльки и при помощи лассо подвѣсилъ эту импровизированную люльку такъ высоко надъ землею, что самый смѣлый и сильный койотъ не смогъ бы до нея добраться. Въ люльку онъ положилъ

бывшаго въ безсознательномъ состояніи ребенка, а надъ нимъ развѣсилъ на вѣтвяхъ свой красный шейный платокъ. Вѣтеръ, налетавшій откуда-то порывами, развѣвалъ концы платка, и Шорти могъ разсчитывать, что трусливые коршуны не осмѣлятся приблизиться къ ребенку, пугаясь развѣвающейся красной тряпки.

Поглядѣвъ еще разъ на ребенка, Шорти, шатаясь, какъ пьяный, побрелъ все по тому же направленію, но часто шель съ закрытыми глазами, оступался, почти падалъ, останавливался.

— Но я долженъ, я долженъ добраться до поселка! — беззвучно шепталъ онъ. — Хоть помри, а долженъ! Иначе... иначе «Воробышку» не сдобровать!

* * *

Близился полдень.

Въ полукилометрѣ отъ поселка, стоявшаго на самой границѣ пустыни, въ дикой и глухой мѣстности, спрятавшись среди камней, находился Тимъ Гиффордъ.

Онъ еще вчера вечеромъ прибылъ въ поселокъ, узнать, какъ идутъ дѣла. Узнав, довелось ему положительно до бѣшенства: его смертельному врагу, «дерзкому мальчишкѣ» и «выскачкѣ», Нэду Шорти, было обезпечено большинство голосовъ.

Нэдъ Шорти будетъ шерифомъ!

Этого Тимовой Гиффордъ не могъ перенести ни въ какомъ случаѣ. Онъ пользовался раньше огромнымъ авторитетомъ среди мѣстнаго полудикаго населенія. Его слушались всѣ. Его слово было закономъ, когда Нэдъ Шорти еще, какъ говорится, подъ столъ пѣшкомъ путешествовалъ. А теперь...

Теперь Богъ вѣсть откуда нахлынувшая безпардонная молодежь, горланы, крикуны, по большей части иностранцы, готовы посадить себя на шею Шорти въ качествѣ шерифа, словно въ насмѣшку надъ нимъ, Гиффордомъ!

Но Гиффордъ не допустить, нѣтъ, не допустить до этого! И разъяренный старикъ, зная, что Нэдъ, вѣроятно же всего, выбравъ для себя кратчайшій

Гиффордъ навелъ дуло ружья на приближавшагося Шорти.

Въ этомъ рѣшеніи Гиффорда поддерживала пара оставшихся вѣрными ему друзей изъ старыхъ поселенцевъ, съ неудовольствіемъ видѣвшихъ наплывъ въ раньше совсѣмъ безлюдную мѣстность новыхъ пришельцевъ.

Эти партизаны Гиффорда оставались въ Санъ-Анитѣ, по кто-нибудь изъ нихъ время отъ времени окольнымъ путемъ пробирались къ сидѣвшему въ засадѣ Гиффорду и сообщали ему о ходѣ событій.

Около полудня къ Гиффорду присоединился Данъ-Даунъ, высокий и угрюмый паренъ, не меньше Гиффорда ненавидившій «кандидата въ шерифы». Данъ имѣлъ какъ-то стычку съ Шорти изъ-за права на какой-то спорный участокъ земли, былъ прогнанъ Нэдомъ и теперь радовался случаю разъ навсегда покончить свои счеты съ Шорти.

— Галдятъ, а къ выборамъ не хотятъ приступать! — говорилъ онъ Гиффорду, усаживаясь рядомъ съ нимъ и раскуривая дешевую сигару.

— Почему?

— Ждутъ этого... выродка! Нѣтъ, Тимъ! Если мы съ нимъ не справимся, наша игра проиграна!

— Справимся! Пусть только покажется тут!

— Да, вот, что-то не показывается. Можеть-быть, пронохал опасность? Онъ вѣдь дьявольски хитеръ! Тонкая штука! Только прикидывается простымъ парнемъ. А самъ какъ змѣя ядовитая!

— Не подколдыкивай ты меня, ради всѣхъ живыхъ и мертвыхъ! — съ сердцемъ отозвался Гиффордъ. — Я и безъ того словно пьяный отъ злости! Попадись мнѣ этотъ Шорти, такъ я, кажется, способенъ раньше, чѣмъ прикончить его, пытать его цѣлыми часами!

— А что же? Кто помѣшаетъ?

Въ это время конь Гиффорда, стоявшій въ тѣни скалы, тревожно заржалъ и сталъ рвать копытомъ землю.

Гиффордъ и Данъ выглянули изъ-за прикрытія. Имъ была видна мертвая пустыня на порядочное пространство. И ихъ зоркіе глаза видѣли, какъ цѣлая стая коршуновъ съ крикомъ крутилась надъ чѣмъ-то или надъ кѣмъ-то, явно подвигавшимся по направлению къ мѣсту засады. Еще нѣсколько минутъ, и на разстояніи двухъ или трехъ сотъ метровъ отъ скалы показался человѣкъ, преслѣдуемый, правда, на почтительномъ разстояніи, стайкою койотовъ.

— Это онъ! — крикнулъ Гиффордъ, и, вскочивъ на коня, навелъ дуло ружья на приближавшагося Шорти.

— Пстой, не стрѣляй! — остановилъ его Данъ. — Тутъ, старина, творится что-то неладное!

— Не мѣшай же! — огрызнулся свирѣпо старикъ. — Ладно или не ладно, а вотъ всажу ему пулю въ голову, и конецъ!

— Да, можетъ, стрѣлять-то лишнее? Подумай только!

— Это почему?

— Да ты присмотришься, какъ онъ идетъ! Вотъ, смотри, упалъ!

Въ самомъ дѣлѣ, падавшійся и ничего не видѣвшій изъ окружающаго Шорти въ это мгновеніе упалъ. Но полежавъ нѣсколько секундъ ничкомъ, онъ приподнялся, постоялъ на колѣняхъ, потомъ всталъ и сдѣлалъ еще десятокъ шаговъ. Потомъ опять упалъ, но попомъ по направлению къ засадѣ.

— Онъ безъ коня. Ружья пѣту! — шептала Гиффорду Данъ. — Его, видимо, убило солнце пустыни!

— Еще не убило! Ползаетъ, какъ змѣя!

— Такъ что же? Такъ далеко, братъ, не уйдешь! Проползетъ еще полсотни шаговъ, самое большее, свалится и околѣетъ!

— Да мнѣ-то мало радости! — ворча, согласился старикъ. — Я хочу, чтобы моя рука его уложила. Я хочу, чтобы онъ у моихъ ногъ издохъ!

— Такъ что же? Вотъ, подѣдемъ къ нему, и будетъ по твоему. Будетъ онъ лежать и издыхать у твоихъ ногъ. Еще лучше даже: будетъ молить тебя о помощи, а ты смѣйся, а ты издѣвайся надъ нимъ!

Гиффордъ и Данъ подѣхали къ бѣдняку и придержали коней въ полудесяткѣ шаговъ отъ него.

Словно инстинктомъ почуввъ близость людей, Шорти приподнялся. Его лицо было словно налито кровью, губы совершенно черны, а глаза безумны. Онъ не узнавалъ ни Дана-Дауна, ни Гиффорда.

— Спѣшите! — лепеталъ онъ, простирая руки къ всадникамъ. — Лгите! Тамъ... въ конюшнѣ... Красный Камень ребенка... Пичужка, вывалившаяся изъ гнѣздышка... Волосики золотые, глазки голубенькіе...

— Что такое? — встрепенулъся, какъ ужаленный, Гиффордъ.

— Волтаетъ, Богъ знаетъ что! — проворчалъ Данъ.

— Пстой, не мѣшай! Что вы говорите, Шорти? Дѣвочка? Кака дѣвочка? Гдѣ она?

— Намелъ... въ пустынь... Въ десяти миляхъ отъ... фермы... Гиффорда. Голубенькіе глазки... полумертвая...

— Плате! Какое на ней платье! Да говорите же!

— Не помню... ничего не помню! Нѣтъ, стойте! Вѣлое, съ голубой... каемочкою. Крестикъ золотой на черной бархаткѣ...

«Спѣшите! Тамъ... воронье проклятое! Кружатся, кричать...

«Койоты шлюются... «Питъ», проклятое животное, убѣжалъ. У ребенка лихорадка... Я привязалъ его... къ дереву... Красный платокъ...»

Неясный голосъ почти умирающаго Шорти перешелъ въ беззвучный шопотъ, потомъ совсѣмъ стихъ. Шорти лежалъ у ногъ своего злѣйшаго врага, распростершись въ пыли.

— Нелли! Моя Нелли! — закричалъ Гиффордъ. — Она увязалась за мною, когда я поѣхалъ на эти пидіотскіе выборы. Я ее прогналъ, когда увидѣлъ. Это было совсѣмъ, ну, совсѣмъ близко отъ фермы. Я думалъ, что она доберется безъ труда до дому.

— Да почему вы думаете, что...

— Вѣлое платье съ голубою каемочкою... Золотой крестикъ на черной бархаткѣ... Волосы золотистые, глазки голубенькіе! — явственно произнесъ Шорти, и опять смолкъ.

Гиффордъ виѣ себя спрыгнулъ съ лошади и схватилъ тѣло больного.

— Да помоги же ты, идіотъ! — крикнулъ онъ Дану. — Помоги, а не то я застрѣлю тебя какъ... с-собаку!

Мгновенно спусти Гиффордъ неся карьеромъ къ поселку, увозя съ собою безчувственное тѣло своего смертельного врага, единственного человѣка, который могъ спасти теперь его заблудившагося въ пустынь ребенка, потому что только Шорти зналъ, гдѣ осталась Нелли.

Въ поселкѣ поднялась тревога. Десятки рукъ тянулись къ кобкою. Пылающій лобъ Шорти смачивали холодною водою. Ему вливали въ горло теплый пуншъ. А онъ бормоталъ:

— Спѣшите... Каньонъ «Красный Камень». Тамъ два дерева. Пичужка лежитъ въ гнѣздышкѣ...

Цѣлый отрядъ всадниковъ на рысяхъ вылетѣлъ изъ поселка. Среди верховыхъ

мчалась большая двуколка какого-то фермера: въ ней сидѣлъ Гиффордъ и лежалъ по временамъ приходившій въ себя, по временамъ снова впадавшій въ тяжелое, сопровождавшееся бредомъ забытье Нэдъ Шорти. Они отправились на поиски Нелли Гиффордъ.

* * *

Выборы шерифа мѣстечка Санъ-Анита и окрестныхъ поселковъ состоялись черезъ два дня. Единственнымъ кандидатомъ выступилъ Нэдъ Шорти.

Впрочемъ, слово «выступилъ» не очень подходитъ къ данному случаю: Нэдъ Шорти явился на общее собраніе, или, правильнѣе, Нэда Шорти принесли на собраніе въ больничныхъ носилкахъ: онъ былъ еще такъ слабъ, что едва могъ двигаться.

Несли носилки... Тимъ Гиффордъ и лара его сыновей.

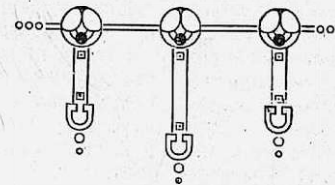
Нэдъ былъ избранъ единодушно.

Передъ выборами, правда, произошелъ маленькій инцидентъ.

Тимъ Гиффордъ, по бокамъ котораго стояли съ ружьями въ рукахъ его сыновья, обратился къ «уважаемымъ согражданамъ» съ краткою, но выразительною рѣчью.

— Ребята! — сказалъ онъ. — Я, вотъ собиравъ ухлопать этого самого Шорти. А онъ спасъ мою дѣвчонку. Ну, такъ вотъ... Пусть какая-нибудь другая скотина попробуетъ моститься въ шерифы. Я и мои сыновья, мы посмотримъ, что изъ этого выйдетъ! Словомъ, я голову за Нэда Шорти! Понятно?

Нэдъ и сейчасъ служить шерифомъ Санъ-Аниты.

РТУТНЫЙ БИЛЛЬ.

Рассказ Эллиса Уэльса.

КОГДА-НИБУДЬ, я вѣрю въ это, и у насъ, въ Штатахъ, наступитъ иная пора, установится тотъ порядокъ, о которомъ мечтаютъ всѣ честные люди. Но, господа, это, я глубоко убѣжденъ, будетъ еще не скоро.

Видите ли, въ чемъ штука!

Конечно, я человѣкъ простой, едва-едва грамотный и то лишь настолько, чтобы самому вести мои записи и расчеты по работѣ. Но я люблю думать о томъ, что я наблюдаю, и всегда стараюсь добраться до сути, отбрасывая мелочи, только мѣшающія видѣть общую картину.

Ужъ слишкомъ много у насъ, въ Америкѣ, вырабатывается такихъ элементовъ, которые осуждены отравлять жизнь!

Съ одной стороны, Старый Свѣтъ ежегодно выбрасываетъ къ намъ сотни тысячъ своихъ эмигрантовъ, людей, которые не знаютъ ни языка ни условий жизни въ Штатахъ. Они попадаютъ въ жесточайшую кабалу къ разнымъ предпринимателямъ и раньше, чѣмъ приспособиться къ нашимъ условиямъ, выдерживаютъ форменную каторгу. Одни, болѣе крѣпкіе, выходятъ изъ этой каторги, изъ такъ называемыхъ «потогонныхъ фабрикъ», закаленными и отлично вооруженными для борьбы за существо-

ваніе. Другіе же, подвергаясь безпощадной эксплуатаціи, измочаливаются душою и тѣломъ и погибаютъ. Да еще хорошо, если погибаютъ попросту, то-есть вымираютъ!

А то вѣдь не рѣдкость и такое явленіе: человѣкъ, который мечтаетъ о Соединенныхъ Штатахъ, какъ о райскомъ мѣстѣ, послонявшись по крупицамъ разноречивымъ центрамъ и живя собственною жизнью безъ пощады эксплуатируемаго человѣка, способенъ совсѣмъ подъ конецъ свихнуться, потерять пониманіе разницы между дозволеннымъ и недозволеннымъ, законнымъ и незаконнымъ.

Онъ видитъ, что другіе вокругъ него наживаются, становятся богачами, часто только благодаря умѣлой спекуляціи, а онъ остается бѣднякомъ, лишеннымъ куска хлѣба.

А вѣдь онъ работаетъ не меньше, а больше другихъ!

Почему же онъ осужденъ бѣдствовать, а другіе разживаться?

Отсюда не такъ ужъ далеко до мысли, что другіе-то разживаются, собственно, обкрадывая его, бѣдняка, и подобныхъ ему.

А отсюда желаніе мстить этимъ удачникамъ, которыхъ бѣднякъ считаетъ за воровъ и грабителей, только по ошибкѣ не сидящихъ за тюремною рѣшеткою.

И вотъ неудачникъ пытается «собственными средствами» поправить несправедливость судьбы. То-есть пытается сдѣлать силою то, что другіе дѣлаютъ хитростью.

Не удалось, вчерашній честный рабочий сегодня сталъ отверженникомъ, преступникомъ, за которымъ охотятся власти. Если онъ уйдетъ, то только туда, гдѣ онъ найдетъ равныхъ себѣ, такихъ же отверженниковъ. Если онъ попадетъ въ руки такъ называемаго американскаго правосудія, — еще хуже: онъ заключенъ на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму, тамъ онъ познаетъ всѣ прелести тюремнаго режима; а оттуда онъ выйдетъ уже обученнымъ всѣмъ хитростямъ ремесла преступника, озлобленнымъ до послѣдней степени.

И изъ него выходитъ уже форменный разбойникъ. Это въ восточныхъ штатахъ, гдѣ жизнь все же болѣе или мѣнѣе организована.

А въ штатахъ западныхъ, еще мало и очень неровно населенныхъ, дѣло обстоитъ еще хуже.

Туда съ востока уходятъ все буйное, все, имѣющее счеты съ правосудіемъ, все, что не мирится съ существующимъ порядкомъ и ищетъ такихъ условий, при которыхъ можно опираться на собственную силу.

Ковбои и трапперы, трампы и выбитые изъ коленъ рабочіе, случайно оставшіеся безъ дѣла и безъ куска хлѣба, прогорѣвшіе предприниматели, разоренные различными мошенниками банкирами, биржевиками, представителями трэстовъ люди, — всѣ они стремятся перебраться въ западные штаты, гдѣ жизнь еще не улеглась въ опредѣленныхъ рамкахъ, гдѣ еще существуетъ извѣстный просторъ и гдѣ по временамъ и въ наши дни случаются кажушіяся фантастическими, но совершенно реальными исторіи съ открытіемъ какихъ-нибудь богатѣйшихъ золотыхъ или серебряныхъ россыпей и рудниковъ.

Вчера въ какомъ-нибудь глухомъ углу Невады или Колорадо слонялись только полудикіе пастухи да еще болѣе дикіе охотники. Но какіе-то вѣчно шныряющие по горамъ «проспекторы» наткнулись на богатую жилу кварцеваго зо-

лота или серебра, отыскали въ пѣдрахъ земли ртуть или цинкъ, олово или мѣдь, и пошла писать губернія!

Сотни, тысячи, десятки тысячъ искателей богатства нахлынули на эту мѣстность, роются въ землѣ, добывая богатства, вымираютъ, голодаютъ, грызутся изъ-за клочка ни на что путное не пригодной земли, разоряются до тла или богатѣютъ, чтобы опять разориться. На смѣну выбывшихъ изъ строя приходятъ другіе. Жизнь кипитъ. Но какая жизнь!

Именно около копей и рудниковъ собирается вся человѣческая напиль, всѣ общественные отбросы.

И въ этой массѣ отчаянныхъ, на все готовыхъ изъ-за наживы головъ недолго выдерживаютъ даже и честные люди: примѣръ заразителенъ, и тамъ, гдѣ все bredитъ быстрою наживою, гдѣ люди буквально отравлены одною думою о золотѣ, о богатствѣ, какою бы цѣною оно ни доставалось, — тамъ трудно не свихнуться и человѣку съ характеромъ.

Добавьте къ этому, что во многихъ мѣстностяхъ Дальняго Запада и въ наши дни сохранилась старая закваска, пережитки недавняго прошлаго, когда здѣсь было настоящее царство грубой силы, когда тонъ жизни задавали не работающіе люди, а авантюристы самой чистой воды, потомки пионеровъ, грабителей и истребителей индѣйцевъ, и вы не будете удивляться, что въ такихъ мѣстностяхъ необычайно богата кровавыми событіями уголовная хроника нашихъ дней.

Сказанное мною въ самой высокой степени относится къ значительной части тѣхъ областей Калифорніи, гдѣ по многимъ причинамъ сельское хозяйство еще туго прививается, зато развиты разнообразнѣйшіе игорные промыслы.

А моя жизнь почти цѣликомъ прошла именно въ этой области, и, о Господи, сколько трагическихъ исторій пришлось мнѣ видѣть!

Да, о многомъ могъ бы я повѣдать міру, если бы умѣлъ толково излагать свои мысли на бумагѣ!

Но, повторяю, я полуграмотный человѣкъ, и куда мнѣ браться за это дѣло!

Вот, мой сынишка Чарли, тотъ куда толковѣ меня въ этомъ отношеніи, и когда-нибудь, быть-можетъ, займется этимъ дѣломъ, то-есть станетъ писать о нашей жизни. Матеріала-то искать ему не придется!

Куда тамъ!

Чарли сейчасъ четырнадцать лѣтъ, а онъ лично пережилъ не мало, а слышался и еще больше. Если только, говорю я, будетъ у него охота, то со временемъ онъ сможетъ прославиться не менѣе покойнаго мистера Бретъ-Гарта, книжки котораго онъ, мой сынъ, такъ любитъ таскать всюду съ собою.

Но покуда это еще будетъ, я хочу сказать объ одномъ приключеніи, пережитомъ именно нами съ Чарли вмѣстѣ, — о приключеніи, послѣ котораго я и получилъ прилившее ко мнѣ прозвище «Ртутнаго Вилля», извѣстное доброй половиной южной части Калифорнскаго руднаго округа.

Видите ли, какъ вышло дѣло!

Въ тѣ дни я занимался тѣмъ же самымъ ремесломъ, какъ и теперь. То-есть, попросту, извознымъ промысломъ, но особаго сорта.

Дѣло въ томъ, что въ нашихъ мѣстахъ главная бѣда—отсутствіе мало-мальски споспыхъ путей сообщенія и средствъ транспорта.

Со временемъ тутъ вся территория будетъ изрѣзана желѣзными дорогами, и такимъ людямъ, какъ я, дѣла убавится. Но покуда это придетъ, мѣстность нуждается въ людяхъ, хорошо знающихъ всѣ дороги, доступныя экипажному сообщенію, и, конечно, въ людяхъ, которымъ другіе могли бы безъ боязни довѣрять свое имущество.

Меня считаютъ именно за человѣка, удовлетворяющаго этимъ двумъ требованіямъ: я знаю окрестности нѣсколькихъ рудниковъ и копей, какъ свои пять пальцевъ. А что касается того, заслуживаетъ ли «Ртутный Вилль» довѣрія, спросите у тѣхъ, которые вотъ уже въ теченіе добрыхъ пятнадцати лѣтъ оказываютъ мнѣ это довѣріе, отправляя со мною иной разъ грузъ тысячь въ двадцать и тридцать стоимостью и поручая мнѣ перевозить весьма солидныя суммы наличными деньгами.

Богъ милуесть, не разъ я былъ въ опасности, но до сихъ поръ всегда мнѣ удавалось изъ этой опасности выходить съ честью и, главное, спасти чужое имущество, которое было мнѣ довѣрено.

Лѣтъ пять-шесть тому назадъ, однако, былъ періодъ, когда работа моя сдѣлалась почти невозможною. Это было именно тогда, когда въ нашей мѣстности появилась большая шайка «Голубого Джека», или «Джека Тэннесси». Прозывали его «Голубымъ» въ силу того, что у него на правой щекѣ было большое родимое пятно, прикрывавшее словно маскою четверть физиономіи. А «Джекомъ Тэннесси» звали его потому, что онъ былъ родомъ изъ штата Тэннесси, откуда сбѣжалъ послѣ двухъ или трехъ разбойничьихъ подвиговъ.

У насъ «Голубой Джекъ» надѣлалъ много бѣдъ.

Приходилось мнѣ читать не мало разныхъ романовъ и повѣстей изъ разбойничьей жизни, и, знаете что?

Охъ, ужъ и чешутся же у меня кулаки на сочинителей этихъ романовъ, набивающихъ головы глупыхъ читателей подобнымъ вздоромъ.

Эти писакки размазываютъ меломъ цевъ въ стилѣ Джека Тэннесси—самыми яркими красками, создаютъ романтическіе образы, приписывая своимъ героямъ разнаго рода рыцарскія добродѣтели.

Они, бандиты, и храбры, и паче великодушны. Они защищаютъ слабыхъ и борются съ сильными. Они совершаютъ подвиги, освобождаютъ угнетенныхъ жестокими опекунами прекрасныхъ дѣвицъ и возстановляютъ въ поправныхъ правахъ обобранныхъ родственниками юныхъ наследниковъ.

Вздоръ, наглый вздоръ!

Въ храбрости, конечно, многимъ изъ подобныхъ Джеку Тэннесси отказать нельзя. Да среди трапперовъ и ковбоевъ, вообще говоря, трусливыхъ людей очень мало. Имъ тутъ не мѣсто, гдѣ каждый моментъ приходится рисковать своею шкурою, борясь съ природою и людьми.

Но на ряду съ личною храбростію и презрѣніемъ къ смерти у этихъ людей черезчуръ часто вырабатывается еще больше презрѣнія къ жизни другихъ. И часто, черезчуръ даже часто, какой-

нибудь «Голубой Джекъ» или «Длинный Томъ» зѣвбуютъ настолько, что начинаютъ буквально охотиться на своихъ ближнихъ и пускаться въ ходъ оружіе безъ разбора и противъ старика, и противъ ребенка, и противъ женщины, и противъ бѣдняка.

«Голубой Джекъ» покончилъ безславно свои дни: въ пьяномъ видѣ промахнулся, стрѣляя въ подававшего ему обѣдъ негра, слугителя «салона» Мортонна. Негръ съ перепугу схватилъ за горло Джека. Джекъ пытался ударить его по головѣ револьверомъ. Негръ, отчаянно крича и зовя на помощь, все сильнѣе и сильнѣе сжималъ горло разбойника. Покуда прибѣжалъ самъ содержатель «салона» Мортонъ, у Джека уже глаза вылезли изъ орбитъ, а горло-е хрипы сказались буквально раздавлены цѣпкими пальцами чернокожаго.

Негръ послѣ этого улизнулъ, и отлочно сдѣлалъ, ибо пріятель Джека искали его въ окрестностяхъ и подстрѣлили по меньшей мѣрѣ полдюжины ни въ чемъ неповинныхъ одноплеменниковъ убійцы.

Послѣ смерти атамана шайкѣ не повезло: большинство ея членовъ въ скоромъ времени было перестрѣяно или повѣшено «регуляторами». Но два или три молодца ушли отъ расправы. И среди нихъ былъ знаменитый впоследствии Тибурціо Васкэцъ, мексиканецъ родомъ, и его двоюродный братъ, Марчелло Ибаньесъ.

Ихъ застукали на одномъ постояломъ дворѣ, но бандиты выскочили изъ дома, подстрѣлили нѣсколькихъ конюховъ, овладѣли парой лучшихъ лошадей содержателя двора и бѣжали. Погоня не нагнала ихъ, скоро потерявъ слѣды, и въ теченіе, по крайней мѣрѣ, трехъ лѣтъ о Тибурціо Васкэцѣ и его неизмѣннымъ спутникѣ, Марчелло, не было никакихъ вѣстей.

Кто былъ исключительно радъ этому обстоятельству, такъ именно вашъ покорнѣйшій слуга: они, то-есть сподвижники «Голубого Джека», дважды устраивали мнѣ лично засаду, намѣреваясь угнать моихъ лошадей и овладѣть моимъ имуществомъ, которое тогда все заключалось въ одномъ здоровомъ фур-

гонѣ для перевозки тяжелыхъ грузовъ по горамъ.

Разумѣется, самъ по себѣ фургоны не особенно привлекали вниманіе разбойниковъ. Но суть-то въ томъ, что въ этомъ фургонѣ я довольно регулярно раза два въ мѣсяцъ перевозилъ изъ ртутнаго завода «Томлэй, Диконсонъ и Компанія» всю добычу этого завода, то-есть тяжеловѣсные жестянки съ ртутью, на сумму пять и семь тысячъ долларовъ, до ближайшей станціи желѣзной дороги для отправки въ Санъ-Франциско.

Послѣ трагедій на постояломъ дворѣ мои молодцы словно въ воду канули, и я могъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ.

А съ каждымъ годомъ, даже съ каждымъ мѣсяцемъ, мнѣ оказывали все большее довѣріе на заводѣ. И пришло время, когда моихъ лошадей и моего единственнаго фургона уже не было достаточно для перевозки ртуты на желѣзную дорогу.

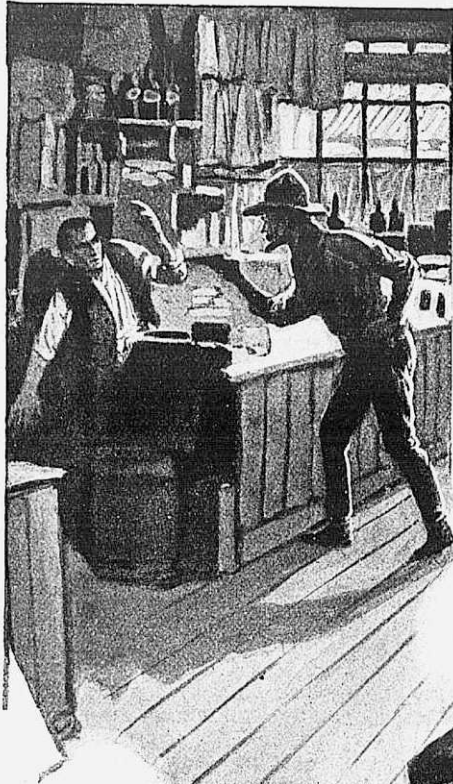
Это меня не очень смутило: я сумѣлъ накопить не одну пару тысячъ долларовъ, выстроилъ домъ, въ которомъ жила моя жена съ младшими дѣтишками.

Поэтому, заручившись заранѣе обѣщаніемъ завода передать мнѣ монополное право заниматься доставкою со станціи желѣзной дороги всѣхъ грузовъ, шедшихъ на заводъ, замѣтно выросшіе за это время, я приобрѣлъ два десятка хорошихъ лошадей и выстроилъ два новыхъ фургона. Эти фургоны были устроены такъ, что могли ходить порознь, а могли ходить и вмѣстѣ, сбѣпляясь, какъ сбѣпляются желѣзнодорожные вагоны.

Такимъ образомъ я могъ, запрягши въ передній фургонъ двѣнадцать моихъ лошадей, прицепить сзади второй вагонъ, и на обоихъ свезти даже по нашимъ отвратительнымъ дорогамъ весьма порядочный грузъ. И при этомъ я не нуждался въ посторонней помощи: меня сопровождалъ мой сынишка Чарли, и этого было совершенно достаточно.

Въ прошломъ году совершенно неожиданно откуда-то вышлыли бѣжавшіе бандиты изъ шайки блаженной памяти «Голубого Джека», именно Тибурціо и Марчелло.

Свое появление они ознаменовали памятным для всех обитателей нашей местности нападением на частный банк

Разбойники ворвались в банк и подстрелили обоих служащих.

Джоржа Гартмана в Мортон-Вилль.

Как водится, они ворвались в банк, когда там никого не было, крикнули двум служащим «руки вверх», и приступили к грабежу. Напрасно клялись и божились злополуч-

ные служащие банка, что касса абсолютно пуста, ибо только за час до нападения сам Гартман увез всю наличность куда-то.

Разбойники подстрелили обоих верных долгу служащих, нашли в кассе только полтора доллара, почему-то застрелили своего третьего спутника, какого-то метиса, и исчезли из Мортон-Вилля раньше, чем поднялась тревога.

Кое-кто, однако, успел опознать их: они на этот раз почему-то были без масок. Власти поднялись на ноги, организовали преследование, но, должно быть, у бандитов были сообщники в окрестностях Мортон-Вилля, которые сумели спрятать Тибурцию и Марчелло от всех преследователей.

Недвлю спустя, явился в обычный рейс на станцию железной дороги. В обоих моих фургонах находилось несколько дюжины увесистых жестянок со ртутью. По фактурам, переданным мне управляющим заводом, мой груз оценивался в почтенную сумму три-

дцать пять тысяч долларов. На обратном пути я должен был захватить с собою разного товара тысяч на пять.

И в голову мне не приходило, чтобы мне угрожала какая-нибудь опасность

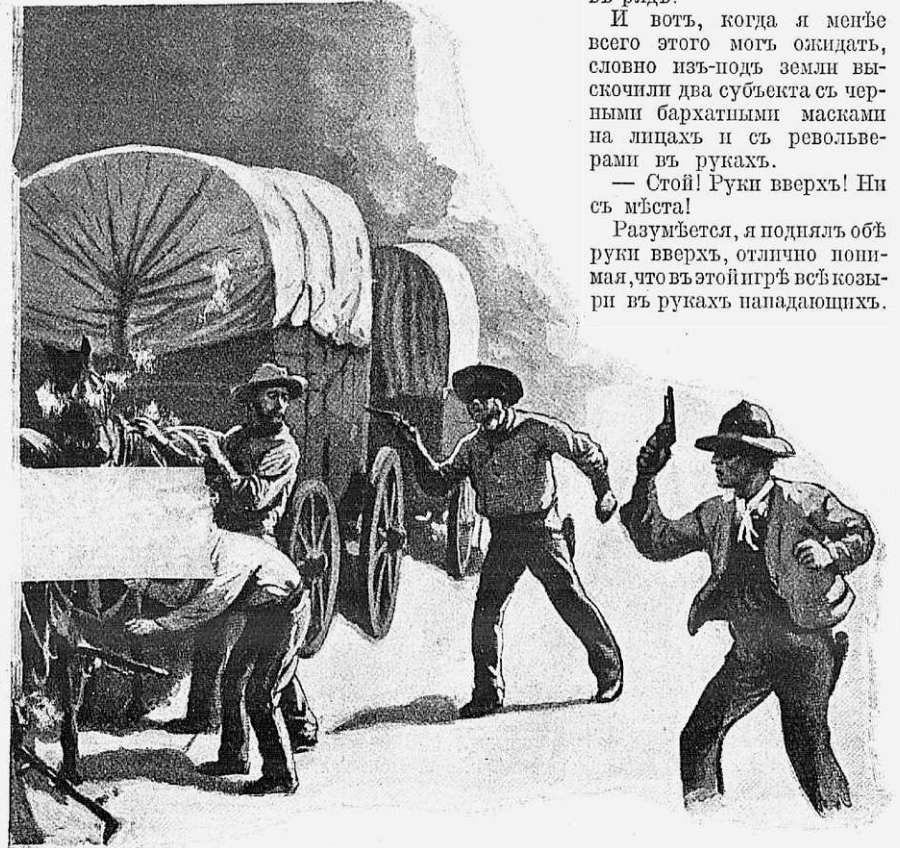
вести мой обоз до одного поселка в горах, где рассчитывал переночевать.

Оба мы, то-есть я и Чарли, шли у переднего фургона, управляя лошадьми. Въезд не шутка упряжка из двенадцати коней, запряженных по два в ряд!

И вот, когда я менее всего этого мог ожидать, словно из-под земли выскочили два субъекта с черными бархатными масками на лицах и с револьверами в руках.

— Стой! Руки вверх! Ни с места!

Разумеется, я поднял обе руки вверх, отлично понимая, что в этой игре все козыри в руках нападающих.

Словно из-под земли выскочили два субъекта с черными бархатными масками на лицах.

на этот раз, но на деле я-таки попался, и попался здорово.

Было это под вечер.

Уже темнело.

Дорога моя шла в гору, лошади несколько притомились, шли лениво, и я выбивался из сил, лишь бы до-

Вдвигая Чарли чуть не свалился от испуга под копыта лошадей. Обоз остановился.

— Что вам нужно, джентльмены? — осмелился заговорить я.

— Здорово, «Ртутный Вилль»! — крикнул первый из нападавших. По-

голосу я узналъ Марчелло, съ которым мы раньше приходилось несколько раз встречаться. — Как поживаешь, дружище? Не ожидалъ насъ увидѣть? — Разумѣется, не ожидалъ! — проворчалъ я.

— Поди, радъ чрезвычайнѣе? — насмѣхался бандитъ надо мною.

— Не очень, признаться! — проворчалъ я. — Предпочелъ бы, чтобы вы и всѣ вамъ подобные болтались гдѣ-нибудь въ петлѣ или сидѣли у чорта въ пасти!

— Ха-ха-ха! Какой ты шутникъ, «Ртутный Билль»! Да вѣдь мы такіе, что и изъ чертовой пасти выскакиваемъ!

— Вижу!

— Давай деньги!

— Какія?

— Что ты везешь съ собою!

— Промахнулся, джентльмены! Везу съ собою ровнымъ счетомъ пятнадцать долларовъ! Долженъ получить на станціи пятьсотъ, но, разумѣется, теперь ихъ получить кто-нибудь другой!

— Врешь! Вывертывай карманы! Да давай раньше револьверъ!

Во мгновеніе ока они отобрали мое оружіе. отобрали даже складной ножъ у Чарли, наградивъ мальчика тумачами. отобрали и пятнадцать долларовъ.

— Ну, а теперь что? — спросилъ я, когда эта операція была закончена. — Отпустите вы насъ, что ли?

— И не подумаемъ!

— Да на что мы вамъ сдались?

— Пригодитесь еще! — улыбнулся Марчелло.

— Странно!

— Ничуть не странно! Во-первыхъ, мы сами думаемъ заняться коммерціею!

— То-есть?

— Говорятъ, голубчикъ, ртуть теперь въ хорошей цѣнѣ! На золотыхъ рудникахъ прямо кричатъ! Только подавай побольше ртути для выщелачиванія при ея помощи золота изъ измельченнаго кварца!

— Вы хотите ограбить меня?

— А развѣ ртуть твоя? Мы и не знали, что ты сталъ такимъ богачомъ.

— Тѣмъ хуже, что не моя! Мы ея довѣрили, а честию отвѣчаю за ея сохранность!

— Чудакъ! Да она же въ полной сохранности! Только хозяева перемѣнились, и больше ничего! Но довольно болтать! Вотъ что, Билль! Не будь ты болваномъ, не артачься! Что твое дѣло лопнуло, ты и самъ долженъ отлично понимать!

— Ладно!

— Но ты намъ нуженъ!

— Я? Это зачѣмъ?

— Во-первыхъ, самъ чортъ справится съ этими двумя фургонами и дюжиною лошадей. Ты знаешь въ этихъ горахъ всѣ ходы и выходы. И вотъ выбирай: или ты получишь пулю въ лобъ... — Или?

— Или сто долларовъ, лошадей и фургоны обратно, если согласишься везти обозъ туда, куда мы потребуемъ! Пять минутъ на размышленіе!

— Позвольте хоть руки-то опустить, а то онѣ онѣмѣли!

— Хорошо! Но не вздумай сбѣжать: пристрѣлимъ тебя и твоего мальчишку! Черезъ минуту я заявлю свое согласіе сдѣлать сообщникомъ бандитовъ. Не осуждайте меня: что же оставалось мнѣ дѣлать?

Но, разумѣется, это согласіе я далъ, скрипя зубами и думая только объ одномъ: не представится ли случай раздѣлаться съ негодами, грозившими отцу, что они пристрѣлятъ его ребенка на его глазахъ.

Смутно, очень неопредѣленно, у меня въ мозгу уже нарождался и планъ, какъ это сдѣлать. Но чтобы привести этотъ планъ въ исполненіе, нужно было много и обстоятельно подумать.

Какъ я и предвидѣлъ, бандиты потребовали, чтобы я велъ фургоны въ сторону отъ большой дороги, въ глухую мѣстность, гдѣ жило нѣсколько весьма подозрительныхъ скваттеровъ. Тамъ должна была находиться главная квартира Тибурціо Вискэпа.

Скоро мои лошади утомились, пришлось остановиться, сдѣлать маленькій привалъ. А бандитовъ это раздражало: они торопили меня, ругались на чемъ свѣтъ стоитъ.

Однако, когда я сказалъ, что лошади могутъ пасть и обозъ застрянетъ, они согласились на остановку.

— Ты человекъ запасливый, Билль! — сказалъ Марчелло, хлопая меня по плечу. — Выкладывай — ка свои припасы!

— Какой онъ хитрецъ! — удивился второй, мнѣ совершенно незнакомый бандитъ, увидѣвъ въ моей дорожной торбѣ пару бутылокъ съ мексиканскою водкою, посвященую ими «агвардіентэ». — У него и закуска и выпивка имѣются въ достаточномъ количествѣ!

— Именемъ закона конфискую этотъ вредный для малолѣтнихъ напитковъ! — напыщеннымъ тономъ пропалесъ Марчелло, хватая одну бутылку.

— По личному приказанію президента Тафта конфискую для его личнаго употребленія вторую бутылку! — подержавъ грубую шутку товарищъ бандита, хватая вторую бутылку агвардіентэ.

Выпивъ, они совсѣмъ развеселились.

— Глупъ ты, Билль, какъ горный баранъ! — говорилъ Марчелло.

— Это почему? — задалъ я вопросъ.

— А потому... Во-первыхъ, потому, что попалъ намъ, какъ карась на удочку! Идти бы, кажется, предвидѣть, что выйдешь поздно, а мы доберемся до твоей машины!

— Подождемъ...

— А во-вторыхъ, ты окончательно глупъ уже въ силу того, что всю жизнь сторонился отъ порядочныхъ людей!

— Отъ кого это? — возрился я.

— Да хотя бы отъ «Голубого Джека», который, помнится, предлагалъ тебѣ когда-то одну недурную комбинацію... Ну, и отъ насъ!

— А что я могъ бы дѣлать съ вами?

— Мало ли что! Вотъ и въ эту ночь, если бы ты только не былъ идиотомъ, тебѣ могъ бы представиться случай заработать шутя тысячку долларовъ! Буквально шутя!

— Это же какимъ образомъ?

— Слышалъ, что у Томса лежитъ цѣлый «стокъ» золота въ слиткахъ, ожидая прибытія конвоя для отправки въ Санъ-Франциско?

— Ну?

— На развѣтѣ этотъ «стокъ» будетъ цѣликомъ въ нашихъ рукахъ. А тамъ, братъ, золота тысячъ на полтора-два дол-

ларовъ! На долю каждаго изъ насъ достанется по десять тысячъ. И на твою долю, если ты не будешь глупцомъ, кое-что останется!

— Научите, что долженъ я дѣлать?

— Да то же, что постоянно дѣлаешь! Заниматься своимъ промысломъ. Намъ, братъ, на то, собственно, и понадобятся твои лошади и твои фургоны, чтобы увезти слитки въ безопасное мѣсто! Положимъ, мы справились бы и безъ тебя, но... Но опять-таки ты, говорятъ, можешь провести свои фургоны тамъ, гдѣ самъ чортъ погу сломитъ! Намъ время дорого. Время — деньги! Если ты доставишь золото туда, куда требуется, въ подходящій для насъ срокъ, ты въ накладе не останешься!

— Да, не останусь! — засмѣялся я. — Я-то золото доставлю, а вы меня пришибете безъ дальнихъ разговоровъ, чтобы, во-первыхъ, не платить мнѣ, а во-вторыхъ, отдѣлаться отъ лишняго свидѣтеля!

Они весело разсмѣялись, но по взглядамъ, которыми они обмѣнялись, я зналъ, что попалъ въ самую точку. Моя участь была заранѣе рѣшена. Да что моя?! Рѣчь шла о жизни моего мальчика, моего Чарли!

Выпивъ еще агвардіентэ, бандиты пришли въ совсѣмъ хорошее расположеніе духа и наперерывъ принялись увѣрять меня въ своей дружбѣ. Въ свою очередь, я, подыгрывая имъ, пустился въ болтовню.

Признаться, я сталъ втирать имъ очки, рассказывая о томъ, какія «комбинаціи», то-есть какія именно разбойничьи операціи, я могъ бы порекомендовать имъ.

— Если бы ограбить Билля Дженкинса? — задумчиво вымолвилъ я.

— А что? Развѣ у него есть что-нибудь? — видимо, заинтересовались бандиты.

— Да вы-то слѣпы, что ли? — изумился я. — У Билли Дженкинса? Да тутъ же всѣ знаютъ, что старый верблюдъ держитъ дома все, что ему досталось отъ его брата, Альвы.

— Отъ золотонискателя?

— А то отъ кого же? Альва-то былъ похитрѣ насъ съ вами! Онъ только

скрывалъ свою фортуну. А вѣдь онъ по ночамъ перетаскалъ на ферму Джекинса до двадцати пяти пудовъ золота въ сплиткахъ! Мнѣ призналась Джени Джекинсъ.

— Врешь?!

— Вру, такъ вру! А еще если бы пошупать проклятого ростовщика-нѣмца Гамбургера. А еще и у шведа Мартинсона кое-что найдется, если только приняться умѣючи!

У моихъ пріятелей глаза разгорѣлись. Я видѣлъ, какими взглядами они обмѣнивались, словно говоря другъ другу:

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ этого «Ртутнаго Билля» слѣдовало бы всерьезъ залучить въ нашу компанію!

Часа черезъ полтора, когда уже всходила луна, я заявилъ, что лошади достаточно отдохнули.

Бандиты сначала запротестовали: они осушили почти до дна обѣ бутылки агвардизнта, а это такое зелье, которое и быка свалить съ ногъ можетъ.

— Мы устали! — твердили они.

— Такъ что же? — возражалъ я. — Какъ-нибудь дойдете! Тутъ недалеко — да все въ гору! Ну, его къ чорту! — Какъ хотите! А если мы тутъ засидимся, я къ утру не поспѣю!

Потолковавши немного, они, наконецъ, порѣшили, что мы можемъ продолжать путь. Но наотрѣзъ отказались идти пѣшкомъ.

— Второй фургоны почти пустъ! Мы расположимся тамъ! — заявилъ Марчелло.

— Воля ваша! — отвѣтилъ я, скрывая свою радость: это было именно то, чего я добивался, обработавъ уже въ деталяхъ свой планъ расправы съ негодяями.

Усаживаясь въ фургонъ, бандиты предупреджали меня, что они будутъ слѣдить за каждымъ моимъ движеніемъ.

— Пусть твой мальчишка идетъ рядомъ съ нами! Чуть что, малѣйшій намекъ на измѣну, мы разстрѣляемъ его, какъ куропатку!

— Чарли! — крикнулъ я мальчику. — Слышалъ, что говорятъ джентльмены?

— Слышалъ, да!

— Ну, такъ иди рядомъ съ ихъ фургономъ, а я пойду впереди!

Раньше, чѣмъ отправиться въ путь, я осмотрѣлъ упряжь моихъ лошадей и оба фургона. Потомъ, ругаясь, я принялся возиться надъ механизмомъ сцѣпления обоихъ фургоновъ.

— Чарли! Проклятая скотина! — кричалъ я на ни въ чемъ неповиннаго мальчугана. — Гдѣ твои глаза были, животное? Хочешь, чтобы я тебѣ ребра переломалъ? Давай сюда гаечный ключъ!

Мальчикъ досталъ гаечный ключъ. Я принялся постучивать по гайкамъ сцѣпления, незаметно развинчивая ихъ до такой степени, что онѣ должны были въ самомъ непродолжительномъ времени свалиться при первомъ сильномъ толчкѣ.

Потомъ я погналъ лошадей, но тихо, чтобы гайки не свалились прежде времени.

Теперь шла самая крутая часть подъема на гору, при чемъ дорога дѣлала очень крутой поворотъ.

Дѣлая видъ, что я оберегаю обозъ отъ какого-нибудь несчастія, я покривлялся на лошадей, поглаживалъ ихъ спины кнутомъ, не причиняя животнымъ боли.

Потомъ вдругъ закричалъ:

— Чарли! Держи, держи переднюю пару, а то мы застрянемъ!

Чарли, понявъ, чего я хочу отъ него, опрометью ринулся впередъ.

Въ то же мгновеніе я началъ изъ всѣхъ силъ колотить лошадей. Онѣ разомъ рванулись, да такъ дернули, что гайки свалились, цѣпи лопнули, какъ стекло, со звономъ, и задній фургонъ, тотъ самый, въ которомъ валялись въ грудѣ соломы оба бандита, оборвался и съ неудержимою силою покатился, неистово подпрыгивая, качаясь, какъ корабль во время бури, назадъ, внизъ, внизъ...

Они что-то кричали, эти обреченные насмерть. Должно-быть, они пытались выскочить изъ фургона, мчавшагося къ пропасти.

Но было поздно: нѣсколько секундъ всего спустя, фургонъ, подпрыгнувъ, перелетѣлъ черезъ край дороги и со звономъ рухнулъ въ оврагъ. И все стихло. Ни стопа ни звука...

Оставивъ фургонъ съ тѣлами бандитовъ въ оврагѣ, я повернулъ обратно.

Черезъ два часа, задолго до полуночи, я былъ уже въ ближайшемъ городкѣ. Моментально была собрана городская милиція.

Въ полдень слѣдующаго дня мистеръ Тибурціо Васкэсъ съ парочкою своихъ товарищей, захваченные во время глубокаго сна въ притонѣ, тайну котораго я узналъ отъ Марчелло и его спутника, были доставлены въ цѣпяхъ въ тюрьму, и самое зданіе тюрьмы охранялъ прибывшій по нашему вызову отрядъ регулярныхъ войскъ.

А вечеромъ того же дня я при помощи добровольцевъ горожанъ извлекъ изъ оврага мой фургонъ.

Правда, фургонъ-таки здорово пострадалъ и почти нигуда уже не годился. Но онъ могъ все же помочь мнѣ доставить до мѣста назначенія всѣ уцѣлѣвшія почти полностью жестянки съ драгоценною ртутью, а больше мнѣ ничего и не требовалось.

Вѣсть о пережитомъ мною и Чарли разнеслась по окрестностямъ. Мнѣ выдали порядочную сумму, назначенную въ награду тому, кто поможетъ изловить Тибурціо Васкэса и его кузена. Да дирекція ртутнаго завода назначила мнѣ весьма удовлетворительную «премию». Столовъ жаловаться мнѣ на убытки не приходилось...

А, главное, было то удовлетвореніе, что я спасъ отъ неминуемой гибели моего сынишку и избавилъ край отъ полудюжины вредѣйшихъ людей,—все это было куда дороже всяческихъ «премій»...

По совѣсти сказать, населеніе ожидало, что съ Тибурціо будетъ коротокъ судъ и проста расправа.

То-есть что его казнить.

На самомъ дѣлѣ, повернулось какъ-то такъ, что повѣсили одного изъ его подручныхъ, какъ человѣка, уличеннаго въ томъ, что онъ стрѣлялъ и ранилъ при арестѣ шерифа и двухъ гражданъ.

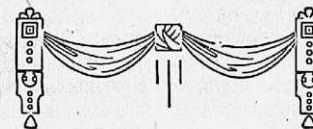
Самъ Тибурціо отдѣлался сравнительно легко: его присудили къ пятнадцатилѣтнему тюремному заключенію.

Онъ сидитъ въ тюрьмѣ и сейчасъ. Должно-быть, выйдетъ раньше срока. Но вернуться къ старому ремеслу ему уже едва ли вздумается!

Дѣло въ томъ, что времена мѣняются, условія жизни измѣняются съ поразительною быстротою. На нашу мѣстность обратили вниманіе капиталисты, сюда уже проводятъ желѣзную дорогу. Скоро заводъ для обработки ртутной руды не будетъ нуждаться въ моихъ услугахъ, ибо тутъ будетъ прямо съ завода сдаваться въ вагоны, ходящіе по подѣздной вѣткѣ.

Но я не въ обидѣ: я при помощи со стороны дирекціи завода купилъ нѣсколько участковъ плодородной земли, и годика черезъ два совѣмъ ликвидирую мой извозный промыселъ, чтобы цѣликомъ отдаться дѣлу сельского хозяйства. Кстати, вся наша мѣстность быстро заселяется приплывъ работающимъ земледѣльческимъ элементомъ, жизнь принимаетъ новыя формы и именно такія, при которыхъ банди, тамъ стараго типа дѣлать тутъ будетъ рѣшительно нечего.

Ну, да, во всякомъ случаѣ, когда Тибурціо выйдетъ изъ тюрьмы, у меня на фермѣ будетъ уже столько народа, что онъ и не вздумаетъ толкнуться къ намъ...

ОГОНЬ.

Изъ „Пѣсенъ о трудѣ“
В. Украинцева.

А, я знаю ихъ. Всѣхъ, до послѣд-
няго.

Вонъ, тотъ, высокій, худой,
темнолицый, молчаливый парень съ пе-
стрымъ платкомъ на горлѣ.

Когда другіе болтаютъ, онъ изрѣдка
откликается однимъ словомъ.

Когда другіе смѣются, онъ тихо улы-
бается, и тогда лицо его становится
прекраснымъ, а глаза загораются стран-
нымъ огнемъ.

Когда другіе веселятся, онъ заби-
вается въ уголъ, и оттуда, изъ угла, гля-
дитъ на веселящихся, какъ будто не
смѣя принять участія въ ихъ радости.

Какъ его зовутъ?

Не все ли равно вамъ, какъ зовутъ
этого человѣка?

Вѣдь онъ не знатенъ, не богатъ, ни-
чѣмъ не знаменитъ.

Когда онъ умретъ, если только умретъ
на землѣ, то надъ его могилою будетъ
стоять покосившійся деревянный крестъ
безъ всякой надписи.

Если умретъ онъ такъ, какъ ему и
должно умереть, въ морѣ, его трупъ
запылютъ въ холстину, къ ногамъ при-
вяжутъ пару камней изъ трюма, выне-
сутъ на палубу, положить на доску.

Капитанъ прошепчетъ два-три слова,
глядя на страницы развернутаго молит-
венника.

— Бросай, ребята! — скамандуетъ
онъ, махнувъ рукою и закрывая молит-
венникъ.

И трупъ скользнетъ въ холодныя
волны, въ настоящую могилу моряка.
А то, можетъ-быть, и попросту смоетъ
волна съ палубы бѣдствующаго судна
нѣсколькихъ человѣкъ, сшибетъ съ ногъ
и переброситъ черезъ бортъ сорвав-
шаяся, упавшая снасть, скинетъ съ реи
порывъ вѣтра.

— Человѣкъ за бортомъ! — прозвучитъ крикъ.

— Человѣкъ, человѣкъ за бортомъ!

Спустятъ лодку, спасательный боть.

Будутъ бросать плавательные пояса.

Будутъ искать «человѣка» за бортомъ.

И, не найди, уйдутъ.

Тотъ, о комъ я хочу рассказать, не

знатенъ, не богатъ, не вліятеленъ, не

знаменитъ.

Онъ простой матросъ, и больше ни-
чего.

Ну, назовите его Питеромъ.

— Фамилія?

— Когда я зналъ его, онъ иногда

проговаривался, что его зовутъ Пите-
ромъ Вэльшемъ.

Но, можетъ-быть, онъ шутилъ. Или...

или я путаю.

Это, впрочемъ, не такъ вѣдь важно!

Да, я знаю его. И знаю тѣхъ другихъ

матросовъ, которые сидятъ съ нимъ.

Вонъ, коренастый, блѣднолицый, ры-
жеволосый, голубоглазый. Это ирлан-
децъ. И зовутъ его Падди.

Потому что на морѣ всѣхъ ирланд-
цевъ зовутъ такъ.

Можетъ-быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ

носитъ это имя, но, можетъ-быть, его

зовутъ Томомъ, Теодоромъ, Виллемъ,

Питомъ, Джекомъ или Джономъ. От-
кликается же онъ только на имя «Падди»,

которое словно прилипло къ нему.

Хотите, назовите дюжину разнообраз-
нѣйшихъ именъ, и онъ не пошевели-
нется.

Но стоитъ вамъ погромче кликнуть:

— Гэй, Падди!

И онъ встрепенется и отвѣтитъ:

— Есть!

А за Падди Драчуномъ сидитъ Урк-
мэнъ, коцегарь, человѣкъ, кожа кото-
раго такъ пропиталась проклятою уголь-
ною пылью, что его, Уркмэна, въ семи

водахъ мой, не отмоешь, толченымъ

кирпичомъ съ суконою три, не ототрешь.

Можетъ-быть, если бы попробовать

кислотою какою-нибудь, да покрѣпче,

въ родѣ той, напимѣръ, что вънотор-

говцы подливаютъ въ уиски или ромъ,
Уркмэна можно «выбѣлить»...

И еще сидятъ съ Вэльшемъ люди. Я
вижу ихъ загорѣлыя лица съ грубыми,
топорными чертами. Я слышу ихъ го-
лоса. Конечно, грубые, хриплые го-
лоса.

И боюсь, если какой-нибудь настоя-
щій джентльменъ съ бѣлыми руками и
розовыми щечками, съ сладкимъ голо-
сомъ и сладкими манерами услышитъ,
какія словечки выпаливаютъ люди, си-
дящіе за однимъ столомъ съ Питомъ
Вэльшемъ, если онъ увидитъ, какъ они
махиваютъ кулаками, плюютъ, услышитъ,
какъ они стучатъ по столу опустѣвшими
руками, — боюсь, у моего настоящаго
джентльмена на бѣло-розовомъ личикѣ
появится выраженіе безгливости. А мо-
жетъ-быть, и негодованія: вѣдь онъ все-
гда выражается такъ корректно, а эти

люди почему-то пересыпаютъ свою рѣчь

божбою, ругательствами, проклятиями.

Да, у нихъ ужасныя, прямо невыно-
симыя манеры!

Но я прошу снисхожденія къ нимъ:

вѣдь только моряки, только матросы.

И они на берегу.

Они зашишуютъ, въ кабачокъ, чтобы

утишить чего-нибудь, и воображаютъ,

что могутъ ирлантить, стучать кула-
ками, божиться и ругаться...

Да, я прошу снисходительно отне-
сись къ нимъ.

Но не совѣтую джентльмену въ туго

накрахмаленномъ бѣломъ воротничкѣ,

джентльмену съ изящнымъ пробормомъ,

нафабранными усами и бѣло-розовымъ

кукольнымъ личикомъ особенно лѣзть

на глаза къ матросамъ, или, упаси

Боже, выражать черезчуръ громко свое

негодованье на ихъ, матросовъ, явное

неумѣнье держать себя.

Видите ли...

Признаться по совѣсти, я боюсь, что

матросы ничуть не испугаются ни бѣлаго

воротничка, ни желтыхъ перчатокъ, ни

нафабранныхъ усомъ, ни самаго джентль-
менскаго негодованія.

И, услышавъ слова джентльмена, по-
жалуй, станутъ хохотать во все горло,

и тыкать пальцами, показывая другъ

другу на негодующаго обладателя во-
ротничка, усомъ и желтыхъ перчатокъ.

А возможно и то, что кто-нибудь
крикнетъ хриплымъ, простуженнымъ
голосомъ:

— Ребята! Посмотрите на этого па-
влина, который распустилъ хвостъ!

— Какой онъ павлинъ?! Просто на-
дутый индюкъ!

— Павланъ, красно...ногий бабунинъ!

— Чучело гороховое!

— Кукла изъ модной лавки!

— Вербный херувимъ!

— Ягнечекъ съ голубою ленточкою
на шейкѣ...

Грубый, отчаянно неблаговоспитан-
ный народъ, эти матросы!

И, джентльмены, право же, лучше не

связываться съ ними вамъ, джентль-
менамъ, съ чистыми лапками!

* * *

Хотите, я расскажу кое-что о нихъ,
объ этихъ матросахъ, вотъ объ этихъ
самыхъ?

О Питѣ Вэльшѣ, о Падди, прозван-
номъ «Драчуномъ», объ Уркмэнѣ, о
всѣхъ, сидящихъ за тѣмъ столомъ, объ
ихъ суднѣ, носившемъ имя «Клэрронъ»,
о томъ, какъ это судно, большой товаро-
пассажирскій пароходъ, боролось со
стихіями?

О томъ, какъ оно, судно, погибло, и
какъ погибали, и какъ спасались люди,
и какъ все это вышло?

Слушайте!

Съ тремя стихіями осужденъ имѣть
дѣло морякъ: съ водою, которая носитъ
его судно и которая вѣчно стремится
поглотить это судно. Съ воздухомъ, съ
вѣтромъ, который гоняется по океан-
скому простору за судномъ, чтобы уло-
вить корабль, разнести на щепки. Съ
землею, которая притягиваетъ къ себѣ
судно, чтобы оно налетѣло на подвод-
ныя скалы, грянулось грудью о грудъ
прибрежныхъ камней, разбилося, по-
тонуло.

И иногда къ этимъ тремъ стихіямъ—
друзьямъ и врагамъ корабля и моряка—
присоединяется еще четвертая, можетъ-
быть, еще болѣе страшная, жестокая,
неумолимая.

Это огонь.

«Клэрйонъ», однако, десятки лѣтъ велъ борьбу съ океаномъ, боролся съ бурями, избѣгалъ подводныхъ камней.

И однажды пришелъ день, когда ему и его командѣ пришлось вступить въ послѣдній, смертный бой со всѣми четырьмя стихіями сразу—съ водою, съ вѣтромъ, съ землею и съ огнемъ.

Въ тотъ день пароходъ плылъ по водамъ озера Эри.

Озеро?

Вал!

На этомъ озерѣ бываютъ туманы, густотѣ которыхъ позавидуетъ сѣдой старикъ-океанъ. По этому озеру иногда катятся волны, швыряющія большое судно, какъ щепку. На этомъ озерѣ есть отмели, и есть подводные камни.

Въ тотъ день былъ штормъ,—такой штормъ, какихъ мало помнить исторія. И когда онъ пролетѣлъ и когда успокоились волны могучаго озера-моря, къ берегу плыли остатки разбитыхъ плотовъ, остовы полузатонувшихъ деревянныхъ барокъ, обломки поглощенныхъ пучиною пароходовъ.

И, конечно, плыли трупы.

Сколько труповъ отдало озеро-море землѣ?

Пойдите, пересчитайте выросшіе на кладбищахъ прибрежныхъ поселеній кресты надъ безвѣстными могилами моряковъ!

Сколько человѣкъ потонуло, сколько людей нашло себѣ могилу въ волнахъ озера-моря?

Пойдите, спросите самое озеро Эри!

Былъ густой туманъ, и капитанъ Вэлль, командиръ «Клэрйона», плохо ориентировался въ этотъ часъ, потому что не видѣлъ ничего въ волнахъ тумана.

И ревѣла буря, и мчались по озеру-мору грозные валы, гоня судно Богъ вѣсть куда.

Часто чудилось капитану, что мимо проносятся словно призраки другія суда. И часто казалось ему, что видать онъ, Вэлль, въ волнахъ тумана очертанія береговъ.

А буря ревѣла, и грохотали валы, и выль вѣтеръ.

И вотъ почти одновременно услышалъ капитанъ роковыя слова:

— Винтъ потерянь!

— Несетъ къ отмели!

— Огонь!

«Клэрйонъ» былъ осужденъ на погибель.

Должно-быть, не въ добрый часъ вышелъ онъ въ этотъ свой рейсъ. Или просто такъ было суждено, чтобы нашло судно себѣ могилу въ холодныхъ волнахъ озера-моря, а не отправилось безславно кончать свои дни въ складѣ стараго желѣза и металлическаго хлама.

Но на суднѣ были люди. Была команда, и были, правда, немногіе пассажиры. И среди пассажировъ были женщины и дѣти...

Пожаръ разгорѣлся съ поразительною быстротою, хотя были пущены въ ходъ всѣ помпы и вся команда, до послѣдняго человѣка, работала самоотверженно, заливая огонь.

Но ураганъ, словно играя огнемъ, раздувалъ пламя, и скоро «Клэрйонъ» почти весь обратился въ огромный костеръ.

Онъ не могъ стронуться съ мѣста: его носъ крѣпко засѣлъ въ песчаной отмели, а винта уже не было.

Да и въ борту имѣлась пробоина, въ которую вливалась потокомъ вода, подбрасывая къ машинному отдѣленію.

А волны, налетая изъ глубины озера-моря, кружась около погибающаго, пожиримаго пожаромъ судна, словно забавлялись, встряхивая его, колотя его о дно, отрывая отъ его полуразрушенныхъ бортовъ кусокъ за кускомъ.

— Спускай спасательные боты! Дѣти и женщины впередъ! — скомандовалъ капитанъ Вэлль.

И когда моряки принялись за работу, готовясь спускать ботъ, капитанъ Вэлль, стоявшій на палубѣ, былъ сбитъ съ ногъ обломкомъ оборвавшейся реи, упалъ, покатился.

Словно поджидая его, всплыла волна съ сѣдымъ гребнемъ и подхватила изуродованное тѣло капитана и унесла его съ собою.

— Я команду судномъ! — прозвучало голосъ штурмана Джимми Бутса. Спокойно, спокойно, ребята! Спускай боты! Дѣти и женщины впередъ! Потомъ мы и о себѣ подумаемъ!

— Дѣти и женщины впередъ! Шесть человѣкъ команды!

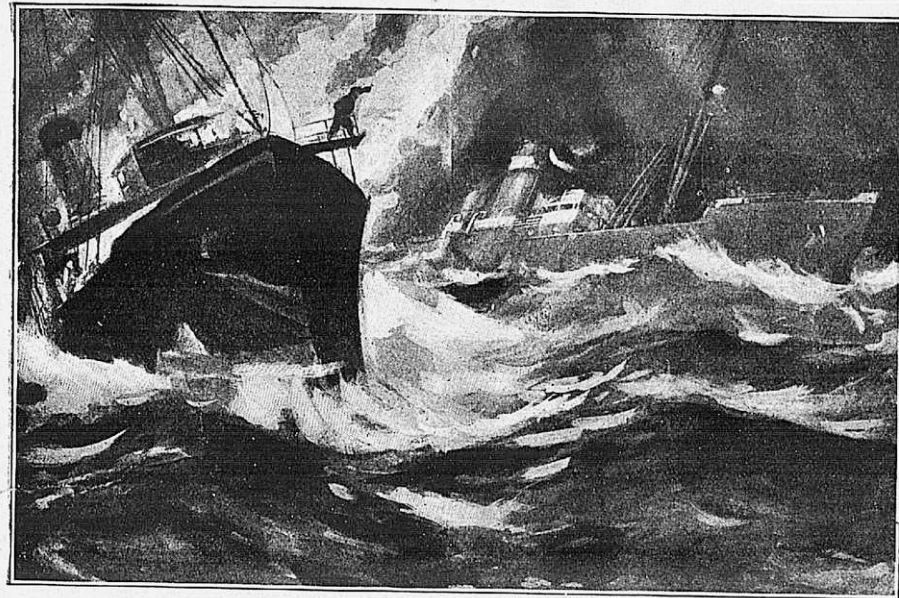
Первый ботъ спустился на воду благополучно. Судьба хранила тѣхъ, чья жизнь была довѣрена этой хрупкой скорлупкѣ: пять женщинъ, шесть дѣтишекъ, всего одиннадцать человѣкъ. И съ ними матросы. Ихъ было тоже шестеро, какъ и дѣтей.

— Пассажиры впередъ!

И второй ботъ съ пятнадцатью пассажирами, мужчинами и матросами, отошелъ отъ борта обратившагося въ гигантскій костеръ «Клэрйона».

Изъ нихъ до берега добралось только троѣ...

— Третій и четвертый ботъ! — скомандовалъ Бустъ.

„Жанетта“ снова вернулась къ мѣсту катастрофы.

Буря оторвала ботъ отъ борта погибающаго парохода, разбивающагося, тонущаго, горящаго «Клэрйона», умчала ихъ и донесла до берега, сквозь туманъ и мракъ, сквозь буруны кипящаго прибоя. Пронесла чрезъ всѣ опасности и вышвырнула на берегъ.

Тамъ лодка была разбита въ щепу, но люди всѣ спаслись.

А на пароходѣ шла борьба съ водою и огнемъ одновременно.

— Второй ботъ! Пассажиры впередъ! — скомандовалъ штурманъ Бустъ.

— Потопляйтесь, потопляйтесь, ребята! Жарко становится!

— Есть, командиръ!

— Первымъ команду я, вторымъ — ты, Вэлль!

— Слушаю, командиръ!

Третій ботъ уже отошелъ отъ борта парохода, какъ вдругъ наплыла волна, подняла его, ударила имъ о бортъ «Клэрйона» и разбила въ куски, и уплыла, унося съ собою обломки дерева и изуродованные трупы людей.

Изъ тѣхъ, кто былъ на третьемъ ботѣ, не спаслось ни одного человѣка. Ни одинъ изъ матросовъ-гребцовъ бота не вернулся домой рассказать о томъ, какъ погибалъ «Клэрйонъ»!

Четвертый и самый маленькій ботъ, въ которомъ могло помѣститься только

десять человек, постигла та же участь, но еще раньше, чем люди заняли в нем места: его разбило шальной волной, его остатки сорвало с талей и унесло в море, а люди, их было десять матросов, и с ними Пит Вэльш, рулевой, — люди стояли на палубе и глядели, обезумев от ужаса, вокруг.

Виль втерь, стоили волны, а под ногами людей клокотало море огня, охватившего всю внутренность несчастного судна.

— Спокойнѣе, спокойнѣе, ребята! — кричал, забравшись на капитанский мостик, Пит Вэльш. — Я команду судном! Не теряй головы, а то и сапоги потеряешь! Еще можно выкрутиться!

Но «выкрутиться» было трудно.

Когда в старые годы терпѣло крушение какое-нибудь судно, один палубных досок было достаточно, чтобы соорудить порядочной величины плот, потому что в те старые годы весь остов судна строился из дерева. Теперь такія суда, как «Клэрион», выковылают из куска стали...

— Может-быть, — утѣшала своих матросов Пит Вэльш, — может-быть, къ намъ подойдутъ на помощь! Вѣдь наша сирена все время реветъ, заглушая ревъ бури. Ну, да и огня у насъ на борту больше даже, чемъ по регламенту полагается! Положим, что стоит туманъ. Но все же... Не теряй головы, ребята, а то и сапоги потеряешь, горюю я!

Из тумана отзывался глухо прерывистый гулъ паровой трубы. Какое-то судно, очевидно, слышало сигналы, подаваемые «Клэриономъ», и шло на помощь погибающему собрату.

— Вотъ, видите, ребята! — успокаивал толпившихся на носу, у единственного места, где еще можно было дышать, где еще не были раскалены доски палубы, принявший на себя команду рулевой. — Идутъ друзья! Сейчас все будетъ ладно!

— Сюда, сюда! Погибаемъ! — кричал онъ въ рупор приближавшемуся судну.

— Почему сидите? — донесся оклик оттуда.

— Потеряли винтъ, вѣзались въ отмель! Горимъ!

— «Клэрионъ»?

— Точно такъ!

— Капитанъ Вэльш?

— Потонулъ!

— Штурманъ Бутсъ?

— Потонулъ!

— Кто командуетъ судномъ?

— Рулевой Вэльш!

— Сколько людей?

— Десять!

— Пассажиры?

— Ушли на двухъ!

— Держите канатъ!

И «колодушка» с тонким канатом гудло шлепнулась, канат встал на палубе «Жаннетты» на палубе «Клэриона».

Один за другим, матросы, выходя по хлеставшему воду канату, полезли на палубу «Жаннетты». Они просто перепрыгивали с борта «Клэриона» на «Жаннетту», которая была близко.

— Не торопись, не торопись! — командовал рулевой «Жаннетты» — «Жаннетта» и семейные вперед. «Жаннетта» и семейные вперед.

И онъ стоялъ на носу «Жаннетты» и подавал сигналы замигавшим фонаремъ.

И вотъ пришла его очередь говорить.

Но когда Вэльш, бросившись вперед, чтобы повиснуть над бушующим огнем, случилось то, что никто не ожидал: туго натянувшийся канат потонулъ, зазвенѣвъ, канат вонюч и «Жаннетту» отнесло въ сторону, а что же мгновенно вырвавшись из огня, «Вэльш» фонарь уронил, фонарь покатился, сорвался съ борта и утонулъ въ морѣ.

«Жаннетта» ушла, не подозревая, что на суднѣ остался еще одинъ человекъ, самъ рулевой Вэльш, тотъ, который позаботился о спасеніи всѣхъ и не успѣлъ спастись самъ...

Да, онъ зналъ, что теперь все кончено. Старый морякъ зналъ, что сочтены минуты его жизни.

Вонъ огонь добрался уже туда, где еще пять минутъ назадъ довольно свободно держались на палубѣ люди. Изъ-под палубы вырываются огненные языки,

клубы дыма и пара. Свалилась послѣдняя мачта. Только черная труба, вся окутанная клубами дыма, держится еще какимъ-то чудомъ.

И у бугшприта стоитъ высокій человекъ съ темнымъ лицомъ, скрестивъ руки на груди, и смотритъ. Онъ смотритъ на бушующія волны озера-моря, на туманную даль, въ которую ушелъ только что подходившій на помощь къ «Клэриону» пароходъ.

Вэльш стоитъ и смотритъ на бушующую на «Клэрионѣ» огненную стихию и беззвучно шепчетъ:

— Хоть бы женѣ и дѣтишкамъ кто послѣдній привѣтъ мой передалъ! Господи, Господи!

Онъ стоитъ и ждетъ.

А огонь все ближе и ближе. Все труднѣе и труднѣе дышать. Все больше глядѣть, потому что дымъ выдаетъ очи...

— Господи, Господи! — беззвучно шепчетъ морякъ, и крупные свѣтлыя слезы катятся по его темному лицу. Его одежда уже дымитъ. Все тѣло болить, потому что въ борьбѣ съ огнемъ и водою это тѣло избито, обожжено, измучено...

— Гэй, пароходъ! — доносится изъ волнъ тумана чей-то голосъ.

— Огэй, огэй! — отвѣчаетъ, встрепенувшись, Вэльш.

— Держи канатъ!

— Есть!

Это «Жаннетта» снова вернулась къ мѣсту катастрофы, потому что ея капитанъ не хотѣлъ повѣрить въ гибель послѣдняго человека на горящемъ суднѣ.

— Почему вы не подавали фонаремъ сигналовъ?

— Фонарь потонулъ!

— Можете держаться?

— Попробую!

И Вэльш, платье которого готово вспыхнуть, виситъ надъ кипящей бездной, держась за канатъ. Мигъ, его тѣло погружается въ холодную воду. Волна проплываетъ надъ его головою. Но когда волна уходитъ, измученный человекъ все еще виситъ на канатѣ, приближаясь къ борту «Жаннетты».

И вотъ онъ у борта, онъ совсѣмъ, совсѣмъ у борта судна. Десятки дружескихъ рукъ тянутся къ нему навстрѣчу, схватываютъ его, вырываютъ его изъ воды, втаскиваютъ на мокрую палубу «Жаннетты».

— Руби канатъ! — командуетъ капитанъ «Жаннетты». — Намъ тутъ дѣлать больше нечего! Задній ходъ! Право руля! Полный ходъ!

Всю ночь горѣлъ злополучный «Клэрионъ».

Мимо него проносились призраками другія суда, гонимыя бурей. И онъ свѣтилъ имъ, какъ маякъ. И они обходили опасное мѣсто, отмель, могилу горѣвшего и одновременно медленно тонувшаго судна...

* * *

Это было пять лѣтъ назадъ.

Пережившіе катастрофу «Клэриона» разбѣглись по свѣту.

Пятеро или шестеро матросовъ почему-то, однако, занимаютъ только на то судно, куда принимаютъ на службу рулевого Питера Вэльша.

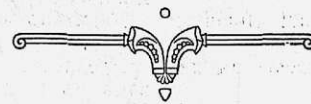
Гдѣ онъ, тамъ и они.

Это тѣ, которые послѣдними спаслись съ погибшаго «Клэриона».

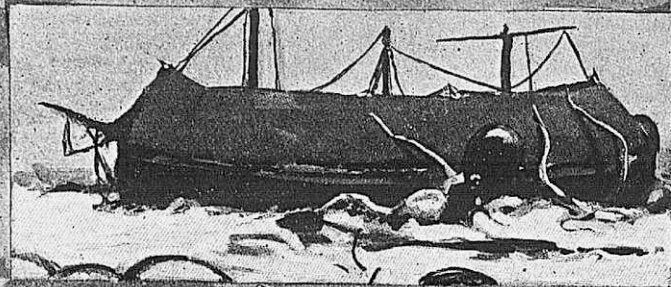
Это тѣ, которымъ въ минуты борьбы за жизнь кричалъ рулевой Вэльш:

— Потихе, потихе, ребята! Не теряй головы, а то и сапоги потеряешь...

Какжется, эти люди связаны какими-то невидимыми нитями. И держатся они, словно родные братья.

ВѢСТИ НЕВѢДОМО ОТКУДА.

РАЗСКАЗЪ М. ХРАЖСОНА.

Матросы, толпившіеся у бугшприта паруснаго трехмачтоваго брига «Санъ-Дженнаро», болтая объ увидѣнномъ имъ вдалекѣ отъ штилевашаго брига прометѣ, были правы: капитанъ Тревисонъ зорко наблюдавшій за всѣмъ окружающимъ, еще раньше ихъ обратилъ свое вниманіе на то обстоятельство, что въ лазурныхъ волнахъ Атлантики болталось что-то темное. И онъ опредѣлилъ безошибочно.

Большая бутылка толстаго темнаго стекла, должно-быть, изъ-подъ шампанскаго. Головка засмолена. Должно-быть, бутылка содержитъ какіе-нибудь документы, довѣренныя ей экипажемъ погибшаго судна или выкинутыми на необитаемые берега людьми, потерпѣвшими крушеніе.

Ботъ на воду! — прозвучалъ голосъ капитана Тревисона. — Есть! — отозвались матросы, быстро и ловко спуская на воду большой ботъ. Капитанъ еще разъ оглядѣлся во кругъ.

Предполагаемая бутылка плясала въ водѣ въ полсотнѣ сажень отъ «Санъ-Дженнаро». Небо было абсолютно чисто.

Море спокойно, почти зеркально-гладко. Вѣтеръ стихъ еще на разсвѣтѣ и по всѣмъ признакамъ обѣщала явиться къ заштилелавшему бригу не ранѣе, чѣмъ на закатѣ солнца, а можетъ-быть, и къ полуночи. Паруса безпомощно понисли, и только рѣдко-рѣдко шевелились, какъ будто собираясь налиться вѣтромъ и погнать судно въ невѣдомыя дали, но сейчасъ же забывали о своемъ намѣреніи и безсильно поникали.

Командѣ брига нечего было дѣлать. Большинство матросовъ или спало, гдѣ кто нашель для этого подходящее мѣстечко въ тѣни, или слонялось по палубѣ, ничего не дѣлая и убивая время болтовнею и препирательствами.

Значить, самъ капитанъ могъ со спокойнымъ сердцемъ отойти на ботъ отъ своего судна, чтобы поглядѣть, какія вѣсти посылаетъ ему старикъ-океанъ.

Минуту спустя, ботъ, гонимый ровными и могучими ударами весель, рѣзалъ острою грудью кристально-прозрачную поверхность, мчась по направленію къ державшейся все время поблизости корабля бутылкѣ.

Капитанъ Тревисонъ сидѣлъ на носу и давалъ указанія рулевому, куда править.

— Право, право руля! Держать такъ! Еще право руля. Стопорить!

Шесть весель сразу уперлись въ воду, задерживая движеніе разбѣжавшагося бота.

— Суши весла! — командовалъ капитанъ. И весла поднялись, словно тонкія ноги наука, надъ ботомъ, продолжавшимъ медленно, чуть замѣтно, идти по направленію къ мелькавшей въ водѣ бутылкѣ.

Капитанъ нагнулся, схватилъ ловкимъ движеніемъ бутылку за горлышко, вытянулъ ее изъ воды. За бутылкою потянулась полупрозрачная зеленоватая нить какой-то морской водоросли съ мелкими остренькими не то листьями, не то иглами.

Взглянувъ внимательно на эту водоросль, капитанъ однимъ ударомъ ножа отсѣкъ ее отъ бутылки, но оставилъ нѣкоторую часть на бутылкѣ.

— Назадъ! — коротко скомандовалъ онъ, ставя бутылку на дно бота и придерживая ее ногами.

Ботъ описалъ полукругъ, все ускоряя движеніе, и потомъ понесся по направленію къ «Санъ-Дженнаро», на борту котораго толпились люди съ любопытствомъ глядѣвшіе на маневры бота.

— Духовное завѣщаніе найдетъ капитанъ въ этой бутылкѣ, — говорилъ одинъ изъ матросовъ.

— Указанія, какъ найти кладъ, зарытый пиратами! — поддерживалъ другой.

— Просьбу прийти на помощь! — откликнулся третій.

— Держу пари, что въ бутылкѣ нѣтъ ни шиша!

— Мой перочинный ножикъ противъ твоего шейнаго платка, что въ бутылкѣ непременно что-нибудь есть!

— А если тамъ только одинъ воздухъ? Ты потомъ станешь настаивать, что и воздуха надо считать за «что-нибудь», и потребуешь мой шейный платокъ!

— Глупости! Я говорю о настоящемъ «что-нибудь», а не о воздухѣ!

— Не болтайте! Капитанъ уже поднимается на судно!

Въ самомъ дѣлѣ, капитанъ Тревисонъ съ привычною ловкостью карабкался по спущенной съ праваго борта «Санъ-Дженнаро» веревочной лѣстницѣ. Слѣдомъ за нимъ матросы подняли на таляхъ ботъ и прикрыли его, защищая отъ безпощадныхъ лучей южнаго солнца, брезентовъ.

Покуда шла эта работа, капитанъ, отдавъ кое-какія распоряженія командѣ и приказавъ, если только покажется тучка или подуетъ малѣйшій вѣтеръ, сейчасъ же вызвать его, ушелъ въ свою каюту, унося съ собою изловленную въ морѣ бутылку.

Минуту спустя, онъ крикнулъ изъ каюты:

— Послать ко мнѣ штурмана!

— Есть! — отозвался стоявшій поблизости отъ дверей каюты матросъ.

— Послать сюда, кока! — продолжалъ отдавать распоряженія капитанъ.

— Есть!

Когда и штурманъ и кокъ, то-есть судовой поварь, были на мѣстѣ, капитанъ, поглядывая на стоявшую на столѣ бутылку, вымолвилъ:

куда у чорта тутъ, въ открытомъ морѣ, возьмется бутылка?

— Какіе-нибудь потерпѣвшіе крушеніе...

— Въ самомъ дѣлѣ, кажется, ребята, это бутылка!

— Надо доложить капитану!

— Да онъ уже, кажется, самъ себя «дополжилъ»!

— Пожадуй, велитъ заняться выливаньемъ этой проклятой бутылки!

— А ты недоволенъ?

— Есть чему радоваться?! Лишняя работа, и больше ничего!

— А я смотрю иначе: какое ни на есть, а все же развлеченіе!

— Хорошее развлеченіе тоже нашель!

— Думаю, что по части выпивки тут ничего не найдешь! Как ты на этот счет думаешь, штурман?

— Гм! Ничего я не думаю! — проворчал тот, косясь на темную бутылку. — Если бы было в бутылке что-нибудь, так...

— Так она не плавала бы, а пошла бы ко дну! Правильно! Так вот что! Пусть повар притащит из камбуза чего-нибудь промочить горло. Поди, пересохло оно у тебя?

— Как не пересохнуть? — ухмыльнулся штурман, завязавший любитель выпивки. — Известно, пересохло! Неуженое у меня горло-то!

— Ладно! Сейчас промочишь его. А ты, кок, приготовь-ка нам с штурманом и завтрак какой-нибудь. Возьми-ка ты овощей, что ли: Да поджарь картофель. Ну, если ты нам приготовишь блюдо макарон с помидорами, ни я ни штурман, мы на тебя в обиде не будем. Так, штурман?

— Известно! — ухмыльнулся штурман, любитель макарон. — Какал ужь обид! Вот, развѣ онъ, каналья, помидоровъ пожалѣетъ, или пережаритъ макароны, тут дѣло иное! Я его линьками попотчую!

И когда поваръ отправился въ свое царство, чтобы готовить заказанныя яства и добывать бутылочку «кьянти» для начальства, капитанъ Тревисонъ, задумчиво глядя на выловленную из моря бутылку, болталъ со штурманомъ.

— Хочу, — говорил онъ, — чтобы, зная, ты свидѣтелемъ былъ!

— Ладно!

— Потому что одна Мадонна знаетъ, какую штуку содержитъ эта самая бутылка!

— Известно!

— Ну, можетъ-быть, въ судовую книгу записывать кое-что придется!

— Очень просто!

— Или такое узнаемъ, что никуда записывать не слѣдуетъ!

— Конечно!

— А придется набрать воды въ ротъ, и молчать, даже по отношенію къ командѣ, — помолчимъ, штурман?

— Известно, помолчимъ!

Капитанъ дотронулся до бутылки осторожно кончиками пальцевъ, словно боясь ожечься, потомъ взявъ бутылку, потрясъ ее, поглядѣвъ на свѣтъ.

— А вѣдь что-то есть тутъ, штурман! — сказалъ онъ.

— Наверное, есть!

— А, можетъ-быть, и ничего нѣту? А? Какъ ты думаешь?

— М-можетъ, и нѣту! — поторопился согласиться штурманъ.

— Можетъ, и открывать бутылку не слѣдуетъ? А?

— Какъ воля ваша, капитанъ!

— Или откроемъ? А?

— Известно, можно открыть!

— Тѣфу, пропасть! Я у тебя совѣта спрашиваю, а ты мычишь, да поддакиваешь, словно баранъ, прости Господи, а не морякъ! Ты мнѣ скажи, что ты обо всемъ этимъ думаешь?

Штурманъ почесалъ жилистый затылокъ своею темною лапою и что-то пробормоталъ, но что именно, это осталось ни для кого невѣдомымъ. Тогда рассердившійся капитанъ Тревисонъ, потерявъ терпѣніе, щелкнулъ по горлышку бутылки черенкомъ своего карманнаго ножа, раздался характерный звукъ разбивающагося стекла, голова отлетѣла въ уголъ капитанской каюты, осколки стекла посыпались на столъ, и сдѣлалось видно, что въ бутылкѣ находился какой-то свертокъ пожелтѣвшей и мѣстами почернѣвшей бумаги.

— Видишь, штурманъ? — кивнулъ капитанъ въ сторону бутылки.

— Какъ не видѣть? Я что же говорилъ, командиръ? Я жъ говорилъ, что что-нибудь да должно быть... Вотъ оно по-моему и вышло!

— Давай, читать будемъ?

— Да я не мастеръ читать!

— Вмѣстѣ, говорю, будемъ разбирать! Тащи бумагу изъ бутылки!

— Нѣтъ ужъ, капитанъ! Тащите сами!

— Воинсья, что ли?

— Известно, боюсь! Бумага-то тонкая, а у меня вошь какіе пальцы! Не пальцы, а желѣзные крючки! Порвешь еще, пожалуй, бумагу!

Капитанъ недовольно поглядѣвъ на дѣйствительно напоминавшие желѣзные

крючки пальцы рукъ браваго штурмана, съ легкимъ вздохомъ бережно вытянулъ свертокъ изъ бутылки, положилъ на столъ, разгладилъ.

— А вода-то внутрь пробралась! — замѣтилъ попуткомъ штурманъ.

— Да, подмочила-таки! Даже мѣстами смысла содержаніе документа!

— Какого документа? — удивился штурманъ.

— Да бумаги этой самой! — нетерпѣливо отмахнулся капитанъ. — Чудакъ ты, братецъ! Всякая бумага можетъ быть названа документомъ! Но мы съ тобою попусту болтаемъ, а время теряемъ. Давай лучше читать будемъ!

— Оно, конечно, лучше просто читать! — опять поторопился согласиться штурманъ, опасливо поглядывая на загадочный документъ.

Они пробывъ въ каютѣ весь день, до поздняго вечера. Кокъ, или поваръ, пять или шесть разъ таскалъ въ каюту новыя бутылки «кьянти» и новыя блюда макаронъ и картофеля. И, выйдя на палубу, таинственно шепталъ матросамъ:

— Дѣло серьезное, ребята! Читаютъ они!

— Читаютъ? — удивлялись матросы.

— Да. И ужъ такъ-то трудно, такъ-то трудно... Потому, писано мелко, мелко. Слово бисеромъ насыпано...

— Мелко?

— Говорю же, словно бисеромъ... Капитанъ и то говорить: кабы очки были! А то не разберешь ничего!

Въ самомъ дѣлѣ, документъ, выловленный экипажемъ «Санъ-Дженнаро» 11 мая 1911 года въ водахъ Атлантическаго океана, могъ представить извѣстныя затрудненія для чтенія и не такимъ мало искуснымъ въ искусствѣ чтенія людямъ, какъ капитанъ Тревисонъ и штурманъ Арно Чіальдини, тѣмъ больше, что написанъ онъ на очень странномъ, ломаномъ англійскомъ языкѣ съ вставкою фразъ по-французски и по-нѣмецки.

Теперь этотъ документъ хранится въ архивахъ морского министерства въ Римѣ, по копіи съ него въ видѣ фотографій разосланы морскимъ властямъ

крупнѣйшихъ державъ въ цѣляхъ выясненія истины.

Одна изъ такихъ копій была у меня въ рукахъ, и я хочу подѣлиться съ читателемъ полученными свѣдѣніями въ расчетъ на то, что, можетъ-быть, кто-нибудь, заинтересовавшись загадочнымъ документомъ, а еще больше его содержаніемъ, можетъ дать мнѣ кое-какія указанія.

Можетъ-быть, что-нибудь можно сдѣлать для тѣхъ, которые этотъ документъ создали? Можетъ-быть, для нихъ это «что-нибудь» уже сдѣлано? Или можетъ быть и то, что имъ уже не нужна никакая помощь?

Добавлю только, что «документъ» безымяннаго автора состоитъ изъ полудюжины листовъ грубой писчей бумаги, исписанныхъ вдоль и поперекъ. Морская вода, проникшая въ бутылку, не только мѣстами смысла написанное, съ этимъ можно было бы помириться, и я лично при помощи проектированія на экранѣ фотографіи съ отдѣльных листовъ восстановилъ значительную часть погибшаго текста, но вода извѣла бумагу на сгибахъ, окончательно испортила ее, и потому документъ изобилуетъ перерывами.

Очень можетъ быть, что именно въ потерянныхъ строкахъ содержится исключительно важныя указанія.

Лично я, однако, думаю, что ничего важнаго мы не нашли бы, даже если бы какимъ-либо чудомъ восстановить весь текстъ.

Развѣ только было бы указаніе имени того, кто писалъ «документъ». Не спорю, что это было бы тоже интересно. Можетъ-быть, помогло бы восстановить точно детали разыгравшейся странной, загадочной драмы.

Но пусть лучше обо всемъ судить самъ читатель. Я же ограничиваюсь лишь тѣмъ, что съ математической точностью передаю содержаніе «документа», доставленнаго властямъ Неаполитанскаго Коммерческаго порта 24 мая 1911 года капитаномъ Энрико Тревисономъ, командиромъ паруснаго трехмачтоваго брига «Санъ-Дженнаро», при протоколѣ, говорящемъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ означенный до-

кументъ былъ изловленъ въ морѣ близости отъ Гибралтара.

Итакъ, ниже слѣдуетъ самъ текстъ «документа».

* * *

«...дѣлаю эту, повидимому, безцѣльную и бесполезную попытку седьмой разъ. У меня осталось еще пять подобныхъ бутылочекъ, но бумаги мало, да мнѣ и надоѣло снова и снова писать одно и то же. Во всякомъ случаѣ, если только буду живъ, я брошу восьмую бутылку черезъ годъ, девятуя черезъ два, десятую наканунѣ дня, когда истощатся до конца всѣ наши съѣстные припасы и намъ въ глаза взглянетъ ужасный призракъ голодной смерти.

По моимъ расчетамъ, припасовъ можетъ хватить на полныхъ три года. О водѣ я не беспокоюсь, потому что на борту имѣю аппаратъ для дистилляціи морской воды, и бункеры почти полны каменнымъ углемъ. Думаю, что водою мы обеспечены лѣтъ на пять, если не больше, ибо уголь я расходую крайне экономно, а дистилляторъ находится въ полной исправности, да его устройство такъ просто, что, случись кака-либо порча, я, навѣрное, сумѣю исправить дефекты при помощи тѣхъ инструментовъ и матеріаловъ, которые находятся въ моемъ распоряженіи въ изобиліи.

Относительно пищи могу сказать еще, что, судя по примѣру истекшихъ двухъ лѣтъ, я смогу, по крайней мѣрѣ, время отъ времени пополнять наши запасы рыбной ловлею.

Было незаконно противно ѣсть мясо крабовъ, о которыхъ я расказалъ дальше подробнѣе, но все же мы почти полтора мѣсяца питались этими самыми крабками, не трогая нашихъ запасовъ.

Такимъ образомъ, я убѣжденъ, мы сможемъ протянуть около четырехъ лѣтъ, если только, конечно, не случится кака-нибудь катастрофа.

Главнымъ образомъ я опасался того, что намъ опять придется выдержать борьбу съ ними.

И тогда, да помилуетъ насъ Господь!

Вѣдь въ первый разъ мы спаслись положительно чудомъ!

Малѣйшей случайности, оплошности, ошибки было достаточно, чтобы погубить насъ.

А вѣдь мы можемъ опять, какъ тогда, подвергнуться нечаянному нападенію, они могутъ застать насъ врасплохъ, справиться съ нами поодиночкѣ...

И, кромѣ того, я чувствую, что если даже жертвою *изъ* падетъ только кто-нибудь одинъ изъ насъ, остальные, все равно, не переживутъ его гибели и добровольно отдадутся сторожащей насъ со всѣхъ сторонъ смерти.

Нѣтъ, кровь стынетъ въ жилахъ, когда я вспоминаю о пережитыхъ нами ужасахъ.

По временамъ мнѣ кажется, что я сошелъ съ ума и все, что я тутъ рассказываю, это только бредъ больного воображенія.

Но нѣтъ же, нѣтъ!

Вонъ, на стѣнкѣ моей каюты, виситъ клешня одного изъ крабовъ.

Развѣ это сонъ? Развѣ это призракъ? Вотъ набросанный мною рисунокъ съ натуры. Я дѣлалъ его, конечно, по памяти, но очень заботясь о томъ, чтобы не погрѣшить сильно противъ истинны.

Вспоминая *изъ*, я пытаюсь опредѣлить ихъ величину, сравнивая съ величиною частей «Юланды».

Да, я былъ тогда словно въ бреду, потому что только что мы ушли отъ гибели, только что были на волосокъ отъ смерти.

Тѣмъ не менѣе, однако, я ручаюсь, что мой рисунокъ совершенно правиленъ и ошибки въ указаніи размѣровъ быть не можетъ.

Мнѣ не повѣрять. Я знаю!

И, собственно говоря, я сознаю, что мнѣ не слѣдовало бы вовсе писать обо всемъ, пережитомъ нами на борту «Юланды». Слѣдовало бы написать просто, что мы погибаемъ, что мы оторваны отъ міра, осуждены на пребываніе словно въ тюрьмѣ, затерянной въ просторѣ океана, и что мы просимъ близкихъ прийти къ намъ на помощь, а если это невозможно, то чтобы они, эти столь далекіе отъ насъ «близкіе», хоть помолились о насъ, о нашихъ душахъ...

Итакъ, я приступаю къ послѣдовательному изложенію всѣхъ перипетій

нашей жизни съ того момента, какъ мы сдѣлались пассажирами «Ю...»

Здѣсь въ рукописи слѣдуетъ порядочный перерывъ.

Сображая дальнѣйшее содержаніе записки, можно съ извѣстной степенью вѣроятности установить, что трехмачтовый пароходъ «Юланда» неизвѣстной національности и неизвѣстно къ какому порту приписанный, идя изъ Европы къ берегамъ Южной Америки, а можетъ-быть, направляясь въ Австралію, потерпѣлъ аварію и былъ покинутъ командою, но на борту по какимъ-то невѣдомымъ причинамъ остался авторъ записокъ, его жена и собака «Вэлла». Кажется, въ моментъ оставленія экипажемъ судна эти пассажиры попросту замѣшались въ своей каютѣ. Можетъ-быть, двери каюты были чѣмъ-нибудь завалены. На это указываетъ сохранившийся отрывокъ фразы:

«...пришлось взломать, чтобы выйти на палубу. Тѣмъ временемъ лодки отошли отъ парохода очень...»

Слѣдующій отрывокъ говоритъ о томъ, какъ покинутыми пассажирами были отысканы еще находящіеся на суднѣ люди.

— «Вэлла» лаяла и все тянула Элизу (жену рассказчика) за платье. Я заинтересовался страннымъ поведеніемъ собаки, отличавшейся исключительною понятливостью, и отправился на изслѣдованіе.

Мнѣ пришлось спуститься въ нижній трюмъ, куда, понятно, въ качествѣ пассажира я никогда не заглядывалъ за все время нашего пребыванія на борту «Юланды». Тамъ я услышалъ человѣческіе голоса, стоны и, въ концѣ-концовъ, отыскалъ небольшое помѣщеніе съ бронированною дверью. Я вспомнилъ, что незадолго до катастрофы два матроса были обвинены въ воровствѣ, пьянствѣ, неповиновеніи боцману и по распоряженію капитана посажены въ карцеръ, съ тѣмъ, чтобы по прибытіи «Юланды» на мѣсто назначенія передать обоихъ въ руки полиціи.

Разумѣется, при другихъ условіяхъ я лично счелъ бы по меньшей мѣрѣ неблагоприятнымъ освобождать этихъ людей, къ которымъ я не могъ питать ни

малѣйшаго довѣрія. Но въ данный моментъ я чувствовалъ себя до такой степени потеряннымъ, я сознавалъ, что мы съ Элизой обречены на гибель, и потому я инстинктивно искалъ близости людей. Мнѣ удалось найти тутъ же, въ трюмѣ, кусокъ желѣза и при его помощи сбить висячій замокъ двери. Оба заключенные, не слушая меня, вырвались изъ карцера и опрометью бросились на палубу, что-то крича.

Поневолѣ я послѣдовалъ за ними.

Тамъ, на палубѣ, произошла мрачная сцена.

— Пароходъ покинуть командою! — кричалъ старшій изъ матросовъ, высокій человѣкъ съ заросшимъ рыжею щетиною темнымъ лицомъ.

— Эти подлецы, — вторилъ ему его товарищъ, тщедушный молодой человѣкъ съ лицомъ, удивительно напоминавшимъ морду хорька, — эти подлецы позабили насъ съ тобою, Монкъ!

— Убійцы! — кричалъ Монкъ.

— Трусъ! Подлецы! — вылъ Хорекъ.

— Если бы они попались мнѣ въ руки?!

— О, я зналъ бы, что съ ними дѣлать? Подлецы, подлые, подлые!

— Можетъ-быть, и мы сможемъ удрать отсюда?

— На чемъ?

— На чемъ-нибудь!

— Верхомъ на палочкѣ, что ли?

— Смастеримъ какой-нибудь плотъ, что ли!

— Ты съ ума сошелъ?! За три тысячи миль отъ ближайшаго берега отправиться въ открытое море на плоту, который развалится черезъ сутки?! Благодарю покорно!

— Но думай, думай! У тебя хитрая голова! Не пропадать же намъ? Не погибать же, какъ собакамъ?

— Думай ты самъ! У меня мозги высохли!

— Я голоденъ! Я пить хочу!

— Я тоже! Но бѣглецы, должно-быть, раньше насъ все сожрали и выпили!

— Тутъ былъ еще кто-то...

— Пассажиръ. Береговая крыса!

— Почему онъ не ушелъ съ судна?

— Намъ-то какое дѣло? Онъ самъ по себѣ, мы сами по себѣ!

— Но это онъ освободилъ насъ!

— Что? Ты собираешься идти кланяться и благодарить его? Плюнь!

Не обращая вниманія на мое присутствіе, они отправились въ камбузъ, и скоро оттуда послышались крики торжества: матросы убѣдились, что на покинутомъ суднѣ находится богатѣйшій запасъ всяческой провизіи и питей.

Признаюсь, уже теперь я началъ раскапываться въ своей опрометчивости и сожалѣть о томъ, что, по крайней мѣрѣ, не посоветовался предварительно съ Элизой, какъ слѣдуетъ поступить съ двумя сидящими въ карцерѣ матросами.

Но эти позднія раскаянія не могли уже помочь. Оставалось на всякій случай подумать о собственной безопасности, и, пока что, о томъ, чтобы держаться возможно дальше отъ Монка съ Хорькомъ и какъ можно меньше попадаться имъ на глаза.

Я ретировался въ нашу каюту и вкратцѣ пересказалъ Элизѣ о случившемся. Моя жена поблѣднѣла, но не растерялась.

— Но, Максъ, — сказала она, — вѣдь ихъ только двое!

— Что ты этимъ хочешь сказать? — удивился я.

— И насъ двое. И, кромѣ того, у нихъ нѣтъ оружія, а у насъ...

— А что есть у насъ?

Она съ первымъ смѣхомъ вытянула изъ складокъ шали два щегольскихъ маленькихъ револьвера и показала ихъ мнѣ.

— Откуда это у тебя? — еще больше удивился я.

— Нашла! — отвѣтила она коротко. — Я думаю, Максъ, вѣдь развѣ команда и капитанъ оставили насъ на пароходѣ, мы являемся, такъ сказать, законными наследниками всего, что на суднѣ есть? Ну, я пошла по каютамъ, и въ одной изъ каютъ, знаешь, въ той, въ которой помѣщались датчане, нашла въ чемоданѣ эти револьверы.

— Безъ зарядовъ?

— Вотъ заряды къ нимъ. Цѣлая коробка, Максъ!

— Хорошо. Конечно, револьверы значительно мѣняють дѣло. Но...

— Но что же?

— Но намъ придется все время держаться насторожѣ, чтобы эти господа не застигли насъ врасплохъ. Придется, дитя, поочередно дежурить!

— Такъ что же? Будемъ дежурить. И потомъ, Максъ, я рѣшительно не понимаю, почему ты такъ боишься! По-вѣрь, этимъ людямъ сейчасъ не до насъ! Они думаютъ только о томъ, какъ бы убраться съ парохода! Вѣдь они навѣрное уже убѣдились, что «Юланда» потеряла винтъ и руль.

— Можетъ-быть! Но, дитя, удалиться-то съ парохода не такъ просто!

— Намъ съ тобою — да. Но вѣдь это же матросы! Они что-нибудь придумаютъ! Вотъ, ты увидишь!

— Посмотримъ!

Элиза оказалась гораздо прозорливѣе меня: матросы въ теченіе двухъ послѣдующихъ дней не обращали на насъ никакого вниманія. Они были заняты своимъ дѣломъ, и имъ явно было не до насъ.

На всякій случай, я уговорилъ Элизу вовсе не показываться на палубу. Моя жена сидѣла все время въ каютѣ, а когда я отправлялся на палубу, чтобы посмотрѣть, какъ идутъ дѣла, она заширалась и держала въ рукѣ наготовѣ револьверъ.

Тѣмъ временемъ матросы проявляли лихорадочную дѣятельность.

Они обшарили буквально весь пароходъ снизу доверху, они вытащили на палубу массу разнообразнѣйшихъ вещей, въ томъ числѣ все имущество капитана Вика, а изъ трюма приволокли какіе-то доски и боченки, веревки и ящики съ гвоздями.

Третій день прошелъ въ работѣ: матросы, пользуясь тихою погодою, тутъ же, на палубѣ, стали сколачивать плотъ.

Я много разъ подходилъ къ нимъ, стоялъ, глядѣлъ, какъ они работали топорами, но они не заговаривали со мною.

Только за часъ до того, какъ плотъ отчалилъ отъ парохода, Монкъ обратился ко мнѣ со словами:

— Ну? Что глазѣте тутъ? Думаете, и для васъ найдется мѣсто?

— Вы хотите попытать счастья съ плотомъ? — вмѣсто отвѣта спросилъ я матроса.

— Нѣтъ, сэръ! Съ воздушнымъ паромъ! Глаза у васъ повывлазили, что ли? Конечно, хотимъ попытать счастья! Не сидѣть же тутъ, на суднѣ, которое несетъ теченіемъ къ чорту на рога?

— А не опасно ли...

— Хотите знать, не опасно ли до-вѣряться плоту? Конечно, опасно. Да вѣдь выбора нѣтъ! Судно относитъ все дальше отъ тѣхъ линій, по которымъ ходятъ пароходы или парусники. Его занесетъ въ такую дичь и глушь, куда никто никогда поса не показываетъ. Если мы теперь поплывемъ на плоту, мы еще имѣемъ шансы встрѣтить какое-нибудь судно и спасти свои шкуры.

— А мы?

— Кто это вы? — возрился на меня Монкъ.

— Ну, я и еще одинъ человѣкъ...

— Развѣ есть еще кто на суднѣ? — оживился Хорекъ. — Морякъ? Или та-кой же пассажиръ, какъ вы?

— Пассажиръ!

— Почему онъ не показывается? — насторожился больше прежняго Монкъ. — Потому что онъ боленъ! — солгалъ я.

Матросы переглянулись. Потомъ Монкъ грубо сказалъ мнѣ:

— Отойдите! Не мѣшайте работать! Намъ нѣтъ никакого дѣла до васъ! Теперь такое время: каждый за себя. И пусть чортъ заберетъ мою душу, если я ударю пальцемъ о палецъ ради какихъ-то больныхъ, здоровыхъ, бѣлыхъ, красныхъ, высокихъ или низкихъ! У меня шкура трещитъ, и я буду думать только о себѣ!

Хорекъ оказался, повидимому, мягко-сердечнѣе своего товарища.

Онъ, когда я отошелъ въ сторону отъ почти готового для спуска плота, нагналъ меня и заговорилъ скороговоркою:

— Не обижайтесь, сэръ! Монкъ только ворчитъ, но онъ добрый человѣкъ! Нѣтъ, право же, онъ добрый парень! Но вѣдь разсудите, сэръ, сами: что мы можемъ сдѣлать для васъ?

— Это я выпустилъ васъ изъ карцера, гдѣ вы подохли бы съ голоду! — угрюмо отозвался я.

— О, Господи! Да развѣ я это отрицаю? Я помню, что насъ освободили

именно вы! Но что же дѣлать, сэръ? Вы видите, тутъ, на палубѣ, это всѣ доски, которые мы могли отыскать на суднѣ, даже выломать кое-какія переборки! Вѣдь судно-то, сэръ, изъ желѣза, и дерева на немъ очень мало!

«Нашъ плотъ можетъ поднятъ, положимъ, трехъ человѣкъ. Но не четырехъ, сэръ! Нѣтъ, куда тутъ?! Если мы возьмемъ четвертаго человѣка, намъ придется сидѣть въ водѣ чуть ли не по поясъ! И потомъ, подумали ли вы о провизіи, о водѣ? Вѣдь у насъ впереди, быть-можетъ, цѣлыя недѣли странствованія по океану! Надо набрать провизіи какъ можно больше. Если же насъ будетъ четверо, пищи пропадетъ! Нѣтъ, сэръ, ничего изъ этого не выйдетъ, не можете выйти! Но вы, сэръ, не падайте духомъ! Право же, вамъ совсѣмъ не зачѣмъ па-дать духомъ!

— Благодарю за совѣтъ! — иронически раскланялся я.

— Нѣтъ, право же! — продолжалъ Хорекъ. — Дѣло вовсе не такъ плохо! Мы съ Монкомъ осмотрѣли все судно. Оно, ей Богу же, въ отличномъ состоя-ніи. Во-первыхъ, теи ни малѣйшей нѣту. Судно держится, какъ пробка. И будетъ, ей Богу, очень долго будетъ еще держаться.

— Такъ почему вы-то торопитесь уйти съ судна? — задалъ я ироническій вопросъ.

— Мы? — нѣсколько опѣшилъ Хо-рекъ.

— Да, вы съ Монкомъ!

— Станный вопросъ!

— Ничуть не странный! Вы, матросы, увѣряете меня, пассажира, что все обстоитъ благополучно, что мнѣ нѣтъ никакой надобности беспокоиться и что я долженъ преспокойно сидѣть на суднѣ и ждать, покуда оно не потонетъ или не разобьется о подводные камни, а сами вы выстроили плотъ и не хотите взять насъ съ собою!

— Не то что не хотимъ, сэръ, а... а не можемъ! Ей Богу, не можемъ!

— Не будемъ говорить объ этомъ! — оборвалъ я болтовню матроса. — Не хотите или не можете, для насъ это, въ итогѣ, не представляетъ ни малѣй-шей разницы. Словомъ, вы покидаете

судно, а мы осуждены оставаться на нем! Так?

Хорек молча мотнул головою и отошел в сторону. В это мгновение Монк крикнул ему сердито:

— Будет тебе языком лаять! Пора спускать плот! Иди сюда!

И, собственно говоря, не видя, как именно они спускали плот на воду с палубы парохода. Дело в том, что я ушел в каюту, где меня ждала, прячась, Элиза, и вышел из каюты только тогда, когда плот уже колыхался на воде у борта «Иоланды» и матросы нагружали его боченками с водою и ящиками со съестными припасами.

Они пристроили к плоту подобие мачты с прямым парусом и, когда нагрузка была кончена, обрубив канаты, связывавшие плот с пароходом. В это время дул не очень сильный, но ровный вѣтеръ съ сѣвера, который медленно гнал пароходъ къ югу. И какъ только бѣглецы подняли свой парусъ, ихъ плотъ сталъ довольно быстро отходить отъ «Иоланды», направляясь не на югъ, а на юго-западъ.

Я долго слѣдилъ за плотомъ. Онъ часа три-четыре еще маячилъ на горизонтѣ, покуда не настала ночь и тѣма поглотила и плотъ, и его пассажировъ.

Элиза въ первый разъ за все то время, въ теченіе котораго Монкъ и Хорекъ, освобожденные мною, хозяйничали на суднѣ, вышла на палубу, и, стоя рядомъ со мною, глядя полными слезъ глазами въ нѣсколько туманную даль, въ ту сторону, гдѣ чуть видѣлся еще плотъ.

— А мы остались, Макс! Мы остались одни, одни! — шептала она беззвучно, и крупныя слезы катились по ея блѣднымъ щекамъ.

— Нѣтъ, мы не одни! — отвѣтилъ я. — Съ нами Богъ, Элиза! На людскую помощь намъ надѣяться и разсчитывать нечего. Но мы можемъ надѣяться на Божью помощь!

Моя жена ничего не отвѣтила на эти мои слова. Да, признаюсь, я и самъ говорилъ это какъ-то машинально. Я лично давно уже потерялъ всякую надежду на спасеніе...

Трое сутокъ спустя, теченіемъ принесло «Иоланду» именно туда, гдѣ она находится и сейчасъ.

Я не знаю, что это такое. Я вѣдь не морякъ, и о морской жизни имѣю самое смутное представленіе. И тѣтено я вспоминаю все, прочитанное мною въ дѣтствѣ о морѣ, тѣтено напрягаю память. Можетъ-быть, мозгъ, утомленный испытаніями, попросту отказывается служить мнѣ?

Началось съ того, что около «Иоланды» появились въ морѣ сначала въ незначительномъ количествѣ, потомъ все больше и больше какія-то безконечно длинныя нити водорослей, словно выраставшія со дна морского и тянувшіяся къ поверхности.

— Должно-быть, земля близка! — рѣшилъ я, и съ сугубымъ вниманіемъ сталъ присматриваться къ горизонту въ надеждѣ открыть близость какого-нибудь острова или даже континента. Но, увы! Насколько хваталъ взоръ, я не видѣлъ ничего, кромѣ воды, казавшейся покрытою ржаво-зелеными пятнами водорослей.

Мало-по-малу «Иоланда» заходила все глубже и глубже въ это море водорослей.

Мнѣ казалось, что она начинаетъ замѣтно замедлять ходъ, словно водоросли опутывали ее, мѣшали ей двигаться.

Однако всю ночь и часть слѣдующаго дня покинутое судно все же еще двигалось, иногда выплывая на пространство, гдѣ водорослей было сравнительно мало. И только къ вечеру «Иоланда», какъ казалось мнѣ, окончательно застряла среди водорослей.

Можетъ-быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что пароходъ былъ прижатъ теченіемъ къ песчаной отмели, вѣзался въ нее корпусомъ, и такъ и застылъ, нѣсколько накренившись на бокъ.

Наше странствованіе закончилось раньше, чѣмъ я этого ожидалъ.

Однако прошло не мало дней, покуда мы съ Элизой, такъ сказать, сжились съ этою мыслью, восприняли ее.

Намъ все казалось, что этого быть не можетъ.

Вотъ-вотъ что-нибудь случится. Можетъ-быть, поднимется буря, сорветъ судно съ мели, увлечетъ его въ откры-

тое море разметавъ, разорвавъ, какъ паутину, проклятыя водоросли, заплетшія корпусъ «Иоланды».

Или нахлынетъ теченіе, которое размоетъ отмель и опять-таки угонитъ куда-то безпомощно лежащій чуть ли не на боку пароходъ. И опять мы будемъ странствовать по морю...

Но шли дни, а «Иоланда» стояла неподвижно, и вокругъ нея все гуще и гуще заплетались водоросли, пока, наконецъ, онѣ не покрыли все море вокругъ на огромное пространство. Только съ верхушки мачты, вскарабкавшись по вантамъ, я видѣлъ, казалось, гдѣ-то вдали голубоватую полоску свободной отъ водорослей воды.

Тогда именно я бросилъ въ море первую бутылку съ описаніемъ случившагося съ нами.

Я былъ такъ наивенъ, что бросилъ ее около самаго парохода, прямо съ палубы, и она, конечно, застряла, опутанная водорослями, словно жадно тянувшимися къ ней. Сознавъ свою ошибку, я рѣшилъ исправить ее. Но какъ?

Ясно для меня было одно: я долженъ былъ какимъ бы то ни было способомъ постараться отойти отъ парохода на извѣстное пространство, добраться до открытаго моря.

Обыскавъ весь пароходъ, я отыскалъ, наконецъ, пару досокъ и нѣсколько штукъ запасныхъ веселъ. Изъ досокъ я соорудилъ подобіе плота, сбросилъ его въ воду. Правильнѣе было бы назвать мое оригинальное суденышко именемъ «падоскафа». Но, такъ или иначе, оно могло служить моимъ цѣлямъ: спустившись по канату на него, я убѣдился, что оно можетъ скользить по поверхности моря. Правда, водоросли замѣтно мѣшали ему двигаться быстро, но все же можно было при помощи весла или песта, упираясь именно въ водоросли, продвигаться туда и сюда.

Я поднялъ бронежную первую бутылку съ моею запискою и потомъ раннимъ утромъ отправился въ опасный путь, отъ парохода къ открытому морю. Только къ вечеру удалось мнѣ вернуться назадъ, такъ далеко было свободное отъ водорослей море!

Элиза, блѣдная, какъ полотно, стояла на палубѣ, ожидая моего возвращенія.

— Господи! — вскрикнула она, когда я, усталый и измученный, поднялся по трапу на судно. — Я думала, Максъ, что ты никогда, никогда не вернешься уже сюда!

— Какъ видишь, ты ошиблась! — со слабою улыбкою отозвался я. — Но я

Я даже по ночамъ выходилъ на палубу съ фонаремъ.

голоденъ, я усталъ! Дай мнѣ чего-нибудь поѣсть!

Всю ночь мы не спали. Нервы разошлись, кровь волновалась. И всю ночь мы говорили объ отправленномъ нами изъ «страны изгнанія» вѣстникѣ живому міру, о поплывшей Богъ вѣсть куда бутылкѣ съ запискою, съ просьбою прійти намъ на помощь.

Намъ казалось, что бутылка скоро-скоро доплыветъ до какого-нибудь берега. Тамъ ее подберутъ рыбаки, раскроютъ, оповѣстятъ власти о томъ, что двое несчастливцевъ, отрѣзанные отъ міра, находятся на покинутомъ суднѣ.

Гдѣ?

Я не могъ указать этого!

Я только описалъ все наше путешествие и высказалъ догадку, что «Юланда» застряла въ предѣлахъ Саргассовъ.

Въ эти дни я волновался чрезвычайно и даже по ночамъ выходилъ на палубу съ фонаремъ поглядѣть, не видны ли огни судна, идущаго спаси насъ.

Должно-быть, черезъ пять или шесть дней послѣ этого я увидѣлъ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ «Юланды» нѣчто новое.

При помощи подзорной трубы я разглядѣлъ, что это было подобіе низко сидящей въ водѣ большой лодки съ низкою мачтою, вокругъ которой безпомощно болтались обрывки паруса.

Мнѣ казалось, что я вижу на борту лодки какое-то живое существо. По крайней мѣрѣ, нѣчто отъ времени до времени поднималось около мачты.

Съ замѣраніемъ сердца я спустилъ на воду мой «падоскафъ» и направился на немъ къ странной лодкѣ.

— Взялъ ли ты револьверъ? — кричала мнѣ вслѣдъ Элиза.

— Конечно, взялъ, хотя онъ совершенно бесполезенъ! — отозвался я.

— Ради Бога, посмотри, заряженъ ли онъ! — продолжала кричать моя жена.

— Да, конечно же!

— Будь остороженъ!

— Хорошо! Прощай!

Часа полтора, должно-быть, ушло на мой путь отъ «Юланды» до предполагаемой «лодки». Но уже за километръ отъ нея я зналъ, что это такое: это былъ полуразбитый плотъ.

А еще черезъ нѣсколько минутъ я зналъ и то, откуда взялся этотъ плотъ: это было судно, сооруженное Монкомъ и Хорькомъ, когда они покидали злополучную «Юланду». Его пригнало теченіемъ туда же, куда раньше пригнало и нашъ пароходъ.

Но вотъ мой «падоскафъ» уже скользитъ въ непосредственной близости отъ остатковъ плота. Я ясно вижу странную, фантастическую человѣческую фигуру, держащуюся около мачты. Я различаю даже лицо этого несчастнаго. Это Хорекъ.

Но гдѣ же Монкъ? Куда онъ могъ дѣваться?

Ближе, ближе къ плоту пробирается, скользая надъ водорослями, мой падоскафъ.

— Гэй! — кричу я Хорьку. — Это вы? Гдѣ вашъ товарищъ? Что съ вами случилось?

— Ёсть! Ради всего святаго дайте мнѣ поѣсть! — не то стонетъ, не то рычитъ матросъ, простирая ко мнѣ исхудалыя руки. — Я уже четвертыя сутки ничего не ѣлъ.

Опасаясь пристать къ плоту, чтобы не подвергнуться нападенію обезумѣвшаго отъ ужаса и голода человѣка, я перебросилъ на плотъ нѣсколько захваченныхъ съ собою сухарей.

— Спасите меня! — умолялъ Хорекъ, жадно глотая сухари и запивая ихъ водою изъ какого-то боченка. — Возьмите съ собою на пароходъ! И будь я проклятъ, если когда-нибудь покину судно на плоту! Это все Монкъ виноватъ! Но онъ заплатится!

— Онъ утонулъ?

Странная гримаса исказила лицо Хорька. Глаза блеснули.

— Нѣтъ, я убилъ этого негодяя!

— Вы его убили? За что? О, Господи!

— Онъ... онъ хотѣлъ убить меня!

Онъ былъ голоденъ, и...

— Но вы-то, вы? Что вы сдѣлали съ нимъ?

Потупивъ глаза, Хорекъ отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

— Я былъ голоденъ... Голодъ терзалъ мои внутренности... И во всемъ былъ виноватъ самъ Монкъ!

— Вы сдѣлались людоедомъ, Хорекъ?! — вѣѣ себя отъ ужаса и отвращенія вскрикнулъ я.

— Я умералъ съ голоду! — тупо твердилъ онъ. — Я просто умералъ съ голоду... И... и онъ былъ уже мертвъ, а я еще живъ...

Кровь застыла у меня въ жилахъ. Что долженъ былъ дѣлать я?

Оставить этого человѣка на его плоту? Но это было бы безчеловѣчно! Вѣдь онъ былъ осужденъ на гибель!

Взять его на бортъ «Юланды»?

Но вѣдь онъ людоедъ! Онъ — убійца и людоедъ!

— Заклинаю васъ, сэръ, возьмите меня! — кричалъ онъ раздражающимъ го-

лосомъ. — Вѣдь судно полно припасовъ! Я буду вашимъ рабомъ. Я на что-нибудь пригожусь! Право же, я на что-нибудь пригожусь! Только возьмите меня на судно! Можетъ-быть, я придумаю что-нибудь, и мы съ вами, сэръ, еще вывернемся изъ бѣды! Мы устроимъ что-нибудь, какой-нибудь новый плотъ или лодку и поплывемъ...

— И вы, проголодавшись, убьете и съѣдите меня?! — горько засмѣялся я.

— О, сэръ?! — съ павосомъ воскликнулъ Хорекъ. — Почему вы такъ дурно думаете о бѣдномъ матросѣ? Право же, Монкъ былъ виноватъ рѣшительно во всемъ. Это по его винѣ волна смыла насъ съ плота, съ послѣднеемъ провизіею. Матросъ былъ голоденъ, очень голоденъ, а Монкъ... Монкъ жралъ, какъ свинья, и не переставалъ. И потомъ...

Хорекъ опять попытался зарѣзать меня, но я опять похитрилъ его. Я сообразилъ, какъ спрятать куклу, и онъ пошелъ на другую... А я только защищалъ свою жизнь, не больше.

— Вы не ели человѣческое мясо, да?

Хорекъ молчалъ.

Кто-то изъ насъ, что я скажился надъ вами, сэръ, и предоставилъ ему возможность добраться до «Юланды».

Если бы я подошелъ близко къ разбитому плоту, вѣѣ всякаго сомнѣнія, этотъ негодяй могъ попытаться покончить со мною, какъ онъ покончилъ съ Монкомъ. Поэтому я приказалъ ему отвязать отъ плота одну доску, лечь на нее и рѣшительно держать конецъ каната, который я перебросилъ ему съ моего падоскафа. Потомъ я попробовалъ плыть обратно къ «Юландѣ», волоча за собою Хорька съ его доскою.

Дѣло шло убійственно медленно, но все же мы подвигались къ пароходу, съ палубы которой за нашими маневрами слѣдила моя жена Элиза.

— Слушайте, вы, животное! — крикнулъ я Хорьку, когда мы приближались уже къ пароходу.

— Что прикажете, сэръ?

— На суднѣ находится второй пассажиръ!

— Такъ точно, сэръ!

— Это моя жена!

— Слушаю, сэръ!

— Я не скажу ей ни единого слова о томъ, что случилось съ Монкомъ!

— Благодарю васъ, сэръ!

— Но и вы должны въ ротъ воды набрать! Понимаете?

— Разумѣется, сэръ!

— Вы скажете, что Монкъ погибъ во время бури, разбившей плотъ. Но если вы проболтаетесь...

— Упаси меня Богъ, сэръ! Леди не узнаетъ ничего объ этой неприємной исторіи!

Онъ называлъ людоедство «неприятною исторіею», и только, и больше ничего! И онъ ничуть не раскаявался, онъ ничуть не стыдился своего дѣянія!

У него было оправданіе:

— Я былъ голоденъ!

Вообще говоря...

Тутъ въ рукописи Макса опять слѣдуетъ перерывъ.

Повидимому, описанъ извѣстный періодъ пребыванія на борту «Юланды», — періодъ, въ теченіе котораго спасенный Максомъ Хорекъ держался на суднѣ корректно, покуда не оправился отъ истощенія. Затѣмъ что-то произошло между Максомъ и Хорькомъ, при чемъ въ дѣло была замѣшана Элиза.

Въ чемъ суть, — догадаться трудно. Но въ слѣдующемъ отрывкѣ Максъ рассказываетъ о предательскомъ нападеніи Хорька на Элизу, когда онъ, Максъ, отправился въ море на своемъ падоскафѣ, чтобы бросить вторую бутылку съ запискою.

«... я слышалъ негодующій голосъ Элизы и ея крикъ:

— Уйди, или я, видитъ Богъ, застрѣлю тебя!

Но ей не пришлось стрѣлять. Я стоялъ уже на порогѣ каюты. Должно-быть, Хорекъ услышалъ мои шаги. Онъ повернулся къ двери.

Но раньше, чѣмъ онъ сдѣлалъ хоть одинъ шагъ, я уже сблизилъ его съ ногой. Я обезумѣлъ отъ злобы и ненависти къ этой гадинѣ.

— Максъ, Максъ! — шептала она. — Не убивай его! Онъ все же человѣкъ!

— Онъ человѣкъ? — вѣѣ себя крикнулъ я. — Онъ гадина! Онъ подлый людоедъ!

— Людоёдь? — ахнула Элиза.

— Да, да, людоёдь! Онъ убилъ своего товарища, такого же звѣря, какъ и онъ самъ, Монка, и съѣлъ его тѣло! Онъ убьетъ и насъ съ тобою! Я задушу его!

— Не пачкай своихъ рукъ, Максъ, кровью такого существа! — брезгливо сказала Элиза.

Я нѣсколько опомнился, остылъ. Хорекъ попрежнему неподвижно лежалъ на полу каюты.

Тогда я досталъ связку тонкихъ, но крѣпкихъ веревокъ и связалъ его по рукамъ и по ногамъ. Потомъ я выволокъ его изъ каюты и бросилъ на палубу.

Все это я продѣлалъ, словно во снѣ, не думая о послѣдствіяхъ.

По существу, конечно, было бы гораздо проще швырнуть негодяя въ воду или сплавить его въ трюмъ, въ тотъ самый карцеръ, изъ котораго я его въ свое время выпустилъ. Но все это какъ-то не пришло мнѣ въ голову въ тотъ моментъ, когда я, еще весь охваченный негодованиемъ на негодяя, выволакивалъ его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, на палубу «Юланды»...

Въ ту же ночь произошло наше первое знакомство съ краббами Саргассова моря.

Дѣло вышло такъ.

Вечеромъ, убѣдившись, что Хорекъ лежитъ на своемъ мѣстѣ и что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ освободиться отъ веревокъ, мы съ Элизой забрались въ свою каюту и забаррикадировались въ ней.

Должно-быть, часовъ около одиннадцати ночи Элиза обратила вниманіе на странные звуки, доносившіеся къ намъ съ палубы. Казалось, кто-то ходилъ по палубѣ, стуча ногами въ деревянныхъ сабо.

— Топъ-топъ-топъ... Тукъ-тукъ-тукъ...

И потомъ раздался дикій, пчеловѣчскій крикъ Хорька:

— Помогите! Помогите! Спасите!

Какъ безумный, я вскочилъ со своей койки и ринулся къ двери, но Элиза удержала меня.

— Куда ты? — кричала она.

— Тамъ что-то происходитъ! Хорекъ находится въ опасности!

— Это ловушка!

— Нѣтъ, это не ловушка!

— Я пойду съ тобою!

А тѣмъ временемъ съ палубы попрежнему доносился отчаянный крикъ Хорька, прямо-таки душераздирающимъ голосомъ звавшего на помощь.

Позабывъ о томъ, что мнѣ самому можетъ грозить какая-нибудь опасность, я выбѣжалъ на палубу, держа въ рукахъ револьверъ. Жена со вторымъ револьверомъ слѣдовала за мною.

— Помогите! Скорѣе, скорѣе! — кричалъ Хорекъ.

Палуба «Юланды» была освѣщена луннымъ свѣтомъ, удивительно яркимъ, позволявшимъ разглядѣть всякую мелочь.

Но когда я выбѣжалъ изъ каюты, я въ первое мгновеніе не могъ даже понять, что, собственно, случилось. Мнѣ показалось, что я нахожусь въ бреду. И ужасенъ былъ этотъ бредъ!

Дѣло въ томъ, что вся палуба на кормѣ, то-есть тамъ, гдѣ лежалъ Хорекъ, словно шевелилась, двигалась, колыхаясь, по временамъ словно вспухая мѣстами, вздуваясь странными темными плоскими пузырями.

Одинъ изъ этихъ пузырей какъ-то совершенно неожиданно оказался въ двухъ шагахъ отъ меня. Элиза вскринула, схватила меня за руку и оттащила въ сторону.

— Крабб! — кричала она.

Да, это была цѣлая армія отвратительнѣйшихъ существъ, какихъ можетъ представить себѣ только самая необузданная фантазія.

Какія-то темныя лепешки съ суставчатыми тонкими ногами и колоссальными клешнями быстро переползали съ мѣста на мѣсто, сталкивались, словно броненосцы, при чемъ раздавался противный трескъ, какъ будто бы дрались скелеты мертвецовъ, вставшихъ изъ могилъ.

— Топъ-топъ-топъ... Тукъ-тукъ-тукъ...

И этотъ стукъ отъ времени до времени прорѣзывался отчаяннымъ крикомъ Хорька:

— Помогите! Ай! Проклятье! Помогите! Спасите! Ой! Они меня жрутъ! Спасите, спасите!

Почти не думая, я разрядилъ револьверъ, выпустивъ шесть выстрѣловъ въ копошившуюся на палубѣ массу морскихъ чудовищъ. Думаю, что ни одинъ мой выстрѣлъ ни одна моя пуля не пропали, не могли пропасть даромъ, ибо, повторяю, палуба была буквально покрыта переползающими съ мѣста на мѣсто колоссальными краббами.

Но, съ другой стороны, не думаю, чтобы эти пули могли причинить нашимъ врагамъ особенно много вреда: у нихъ были такіа брони, что стрѣлять слѣдовало бы не изъ револьвера, а изъ какого-нибудь пулемета...

Тѣмъ не менее, грохотъ выстрѣловъ произвелъ извѣстный эффектъ: во мгновеніе ока десятки колоссальныхъ краббовъ ринулись съ палубы попросту бросаясь черезъ бортъ въ воду. Они гудко шлепались въ волны и исчезали подъ водою. Палуба опустѣла. Но тамъ, гдѣ лежалъ Хорекъ, тамъ еще копошились двое краббовъ, и, очевидно, самыхъ крупныхъ. Затруднялось теперь опредѣлить ихъ размѣры. Но, мнѣ кажется, я не ошибусь, сказавъ, что самыя тѣла этихъ чудовищъ равнялись по размѣру, по диаметру, правильнѣе сказать, круглому столу, за которымъ можетъ расположиться двѣнадцать или шестнадцать человѣкъ, не особенно тѣсна другъ друга. Одно это чудовище сидѣло на ногахъ Хорька и грызло матроса своими ужасными челюстями. Другое, словно служа сторожемъ, держалось около головы обѣ колоссальныя клешни.

Сунувъ въ карманъ сдѣлавшійся бесполезнымъ револьверъ, я безпомощно оглянулся вокругъ, ища какого-нибудь другого оружія.

А злополучный Хорекъ, заживо пожираемый краббами, уже не кричалъ, а только хрипѣлъ и лишь по временамъ изъ его груди раздавался пчеловѣчскій вой.

Мой взоръ упалъ на валявшійся на полу топоръ съ длинною рукояткою. Этотъ топоръ служилъ намъ для всяческихъ работъ.

Болѣе подходящаго оружія въ настоящихъ условіяхъ я не могъ найти, и я схватилъ топоръ.

Едва успѣлъ я сдѣлать это, какъ сторожевой краббъ, подвигаясь неуклю-

Жена со вторымъ револьверомъ слѣдовала за мною.

жими, но поразительно быстрыми скачками, наваливался на меня. Онъ какъ-то странно шипѣлъ, его выпяченные впередъ глаза, казалось, горѣли, а огромная правая клешня, напоминавшая чудовищныя ножницы, угрожающе поднялась въ воздухъ, чтобы схватить меня поперекъ тѣла.

Я ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что такая клешня могла буквально перерѣзать мое тѣло пополамъ. Но я во-время ударомъ топора начисто отрубилъ ее. Въ то же мгновеніе второю клешнею краббъ нанесъ мнѣ такой ударъ, который, навѣрное, раздробилъ бы мнѣ обѣ ноги, если бы, на мое счастье, клешня не ударила о какой-то ящикъ, стоявшій между мною и краббовъ. Доски ящика буквально были раздроблены, а я оказался сплывшимъ съ ногъ, и, падая, выпустилъ топоръ изъ рукъ.

Вѣроятно, это было бы послѣднимъ мгновеніемъ въ моей жизни, но моя жена спасла меня, выстрѣливъ три или четыре раза въ упоръ въ крабба. Ея револьверъ былъ заряженъ разрывными пулями, которыми она разомъ положила готовое уничтожить меня чудовище.

Тогда пришла очередь второго крабба, грызшаго тѣло Хорька. Онъ какъ-то нерѣшительно, явно колеблясь, вступать ли въ борьбу съ нами, сползъ съ ногъ матроса, сдѣлавъ два-три прыжка по направлению къ намъ.

Я тѣмъ временемъ успѣлъ уже опривиться, схватить топоръ, и ждалъ нападенія съ намѣреніемъ, по крайней мѣрѣ, дорого продать мою жизнь.

Элиза выстрѣлила, выпустила послѣднія пули, бывшія въ револьверѣ. Одна изъ нихъ раздробила клешню крабба, другая впилась въ его могучее безобразное тѣло, но краббъ, можетъ-быть, по инерціи, продолжалъ катиться къ намъ. Я отскочилъ въ сторону и, увидѣвъ моментъ, когда чудовище проволакивало свое тѣло мимо меня, нанесъ страшный ударъ топоромъ. Лезвие топора буквально врѣзалось въ скорлупу, покрывавшую тѣло крабба, съ противнымъ хряскомъ. Я съ нечеловѣческимъ напряженіемъ вытянулъ загрузшій топоръ изъ тѣла чудовища и принялся безъ-устали рубить, какъ попало, отсѣкая то суставы членистыхъ ногъ, то куски брони.

И, рубя, я что-то кричалъ протяжнымъ дикимъ голосомъ.

Опомнился я только тогда, когда издававшее чудовище на обрубленных лапахъ поползло въ сторону, добралось до борта и свалилось гулко въ воду.

Мы одержали побѣду. На палубѣ не было ни единого врага.

Я могъ удѣлать вниманіе Хорьку, и я посѣдѣлъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ матросъ.

Но, о, Господи, въ какомъ видѣ сталъ я несчастливца!

Какъ ни коротко было то время, которымъ располагали напавшіе на судно краббы, они сумѣли по-своему использовать это время. Хорекъ былъ съѣденъ заживо...

Ужасныя клещи краббовъ отхватили цѣлыя куски мяса отъ его костей. Одна нога была обглодана начисто, одна рука оторвана выше локтя и валялась тутъ же, какъ валялись на палубѣ отрубленные моимъ топоромъ лапы краббовъ...

Животъ подвергся ужасной операціи: краббы расчленили его.

И, тѣмъ не менѣе, этотъ человѣкъ, уже потерявшій три четверти своей крови, истерзанный, съѣденный, еще жилъ, еще шевелился, еще стоналъ замирающимъ голосомъ...

Большаго ужаса я не могъ тогда себѣ представить...

Я вѣдь не зналъ, что еще ждетъ насъ впереди!

Когда Хорекъ пересталъ шевелиться, я съ содроганіемъ столкнулъ его истерзанное тѣло съ палубы въ воду. Я не могъ, нѣтъ, я не могъ оставить эти раздробленные кости, эти клочки истерзаннаго мяса тутъ, на палубѣ!

Только теперь мнѣ пришло въ голову:

— Какимъ образомъ краббы могли забраться на палубу?

Искать долго не пришлось, такъ оказался спущеннымъ, да и вѣроятно, съ борта судна свѣшивавшимся канатомъ, а въ концѣ каната здѣсь и тамъ концы каната. Въ этотъ моментъ могли воспользоваться проклятые морскіе чудовища, отличающіеся, несмотря на видимую неуклюжесть, поразительною ловкостью.

Но стоило поднять трапъ и обрубить концы висѣвшихъ канатовъ, и мы могли быть увѣрены, что, по крайней мѣрѣ, со стороны краббовъ намъ уже не могла грозить никакая опасность.

Медлить съ этимъ дѣломъ было некогда. При помощи Элизы я поднималъ трапъ и закрѣпилъ его прочно, потомъ обошелъ судно по борту и обрубилъ или подобралъ всѣ висѣвшіе концы.

Утромъ слѣдующаго дня, выйдя на палубу, я былъ пораженъ картиною, представившеюся моимъ взорамъ: тутъ валялась огромная клешня до двухъ метровъ длиною, тутъ осколокъ скорлупы въ суповую чашку величинаю, здѣсь нога крабба, отсѣченная моимъ топоромъ у самаго корпуса животнаго,

а здѣсь какая-то кровавая груда мяса и осколковъ скорлупы... И вся палуба была забрызгана противною липкою грязью, кровью краббовъ. Здѣсь и тамъ вились рои мухъ, Богъ вѣсть откуда взявшихся: раньше мы не замѣчали ихъ присутствія. А на какой-то рефъ сидѣла большая бѣлогрудая чайка и пристально, упорно смотрѣла на палубу и на насъ, словно безмолвный свидѣтель происходящей драмы...

Послѣ этого въ теченіе шести мѣсяцевъ я не рѣшался...

Здѣсь въ рукописи опять перерывъ, но сохранились отрывки словъ: третья... тылка съ за... Безнадежная попытка...

Потомъ рукописи говоритъ о томъ, что Максъ, Элиза и ихъ ребенокъ на ночь постоянно забирались въ имѣвшуюся на суднѣ блиндированную каюту, служившую капитану «Юланды» для сохраненія драгоценныхъ грузовъ, денегъ, документовъ и такъ далѣе.

Въ виду отсутствія въ предшествующихъ страницахъ упоминаній о ребенкѣ, остается предположить, что это существо, обреченное съ перваго же дня жить въ столь необычайныхъ условіяхъ, появилось на свѣтъ уже послѣ схватки пассажировъ «Юланды» съ краббами.

Ребенокъ внесъ лучъ радости въ печальное существованіе двухъ «изгнанниковъ», которые уже не были такъ безумно одиноки, какъ прежде. Но зато онъ же, этотъ несчастный ребенокъ, и внесъ новую струю вѣчной тревоги: родителямъ казалось, что жизни ребенка со всѣхъ сторонъ грозитъ опасность.

И снова Максъ рискнулъ пустить въ ходъ свой падошафъ, чтобы бросить въ открытое море пятую бутылку съ письмами ко вѣншему міру.

При этомъ ему пришлось проплыть по Саргассамъ мимо еще не потонувшаго плота Монка и Хорька, и видъ догнивающихся досокъ, оплетенныхъ вползшими на нихъ водорослями, возродилъ воспоминанія объ ужасной участи, постигшей обонхъ матросовъ: одинъ былъ убитъ, и тѣло его сожрано его товарищемъ, превратившимся въ людоеда. Другой, этотъ самый людоеда, былъ съѣденъ заживо морскими чудовищами. Словно само Небо пожелало покарать

его за его страшный грѣхъ, пославъ ему ужасный конецъ...

Дальше рукописи Макса говорить о монотонной жизни на борту «Юланды», о томъ, какъ подрасталъ ребенокъ и какъ по временамъ у его родителей возрождались надежды на спасеніе: однажды буря пригнала почти къ самой «Юландѣ» остовъ какого-то полуразбитаго паруснаго судна. Максъ воспрянулъ духомъ: онъ рассчитывалъ воспользоваться матеріаломъ, имѣвшимся на этомъ подаренномъ океаномъ суднѣ, чтобы соорудить большую лодку и на ней покинуть «Юланду», чтобы попытаться добраться до обитаемыхъ людьми краевъ. Но раньше, чѣмъ онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе, судно затонуло. Слѣдомъ его пребыванія въ Саргассамъ осталась только кормовая доска съ надписью:

«Джэзъ Гревсъ, Вѣтъ».

Послѣ повѣствованія объ этомъ эпизодѣ рукописи содержитъ нѣсколько отрывковъ фразъ, смыслъ которыхъ установить не удалось, а потомъ переходитъ къ новой и, быть-можетъ, самой ужасной опасности, угрожавшей «Юландѣ» и ея обитателямъ.

«Это было въ полдень яснаго и тихаго дня, — пишетъ Максъ. — Мы съ Элизой находились на палубѣ. Элиза что-то пила, ребенокъ нашъ игралъ на палубѣ у ея ногъ, а я готовилъ шестой комплектъ моихъ записокъ, готовясь въ ближайшемъ будущемъ предпринять новое путешествіе на вѣрномъ падошафѣ, чтобы отправить міру вѣсточку о нашихъ злоключеніяхъ».

Именно въ это время какое-то необычайное явленіе на морѣ привлекло мое вниманіе.

Я не видѣлъ ясно, въ чемъ дѣло, потому что не глядѣлъ на море, но мнѣ показалось, что въ одномъ мѣстѣ изъ водорослей, словно ковромъ разстилавшихся на поверхности воды, влага заволновалась, побѣжали круги, потомъ что-то, какой-то предметъ высунулся мягко наружу, словно гибкая трость, и сейчасъ же ушелъ подъ воду.

Зантересовавшись этимъ явленіемъ, я оставилъ мою работу и сталъ присматриваться.

Нѣсколько минутъ все было спокойно. Но вотъ въ другомъ мѣстѣ, приблизительно въ ста саженьхъ отъ борта «Юланды», вода снова забурилась, изъ-подъ покрыва водорослей показалось какое-то овальное тѣло. Потомъ...

Я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Я не могъ сознать явленія, совершавшагося передо мною, и невольно вскрикнулъ, зовя Элизу.

— Гляди, гляди! — кричалъ я, показывая рукою въ ту сторону, гдѣ что-то странное творилось съ моремъ.

Казалось, изъ воды вдругъ выросла длинная, тонкая, гибкая, корявая вѣтвь. Сначала она держалась плашмя надъ поверхностью моря, касаясь тонкимъ концомъ пучка водорослей. Потомъ оторвалась отъ зелени и, дрожа, колыхаясь, змѣясь, поднялась выше.

Къ концу третьихъ сутокъ я выбрался изъ каюты.

Должно-быть, она поднялась на высоту до трехъ или четырехъ сажень.

— Господи! Что это? Что это такое?! — лепетала поблѣвшими губами моя жена.

Рядомъ съ первою загадочною «вѣтвью» скоро появилась другая, обвилась вокругъ первой, потомъ обѣ свились въ клубокъ и скрылись подъ водою. А черезъ минуту море закипѣло уже въ десяткѣ сажень отъ нашего судна, и на насъ глянули огромные, зеленымъ огнемъ свѣтившіеся круглые плоские глаза морского чудовища.

— Осьминоги! — виѣ себя закричалъ я. — Спрутъ! Гигантскій спрутъ.

Да, это были легендарные «кракены» моряковъ средневѣковья, осьминоги, описанные въ знаменитомъ классическомъ романѣ Жюль-Верна, рассказывающемъ о похожденияхъ таинственнаго капитана Немо и его спутниковъ...

Черезъ десять минутъ мнѣ казалось, что около «Юланды» копошится цѣлая армія чудовищъ. Водоросли замѣтно затрудняли ихъ

движенія, мѣшали имъ плавать. По временамъ напоминая оцѣпляющія змѣи щупальцы распадались по поверхности, вытягивали изъ влаги отвратительные кожистые мѣшки или пузыри, тѣла спрутовъ, и мы видѣли гадина во всю ихъ величину. Повторяю, нѣкоторые щупальца достигали четырехъ и, кажется, пяти сажень длины.

И вотъ случилось то, чего я не ожидалъ, возможность чего я не могъ допустить: одна гадина всплыла у самого борта «Юланды» и забросила свои змѣевидныя щупальца на бортъ.

Я не ожидалъ, возможность чего я не могъ допустить: одна гадина всплыла у самого борта «Юланды» и забросила свои змѣевидныя щупальца на бортъ.

Словно корявый канатъ, щупальце обвилось вокругъ перилъ петлею, а потомъ появилось второе, третье... И одно изъ нихъ поползло по палубѣ, словно зрячее, ощупывая эту палубу.

Мигъ, и оно достигло бы до беззаботно играившаго на полу нашего ребенка. Но въ это мгновеніе «Вэллы», наша вѣрная собака, нашъ неподкупный и самоотверженный другъ, съ лаемъ бросилась впередъ и загородила собою ребенка.

Я очнулся отъ охватившаго меня оцѣпенѣнія, я бросился на помощь къ «Вэллѣ» и ударомъ топора отрубилъ большой кусокъ щупальца, достигавшій величины не менѣе двухъ метровъ.

Ко мнѣ потянулась пара другихъ щупальцевъ, но я уже бѣжалъ съ палубы, созная полную невозможность вступить въ борьбу съ осьминогами, лѣзшими на судно со всѣхъ сторонъ.

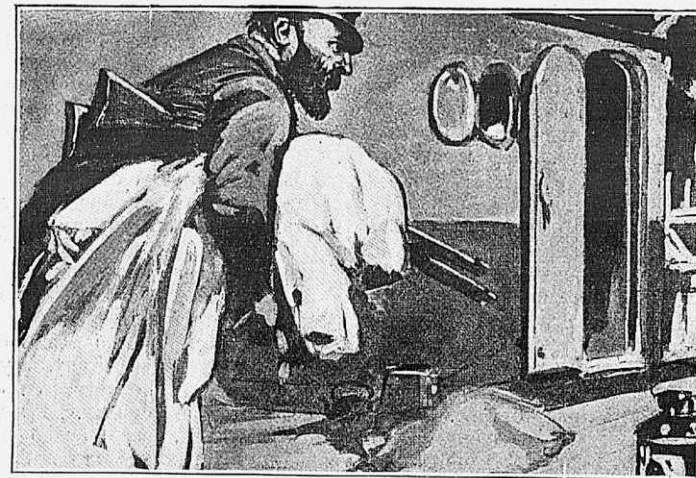
Элиза еще раньше успѣла схватить нашего ребенка и убѣжать въ каюту. «Вэлла» слѣдовала за нами.

Буквально скатившись по крутой лѣстницѣ въ коридоръ, по бокамъ котораго находились каюты, я едва успѣлъ захлопнуть люкъ, какъ что-то со страшною силою грянулось о него, и доски люка затрещали самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Я предвидѣлъ, что люкъ не выдержитъ напора. Но у насъ оставалось еще средство спасенія — наша блиндированная каюта.

И вотъ мы забрались въ нее и пригнали.

А на палубѣ, очевидно, творилось что-то ужасное.

Тамъ что-то трещало, съ грохотомъ падало, разбивалось. Весь корпусъ судна содрогался. Можетъ-быть, меня обманывали мои чувства, но я готовъ поклясться, что судно кренилось то

Мы убѣгаемъ при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи воды.

на одинъ, то на другой бортъ. Казалось, оно погружается въ воду подъ непомѣрную, чудовищную тяжесть...

Что это было такое?

Я не знаю!

Единственное объясненіе, — осьминоги воспользовались на палубу злополучнаго парохода, переползали съ мѣста на мѣсто, ища какого-нибудь отверстія, чтобы проникнуть внутрь.

Это кажется невѣроятнымъ?

Но все, что мы пережили на борту «Юланды», все столь же фантастично, невѣроятно!

Мы просидѣли въ нашей блиндированной каютѣ три дня и три ночи въ абсолютной темнотѣ. Мы буквально сходили съ ума отъ ужаса и сознанія своей полной безпомощности въ борьбѣ съ этими новыми вратами, всплывшими на поверхность моря изъ неведомыхъ таинственныхъ глубинъ.

Казалось, они чуяли наше присутствіе, они сторожили насъ. Къ концу третьихъ сутокъ я не выдержалъ и,

вооружившись топоромъ, выбрался изъ блиндированной каюты.

Палуба представляла странную картину: казалось, ураганъ пронесся надъ судномъ и покрылъ его палубу обломками.

Бортювы перила были во многихъ мѣстахъ сорваны, при чемъ оказались исковерканными и согнутыми толстѣйшія желѣзные штанги. Люкъ грузового трюма былъ сорванъ и разбитъ вдребезги, и самъ трюмъ полонъ обломковъ разбитыхъ ящиковъ и растрепанными тучками хлопчатобумажной массы.

Въ двухъ или трехъ пассажирскихъ каютахъ выдавлены двери, выбиты массивныя стекла круглыхъ оконъ. Въ каюты-компании сорванъ съ мѣста и разбитъ огромный буфетъ, и осколки посуды буквально усыпали полъ.

Но осьминоги, полуразрушивъ судно, уже ушли.

Я тщетно оглядывалъ морскую поверхность поблизости судна, не было ни слѣда ихъ присутствія... И только одно, быть-можетъ, указывало на то обстоятельство, что недавно эти чудовища праздновали около «Юланды» свою оргію: плоть Монка и Хорька исчезъ.

Только здѣсь и тамъ я съ величайшимъ трудомъ видѣлъ обломки раздробленныхъ досокъ...

Съ тѣхъ поръ прошло десять мѣсяцевъ.

Мы до того напуганы всѣмъ пережитымъ, что уже никогда не осмеемся на палубѣ, глядя по очереди на море, и убѣгаемъ въ нашу блиндированную каюту при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи воды. Намъ все чудится, что осьминоги подкрадываются къ судну, подстерегая насъ, чтобы всплыть сразу, броситься на приступъ.

И «Вэлла», повидимому, раздѣляетъ нашу тревогу: вѣрный пѣсѣ отъ времени до времени настораживается, его шерсть становится дыбомъ, глаза наливаются кровью, и, упорно глядя на море, «Вэлла» хрипло лаетъ, словно предвѣщая насъ о грозящей опасности...

Но мы попрежнему не терпимъ надежды на помощь извнѣ.

Сегодня я бросаю въ море эту седьмую бутылку, довѣряя ей написанную мною повѣсть о пережитомъ нами.

О, Господи! Неужели же Ты не сжалишься надъ нами и не пошлешь намъ избавленія?

Если Ты караешь насъ за наши преступленія, то за что же Ты караешь ребенка, который ни въ чемъ неповиновенъ?

Но нѣтъ, нѣтъ! Спасеніе еще возможно! Оно еще придетъ къ намъ».

Конечъ рукописи настолько сильно пострадалъ, что разобрать ничего нельзя.

Морскія власти всего міра въ данное время заняты наведеніемъ справокъ по данному вопросу. Прежде всего пытаются установить, что за пароходъ «Юланда», упоминаемый въ запискахъ Макса.

Установлено покуда, что бразильскій пароходъ «Юланда-Діацъ» дѣйствительно, исчезъ безъ вѣсти около пяти лѣтъ тому назадъ. Но, по всѣмъ признакамъ, онъ разбился и затонулъ у береговъ Бразиліи, а не унесенъ въ безпредѣльный просторъ океана. И затѣмъ Максъ называетъ свое судно просто именемъ «Юланды», тогда какъ бразильскій пароходъ носилъ имя «Юланди-Діацъ».

Затѣмъ итальянскій пароходъ «Юланда», совершавшій рейсы между портами Средиземнаго моря и портами Аргентины, сгорѣлъ, какъ официально установлено, въ гавани Буэнос-Айреса, при чемъ команда спаслась, а пассажировъ на пароходѣ не было.

Правда, за эти пять-шесть лѣтъ пропало безъ вѣсти не мало разнообразнѣйшихъ судовъ. Но покуда не удалось установить хотя бы по отношенію къ какому-либо изъ нихъ, чтобы оно носило названіе «Юланды» и, главное, могло быть покинутымъ экипажемъ въ тѣхъ широтахъ, гдѣ, по описанію Макса, произошла указываемая имъ катастрофа.

Бразильское и аргентинское правительства по взаимному соглашенію намѣрены отправить на поиски «Юланды» для спасенія ея пассажировъ маленькую экспедицію, для чего уже снаряжаются военные крейсера «Либертадоръ» и «Генералъ Маріанни». Результаты обследованія Саргассовъ могутъ быть опубликованы не раньше осени текущаго года.

Подождемъ, увидимъ...

Рассказъ Э. Каррелля.

МЕЖДУ нами, если не все, то очень многое зависитъ отъ вашей готовности, мистеръ Крэгъ, отъ вашей готовности нести жертвы!

— То-есть, мистеръ Вэбстеръ, отъ моей готовности истратить опредѣленную сумму?

— Въ этомъ родѣ!

— А если я тратить не захочу? Изъ-за какого-то пьяницы, болвана, иностранца...

— Суть не въ томъ, кто былъ тотъ человѣкъ, котораго вы ухлопали. Важно, что вами убитъ человѣкъ. По закону за убійство, совершенное при подобныхъ обстоятельствахъ, вамъ грозитъ смертная казнь!

— Бррр! Раньше въ нашихъ мѣстахъ на такіе пустяки, какъ продравленная шкура какого-нибудь бродяги, никто не обращалъ вниманія.

— Да, это было раньше, когда здѣсь еще не былъ водворенъ порядокъ. Времена измѣнились, мистеръ Крэгъ! И вы, какъ умный человѣкъ, должны бы отлично понимать это и безъ того, чтобы подвергаться подобнымъ неприятностямъ!

— Чортъ бы побралъ этотъ вашъ «порядокъ», при которомъ какіе-то негодяи могутъ вздернуть одного изъ самыхъ богатыхъ людей округа, словно какого-нибудь трампа, попавшагося на конокрадствѣ!

— Слова, и больше ничего! Отъ вашихъ пожеланій положеніе дѣла не измѣнится, и я, какъ избранный вами въ защитники юрестъ, вынужденъ повторить вамъ: кое-что для вашего спасенія можно сдѣлать. Но... по нужны деньги!

— Сколько?

— Знаете мистера Тобиаса?

— Кто не знаетъ эту выжигу, этого фальсификатора, этого проклятаго торгаша?!

— По всей вѣроятности, онъ будетъ старшиною присяжныхъ. Если не онъ, то старшиною будетъ мистеръ Абрагамъ Юнгхесбэндъ, виноторговецъ!

— Такое же животное!

— Вообще, составъ присяжныхъ, по наведеннымъ мною справкамъ, не очень удобный для васъ, мистеръ Крэгъ! Тамъ, напимѣръ, имѣется школьный учитель Стормъ...

— Старый ябедникъ!

— Да. И докторъ Юмъ!

— Какой онъ докторъ? Шарлатанъ!

— Суть вся въ томъ, что это люди, которымъ, по общему признанію, не очень-то вотрешъ очки. Ихъ не разжалобить. Ну, и насчетъ передергиванія, подтасовки фактовъ тоже дѣло не выгораетъ: они всѣ умѣютъ отлично разбираться въ вещахъ.

— Значить, не стоитъ и хлопотать? — угрюмо и злобно усмѣхнулся Крэгъ. — Надо, значить, говорю я, готовиться къ отправленію на тотъ свѣтъ?!

— Н-ну, — нерѣшительно отозвался адвокатъ, — н-ну, я бы этого не сказалъ!

— А на что же мнѣ надѣяться?

— На деньги. На подкупъ!

— Я не могу засыпать золотомъ эту шайку! Самъ останусь безъ рубашки!

— Я лично думаю, что было бы лучше остаться безъ рубашки, лишь бы не остаться безъ головы... Но вотъ что!

Мнѣ пора уходить! Мы съ вами увидимся уже не здѣсь, то-есть не въ тюрьмѣ, а въ залѣ суда. Я исполню мой долгъ и сдѣлаю все, что только возможно, лишь бы спасти васъ. Но еще разъ скажу: или готовьтесь заплатить деньгами, или...

— Или шкурою?

Наступило молчаніе.

Потомъ Крэгъ съ глубокимъ вздохомъ вынулъ изъ стола свою чековую книжку и на одномъ изъ ея листочковъ написалъ что-то.

— Вотъ! — сказалъ онъ, протягивая оторванный листокъ адвокату. — Тысяча долларовъ! Больше я не дамъ ни гроша! И... и не вздумайте швырять эти деньги попусту, сэръ! Изъ всѣхъ вами указанныхъ лицъ только старая лисица, Тобіасъ, можетъ пойти на такую штуку... Шепните ему два словечка. Съ остальными не стоитъ и разговаривать. Еще Юнгхэсбэндъ туда-сюда, но остальные, они пойдутъ за Тобіасомъ, какъ бараны за пастухомъ. Куда онъ повернетъ, туда полѣзутъ и они. Я знаю эту идиотскую компанію!

— Прощайте, мистеръ Крэгъ!

— Прощайте, мистеръ Вэбстеръ!

Знаменитый адвокатъ, выписанный изъ Нью-Йорка для спасенія шкуры обвинявшагося въ преднамѣренномъ убійствѣ одного изъ поселенцевъ Альджернонъ-Сити, покинулъ камеру подсудимаго и выбрался изъ тюрьмы. Крэгъ остался въ одиночествѣ размышлять о томъ, какъ быстро мѣняются времена и какъ легко теперь человѣку, котораго еще недавно боялся и слушался весь округъ, оказаться слишкомъ высокопоставленною, или, правильнѣе, слишкомъ высоконовѣщенною персоною...

— Чортъ бы побралъ ихъ всѣхъ, всѣхъ, до послѣдняго! — скрипѣлъ зубами Крэгъ. — Показалъ бы я имъ зубы, если бы могъ! Ну, да ладно!

«Можетъ, эта безструнная бамалайка, этотъ крочкотворъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ-нибудь вызволитъ меня!

«Тысяча долларовъ большія деньги по нашимъ мѣстамъ, и Тобіасъ, разъ только онъ дастъ слово...

* * *

Утромъ слѣдующаго дня разбиралось дѣло Крэга, знаменитое въ лѣтописяхъ Альджернонъ-сити, привлечшее массу любопытныхъ въ зданіе суда. Подсудимаго доставили подъ сильнымъ эскортомъ: опасались, что толпа можетъ подвергнуть его линчеванію. Залъ суда охранялся цѣлымъ отрядомъ милиціи. А внутри тамъ люди сбились въ какой-то плотный комокъ и заняли рѣшительно всѣ мѣста, которыя только было возможно занять. Было не мало и дамъ: дочери Евы всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ проявляютъ исключительный интересъ къ уголовщинѣ, а тутъ этотъ интересъ обострялся еще тѣмъ обстоятельствомъ, что мистеръ Крэгъ, по общему признанію, былъ «интереснымъ мужчиною»: вдовецъ, чело-вѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, здоровъ, какъ быкъ, предпримчивъ, почти богатъ, крѣпко, словно отлитъ изъ бронзы...

За минуту до открытія засѣданія судъ защитникъ Крэга, Вэбстеръ, былъ допущенъ къ обвиняемому. По выраженію его лица Крэгъ увидѣлъ, что Вэбстеръ пришелъ съ недурными извѣстіями.

— Поздравляю! — шепнулъ адвокату своему подзащитному.

— Ну? Выгорѣло?

— Влестяще!

— То-есть?

— Тобіаса пришлось долго уло-

— Него...

— Но, наконецъ, мнѣ удалось сломить его ослиное упрямство!

— Условія?

— Тысяча долларовъ ему лично, если именно онъ будетъ старшиною присяжныхъ, или по пяти сотъ ему и Юнгхэсбанду, если старшиною будетъ выбранъ этотъ послѣдній! Но Тобіасъ далъ честное слово, что вы будете приговорены только къ минимальному наказанію.

— А именно?

— Десять лѣтъ тюрьмы вмѣсто смертной казни.

— М-м-м...

— При примѣрномъ поведеніи, хлопотахъ друзей, общественной петиціи въ вашу пользу, поданной своевременно президенту, наконецъ, при умѣнн за-интересовать въ вашей участи вліятельныхъ лицъ, вы просидите не полный

срокъ, а какихъ-нибудь восемь, даже только семь лѣтъ! Отъ души поздравляю!

— Есть съ чѣмъ!

— Можетъ-быть, предпочитаете петлю? — возмущился адвокатъ. Такъ еще не поздно! Я условился съ Тобіасомъ,

Адвокатъ покинулъ его, потому что засѣданіе суда должно было открыться черезъ четверть минуты.

* * *

Рѣчь, сказанная мистеромъ Фрэнкомъ Вэбстеромъ въ защиту Джонатана Крэ-

— Что? — удивился Тобіасъ. — Откуда вы взяли, что присяжные хотѣли повѣсить Крэга?

что если вы раздумали и платить не хотите, мнѣ достаточно только накрыть голову, какъ будто вытирая лысину, бѣлымъ платкомъ. И тогда...

— Нѣтъ, нѣтъ! — крикнулъ испуганно Крэгъ.

га, — одна изъ тѣхъ рѣчей, которыя включаются въ «Юридическія хрестоматіи» и изучаются и комментируются цѣлыми поколѣніями молодыхъ юристовъ.

Она была безупречна по формѣ, она была произнесена съ пафосомъ, она не

«Была настолько длинна, чтобы утомить публику и присяжных и вызвать в них желание личнечать не только подсудимого, но и самого защитника, и вместе не была настолько коротка, чтобы вызвать законное недовольство трех или пяти сотен слушателей, потерявших из-за удовольствия присутствовать при разборѣ дѣла рабочий день.

Она, эта мастерская рѣчь, была на чувства присяжных, взывая къ их человечности. И она была удивительно убѣдительна. Настолько убѣдительна, что по окончаніи этой рѣчи для всѣх было ясно: не Крэгъ убил Вурмзера, а Крэгъ жертва Вурмзера. Правда, померъ-то Вурмзеръ, а Крэгъ живехонекъ и здоровехонекъ. Но это ничего не значить.

«Черное и бѣлое?

«О, Господи!!

«Да вѣдь теперь каждому ребенку известно, что цвѣтовъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Нѣтъ ни чернаго ни бѣлаго.

Черное только кажется чернымъ, а бѣлое бѣлымъ. Но при известномъ условіяхъ черное съ полнымъ правомъ можно назвать бѣлымъ, а бѣлое чернымъ.

«У нѣкоторыхъ дикарей сѣверной Азіи на обязанности сыновей лежитъ во время перетянуть веревкою горло своего почтеннѣйшаго родителя, когда тотъ старится и дѣлается настолько слабымъ, что уже не можетъ самостоятельно охотиться на медвѣдей.

«И если сыновья такого старика допускаютъ, что старикъ умираетъ естественною смертію, на ихъ головы ложится несмыслимый позоръ.

«Опозорены не только они, но и весь ихъ родъ!

«Какъ видите, о, присяжные заседатели, вся суть только въ точкѣ зрѣнія. Все условно...

«Вурмзеръ, правда, умеръ.

«Но что же изъ этого?

«А развѣ не умерли иксъ, игрекъ, зэтъ? Развѣ Вурмзеръ могъ и имѣть право жить вѣчно?

«Говорятъ, благодаря Крэгу, онъ умеръ раньше, чѣмъ слѣдовало!

«Но, позвольте, господа присяжные заседатели!

«Развѣ тотъ же Вурмзеръ всего за часъ до катастрофы, то-есть не катастрофы, а... а, скажемъ, неприятнаго событія, не высказывался публично о своей собственной участи, называя свою жизнь «истинно собачьею жизнью»?

«Развѣ тотъ же Вурмзеръ въ кабачкѣ «Слава Америки» не кричалъ, что ему все надоѣло и что онъ намѣренъ покончить съ собою при первомъ удобномъ случаѣ?

«Значить, онъ желалъ смерти!

«Но если это такъ, то...

«То вѣдь Крэгъ только исполнилъ задушевное желаніе Вурмзера! Крэгъ только оказалъ Вурмзеру дружескую услугу, облегчивъ ему переходъ на тотъ свѣтъ!

«Тутъ моему другу, Крэгу, осмѣлились поставить въ вину, что онъ застрѣлилъ Вурмзера изъ-за угла, когда тотъ будто бы ничего не подозрѣвалъ о грозившей опасности и не могъ принять никакихъ мѣръ къ самозащитѣ.

«Какая наглость!

«Во-первыхъ, кто смѣетъ говорить о желаніи Вурмзера защищаться. Какъ можно такъ нагло извращать истину, заставляя забывать, что Вурмзеръ *желалъ* смерти себѣ и даже своимъ дѣтямъ и внукамъ, на которыхъ онъ постоянно кричалъ:

«— А, да хоть бы передохли вы всѣ поскорѣе, ну васъ къ дьяволу!

«Идемъ дальше!

«Вурмзеръ желалъ смерти.

«Но, господа, кто же изъ насъ не мечталъ о томъ, чтобы намъ пришлось, когда того потребуетъ Небо, переселиться въ лучший міръ по возможности безболѣзненно и... и незамѣтно для самого себя безъ предсмертныхъ страданій?!

«Моему другу Крэгу ставятъ въ упрекъ, что онъ принялъ всѣ мѣры, дабы обезпечить безпрепятственное убійство Вурмзера. Онъ, дескать, зарядилъ свой револьверъ пулями думъ-думъ, онъ приспособилъ своего рода подставку для руки, чтобы она не дрогнула. Онъ стрѣлялъ на самомъ близкомъ разстояніи. И, главное, его упрекаютъ въ томъ, что стрѣлялъ онъ въ спину.

«Но, господа, все зависитъ отъ точки зрѣнія, не больше

«И почему не принять такую точку зрѣнія: Крэгъ не показался Вурмзеру, а стрѣлялъ въ спину исключительно ради того, чтобы не отравить испугомъ послѣднихъ моментовъ существованія Вурмзера. Крэгъ стрѣлялъ пулями думъ-думъ, способными моментально свалить не только человѣка, но и слона. *Моментально*, господа! То-есть не причиняя убиваемому ни малѣйшихъ страданій!

«Словомъ, господа, Крэгъ на дѣлѣ доказалъ свою гуманность свои дружескія чувства по отношенію къ Вурмзеру...

«И участь этого человѣка въ вашихъ рукахъ!

«Судите, но судите его, не обращая вниманія на предразсудки, судите его во имя высшей справедливости, а не во имя какихъ-то узколобыхъ традицій, мѣшающихъ истинному и исчерпывающему пониманію вещей!

«И, я въ этомъ увѣренъ, вы вынесете Крэгу оправдательный приговоръ.

«Вы вернете Крэга, этого честнѣйшаго, этого гуманнѣйшаго человѣка, тому обществу, украшеніемъ котораго Крэгъ былъ столько много времени!

«Нѣтъ, вы не изъ милости, не изъ *нисхожденія* оправдаете моего друга, достойнаго мастера Крэга!

«Въ нисхожденіи, въ милости, въ жалости пугаются только вредные члены общества, такіе, какими былъ, между нами говоря, покойный Вурмзеръ.

«Крэгъ нуждается только въ одномъ, и именно въ томъ, въ чемъ вы не можете отказать ему: въ справедливости, о, присяжные!

«Больше мнѣ нечего говорить вамъ, и я заканчиваю мою рѣчь съ полнымъ спокойствіемъ, ибо я заранѣе знаю вашъ приговоръ!

Знаменитый адвокат сѣлъ. Толпа зрителей и слушателей привѣтствовала его блестящую рѣчь громомъ аплодисментовъ.

Какая-то краснолицая фермерша неистово махала своимъ кружевнымъ платочкомъ. Кто-то кричалъ басомъ:

— Ура, Вэбстеръ! Молодчага, лысый чортъ изъ Нью-Йорка!— Въ залѣ суда

стоялъ многоголосый гомонъ, который смолкъ лишь тогда, когда присяжные со своимъ старшиною, мистеромъ То-біасомъ, лавочникомъ, удалились въ залъ совѣщаній для произнесенія приговора. Но какъ только за ними замкнулись двери, гулъ и стонъ опять пошелъ по залу.

Мистеръ Вэбстеръ усталымъ, но довольнымъ глазами оглядывалъ побѣжденную его краснорѣчіемъ и непобѣдимую логикой толпу. И изъ толпы ему кивали, махали шляпами, руками, платками, зонтиками.

— Виватъ въ честь красы американскихъ юристовъ!

— Здорово, Вэбстеръ!

— У него языкъ какъ бритва!

— Каналья Крэгъ не даромъ раскошелился!

... А время шло и шло.

Прошло полдень.

Огромное большинство публики занялось удовлетвореніемъ своего голода: вытаскивали изъ кармановъ бутерброды, сэндвичи, бутылочки съ виски и коньякомъ.

Тотъ, кто не догадался запасться провизіею, могъ воспользоваться услугами Бога вѣсть откуда вынырнувшихъ продавцовъ съѣстныхъ припасовъ и выпивки.

А время шло. И присяжные не выходили изъ комнаты совѣщаній.

Явно было, что голоса раздѣлились, что среди присяжныхъ идетъ ожесточенный споръ.

Должно-быть, образовалось двѣ партіи: одна за Крэга, другая противъ Крэга.

Часъ.

Кажется, пора бы присяжнымъ прийти къ какому-нибудь соглашенію.

Два.

Это, наконецъ, невыносимо!

Три часа.

Это чортъ знаетъ что такое!

Въ четыре съ половиною часа полудни, когда изъ залы суда вытащили уже нѣсколькихъ впавшихъ въ глубокій обморокъ представителей пре-красной половины рода человѣческаго, у дверей комнаты совѣщанія раздался долго жданный стукъ, извѣщавшій о

томъ, что присяжные, наконецъ-то, столковались!

И во-время!

Терпѣніе толпы истощалось, готово было совсѣмъ изсякнуть, и трудно было поручиться за то, что толпа въ законномъ негодovanii на столь непроизводительную потерю времени не рѣшится по-своему расправиться съ присяжными по закону Линча!

Приговоръ гласилъ, какъ и предвидѣлъ знаменитый юрисконсультъ, мистеръ Вэбстеръ, тюремное заключеніе на десять лѣтъ.

Шкура мистера Крэга, украшенія общества и образца добродѣтелей, была спасена.

Черезъ часъ мистеръ Вэбстеръ, окончившій всѣ дѣла, собирався покинуть Альджернонъ-Сити, возвращаясь къ себѣ, въ Нью-Йоркъ.

Деньги тысяча долларовъ для уплаты старшинѣ присяжныхъ, мистеру Тобіасу, лежали въ карманѣ сюртука адвоката.

И вотъ, наконецъ, Тобіасъ появился въ номерѣ гостиницы «Вашингтонъ-Гоуэзъ», гдѣ его нетерпѣливо дожидался великій ораторъ.

— Наконецъ-то! — вздохнулъ облегченно Вэбстеръ. — Вотъ ваши деньги, мистеръ Тобіасъ!

— All-right! — флегматично кивнула головою Тобіасъ. И потомъ, положивъ деньги въ карманъ и застегнувши свой старомодный сюртукъ на всѣ пуговицы, добавилъ:

— Какъ видите, иностранецъ, у насъ, въ Альджернонъ-Сити, нѣкоторые умѣютъ держать данное слово! Правда?

— О да, да! — согласился адвокатъ. Вы сдержали ваше слово, и отъ имени Крэга я приношу вамъ самую теплую благодарность!

— Не стоитъ, сэръ! — опять кивнула головою Тобіасъ. — Право, не стоитъ! Хотя, конечно, мнѣ пришлось повозиться не мало!

— Да, да! Вы совѣщались почти пять часовъ! Почему такъ долго?

— Да развѣ съ этими упрямыми ослиами, моими товарищами, господами присяжными, можно что-нибудь сдѣлать скоро?

«Пришлось кричать, стучать кулаками, уговаривать, упрашивать, грозить, мо-

лить... Я думаю, я вывихнулъ-таки себѣ языкъ, мистеръ Вэбстеръ!

— Оппозиція была жестокая?

— Ннда! Но я-таки вбилъ имъ то, что слѣдовало въ ихъ тупыя мѣдныя башки! О, старый Тобіасъ, если онъ берется за что-нибудь, онъ всегда добивается своего! Вы, сэръ, можете объ этомъ рассказать кое-что въ Нью-Йоркѣ. Если придется встрѣтиться въ какомъ-нибудь кабацкѣ и съ самимъ Тэдди Рузвельтомъ, вы можете сказать ему, какъ умѣетъ держать свое слово старый Тобіасъ изъ Альджернонъ-Сити.

— Да, да, конечно! Но я никогда не ожидалъ, чтобы послѣ такой рѣчи, какова моя, среди присяжныхъ нашлось такъ много людей, желавшихъ во что бы то ни стало повѣсить Крэга!

— Что? — удивился Тобіасъ. — Откуда вы взяли, что присяжные хотѣли повѣсить Крэга?

— Да вѣдь вамъ же пришлось уламывать, упрашивать, уговаривать ихъ?

— Ну, да! Они, эти идіоты, эти бараны головы, представьте, развѣсили уши, приняли за чистую монету всю ту дрянь, которую вы имъ наболтали, иностранецъ!

— Ну? — насторожился Тобіасъ, предчувствуя что-то недоброе.

— Ну, — продолжалъ спокойно Тобіасъ, — и порѣшили оправдать этого мерзавца, Крэга!

— Оправдать?

— Ну, да! Но я-то не могъ допустить этого!

— Вы?

— Разумѣется! Я вѣдь честный человекъ! Мы съ вами условились, что въ случаѣ, если Крэга закатаютъ на десять лѣтъ, я получаю тысячу долларовъ. И я битыхъ пять часовъ возился съ этими тушицами, покуда мнѣ не удалось взять ихъ изморомъ! Я-то вѣдь жилистъ и выносливъ. Я сказалъ имъ: вы, идіоты, проголодаетесь и понадаете въ обморокъ, а я въ усъ себѣ не буду дуть, и я настою на своемъ! Вы хотите оправдать Крэга, а я обязанъ закатать его на десять лѣтъ.

«И, какъ видите, я побѣдилъ. Я сдержалъ свое слово, и я честно заработалъ съ васъ тысячку! Гэ?

РАСКАЖЕТЕ ли вы намъ, Вэкъ, о томъ, какъ вы въ Лондонѣ боролись съ пресловутою итальянскою разбойничьею шайкою, носящею имя «Черной Руки»?

— Нѣтъ! — коротко и сухо отвѣтилъ мнѣ мой пріятель, докторъ Пауль Вэкъ.

— Но почему же, Вэкъ?

— Не люблю болтать. Да вы можете, Кирвудъ, все узнать отъ вашего кузена, Барри. Мальчикъ участвовалъ въ этомъ дѣлѣ. Изъ него будетъ толкъ, насколько я могу судить по его первымъ шагамъ. Но боюсь, что вообще-то говоря, женившись на Молли Вертонъ, онъ облѣнится и ниче! не сдѣлаетъ.

— Почему же, Вэкъ, вы не сдѣлаете, женившись, что-нибудь для Барри? Вудъ при вашей благодѣтельной помощи, Вэкъ? — засмѣялся онъ.

Вмѣсто отвѣта Вэкъ только пожалъ плечами.

— Недолгобивою я женатыхъ людей! — проворчалъ онъ минутой спустя.

— Почему, Вэкъ?

— Потому что они любятъ слушать рассказы, но не принимать участіе въ разнаго рода... комбинаціяхъ.

«Этотъ самый вашъ кузенъ Барри, ей Богу, держалъ себя молодцомъ въ исторіи «Черной Руки». Но для меня теперь является вопросъ: почему именно? Не оказался ли онъ, такъ сказать, героемъ лишь въ силу того, что рѣчь шла о спасеніи его собственной невѣсты?»

«А будъ это не Молли Вертонъ, а какая-нибудь совершенно посторонняя личность? Человѣкъ, участіе котораго Барри не интересовалось бы ни въ малѣйшей степені? Что тогда?»

«Работалъ ли бы онъ со мною?»

«Шелъ ли бы онъ на рискъ?»

«Былъ ли бы онъ такъ энергиченъ, остороженъ, смѣлъ?»

— Не вѣмъ же, Вэкъ, обладать такими качествами, какими обладаете вы! — кольнулъ я слегка моего пріятеля.

Но онъ остался равнодушнымъ къ этому уколу.

— Глупости, Кирвудъ! — сказалъ онъ. — Глупости, и больше ничего. То-то и бѣда, что въ современномъ обществѣ все меньше и меньше такихъ людей, какъ я, и все больше такихъ, какъ вы!

«Это общество не хочетъ утруждать свой мозгъ работою самостоятельнаго, серьезнаго мышленія. Поэтому оно обзавелось цѣлою арміею газетныхъ и журнальных работниковъ, на которыхъ возложило обязанность думать, мыслить, сочинять за него, за общество, а ему, обществу, подносить ежедневно опредѣленную порцію мыслительной жвачки. Это называется «общественнымъ мнѣніемъ», но въ фабрикаціи этого общественного мнѣнія само-то общество никакого участія не принимаетъ. Сочиняютъ общественное мнѣніе по собственному усмотрѣнію специально нанятые для того люди.

«Раньше общество въ полномъ своемъ составѣ заботилось о собственной самозащитѣ. Когда приходилось драться, дрались всѣ, включая женъ и дѣтей. Вспомните историческія осады хотя бы Трои, Вавилона, Иерусалима, Кароагена!

«Теперь общество содержитъ армію наемниковъ или армію солдатъ по набору и имъ поручаетъ охрану государства, а само старается спрятаться за чужою спиною.

«Каковы результаты?»

«Раньше победить какой-нибудь народ было немислимо. Его можно было уничтожить, но не победить.

«Теперь, раз врагами уничтожена армия, численно составляющая одну двухсотую часть населения, колоссальное государство чувствует себя обезсиленным, раздавленным, поднимается, не глядя, предложенный ему победителем условия, не подумав о том, о чем умели думать наши предки, то-есть о том, что: если уничтожено пять человек из тысячи, то ведь остается еще девятьсот девяносто пять человек. Если бы они поднялись, как один человек...

«Но они не могут подняться. Они не те люди, каких знал прежний мир! Возьмите другую область.

«Возможно ли существование современного общества без полиции?

— Н-н-н!

— Подумали ли, почему же? Ведь древний мир не знал полиции, по крайней мере, в нашем смысле?

— Н-н-н, не думал!

— Так я вам расскажу! Потому что в древности все и каждый учились защищать себя, свой очаг, свое достоинство. Конечно, и тогда людям для технических удобств приходилось держать известное число специалистов по охране. Но количественно эти специалисты были ничтожны.

«Потому что все умели защищать себя и помогать своим соседям.

«Теперь мы разучились делать это. И мы вынуждены содержать целую армию полицейских, и мы вынуждены доверять им нашу безопасность целиком, совершенно устранив от всякого вмешательства в их работу.

«Если у вас украдут миллион. Что делаете вы?

— Я?

— Да, вы?

— Я... я дам знать в полицию!

Вот засмехался.

— Да, да! Вы дадите знать в полицию. Полиция пришлет пару сыщиков. Сыщики примутся опрашивать вас, вашу прислугу.

«Вы им сообщаете хорошую награду и сами спокойно уйдете в

Нищу или куда-нибудь. Потому что, видите ли, вам слишком скучно заниматься поисками пропавшего, да если бы вы и занялись, то, пожалуй, от этого толку бы никакого не было. Вы бы только путали, мшались, потому что...

— Потому что это не мое дело!

— Что, собственно, не ваше дело? Искать украденное у вас имущество? Гм! На этот счет можно держаться и иного мнения!

— Парадоксы, Бэк!

— Парадоксы? Может-быть, может-быть!

«Но вот вы поговорите с Барри! Он расскажет вам историю того, как мы боролись с лондонским отделеением пресловутой «Черной Руки».

«И тогда вы кое-чему научитесь, если, вообще говоря, вы только способны чему-нибудь научиться, Гарри, не в обиду вам будь сказано!

На этом наш разговор о «Черной Руке» и закончился. Я не желал особенно приставать к Бэку с просьбою рассказать о «комбинации», ибо знал, что это не поможет. Но зато, когда мой кузен Барри Лонгвуд как-то явился к нам, я усадил его и заставил дать мне полный и подробный отчет о происшествии.

При этом я имел в виду особую цель: Бэк терпеть не может писать о своих похождениях, считая это несовместимым с собственным достоинством. Барри такой же лодырь, как и я сам, и написать хоть страницу для него трудно, чем проехать на велосипеде сто километров. Значит, один из интереснейших эпизодов деятельности «детектива добровольца» Пауля Бэка, этого страшнейшего врага темного мира, может остаться навсегда для мира. А это было бы больше жаль: ведь о Бэке и так мир знает слишком мало.

Правда, с другой стороны, я как будто превращаюсь в придворного летописца подвигов моего странного приятеля, и Маргарита, моя жена, иной раз, конечно, шутя, называет меня «историографом Пауля Бэка».

Но что же, если и так?

Лучше быть историографом, чем просто бить баклуши...

Итак, Барри рассказал мне все, а я по возможности тщательно записал его рассказ, несколько обработав его. О том, насколько мне это удалось, пусть судит мой читатель.

Я же предлагаю вниманию читателя только своего рода «человеческий документ».

* * *

Что такое «Черная Рука»?

Об этом разбранившем обществом фигурирует бесчисленное множество рассказов самого фантастического содержания. Сложился целый цикл легенд и сказок, большая часть которых, однако, основана не на фантазии, а на зерне истины.

Вообще, в Западной Европе, не включая, понятно, Балканский полуостров, живущий особенною жизнью, нигде не сильна так преступность, как в Италии, нигде не низок так уровень общественной безопасности.

Может-быть, это, как объясняют сами итальянцы, остатки древности, обломки которой уже разрушенной Италией была изрублена на отдельные куски, и каждый кусок живет своею жизнью, независимо от соседних кусков и стремится во имя инстинкта самосохранения как можно больше ослабить соседей.

Может-быть, это, результат того, что одно из древнейших племен, итальянское, подверглось сильнейшему процессу вырождения дегенерации.

Тут будет неуместно разбираться с этим вопросом.

Факт налицо: Италия наших дней — могущественное государство, цивилизация Италии высока, благосостояние народных масс быстро растет. И, тем не менее, и в наши дни Италия представляет на весь цивилизованный мир фальшивомонетчиков, поножовщиков, в Италии продолжают существовать и процветать правильно организованные и удивительно живучие преступные ассоциации, постоянно заставляющие говорить о себе.

Это неаполитанская каморра и сицилийская мафия.

Средним, связующим звеном является «Черная Рука», оперирующая не только на юге Италии, но и везде, где имеются более или менее богатые итальянские колонии.

Главную территорию для деятельности «Черной Руки» является Северная Америка, где «Черная Рука» положительно терроризирует общество.

Суть ее деятельности — вымогательство денег у сочленов итальянской колонии. Колония буквально обложена правильно податью в пользу «Черной Руки». Кто не платит, тот умирает. «Черная Рука» не знает пощады.

Были попытки «Черной Руки» распространиться и на континент. Вспыхнули сомнений, в Марсель, Лион, Париж отделения «Черной Руки» работают, по крайней мере, периодически.

В Лондоне «Черная Рука» появилась уже несколько раз, но английская почва не очень благоприятна для подобных экспериментов, и после десятка двух предприятий агенты «Черной Руки» обыкновенно бывали вынуждены исчезнуть из Англии, чтобы не попасть в тюрьму.

В 1900 году «Черная Рука» заставила много говорить о себе: она принялась за поборы с разбогатевших членов итальянской колонии в Лондоне.

Несколько операций сошло удачно, но на одном деле «Черная Рука» наравлась.

У какого-то итальянца, мелкого, но зажиточного фабриканта, «Черная Рука» потребовала известную сумму. Фабрикант, который и раньше уже подвергался эксплуатации, заартачился. Он надбился на то, что ему гарантирована защита лондонской полиции, лучшей в мире. «Черная Рука» в отместку похитила единственного сына фабриканта, и через недлю отец разыскал изуродованный труп мальчика.

Общественное мнение Лондона было до крайности взволновано этою печальною и возмутительною трагедиею. Полиция выбивалась из сил. Следствие было поручено одному из виднейших

судебных дѣятелей Англии, славившемуся своею честностью Тому Бэртону.

Бэртонъ довольно скоро началъ на кое-какіе слѣды и отдалъ приказъ объ арестѣ нѣсколькихъ челоѣкъ.

Значительная часть подлежащихъ аресту людей была указана Бэртону не кѣмъ-либо инымъ, какъ министромъ Паулемъ Бэкомъ, знаменитымъ «истребителемъ преступниковъ».

Въ числѣ арестованныхъ находился молодой красавецъ, настоящій итальянскій графъ и одновременно офицеръ итальянскаго королевскаго флота, имѣвшій доступъ во всѣ свѣтскіе салоны Лондона вплоть до салоновъ весьма высокопоставленныхъ лицъ.

Арестъ графа вызвать настоящую сенсацию: трудно было вѣрить, что въ такіа грязныя дѣла, какъ вымогательства съ убійствами, окажется замѣшаннымъ молодой аристократъ, блестящій офицеръ, связанный родствомъ съ очень вліятельными итальянскими аристократическими фамиліями.

Собственно, настоящихъ уликъ противъ арестованнаго не было. Были только улики косвенныя, между прочимъ, то обстоятельство, что онъ оказался имѣющимъ въ своемъ распоряженіи громадныя суммы денегъ, тогда какъ документально было установлено, что его фамилія была давно до тла разорена, и у него самого имѣлось только грошовое офицерское жалованье.

Другими уликами являлось то обстоятельство, что молодой графъ и офицеръ постоянно встрѣчался съ подозрительными личностями, большая часть которыхъ безслѣдно исчезла изъ Лондона вслѣдъ за арестомъ графа.

Но Пауль Бэкъ стоялъ на своемъ, онъ далъ Бэртону слово, что въ ближайшемъ будущемъ доставитъ неопровержимыя улики виновности графа, его участія въ подломъ убійствѣ ребенка фабриканта, и Томъ Бэртонъ терпѣливо ожидалъ получения этихъ доказательствъ.

А тѣмъ временемъ «Черная Рука» дѣлала положительно геройскія усилія, чтобы спасти арестованнаго.

Планъ былъ простъ: сотоварищи графа добивались, чтобы Бэртонъ отпустилъ графа на поруки, подъ залогъ.

Разъ графъ вышелъ бы на свободу, онъ не забывая о потерѣ залога, улетучился бы изъ Лондона. Съ нимъ исчезъ бы самый главный слѣдъ «Черной Руки». Общество, несомнѣнно, на время прекратило бы свою преступную дѣятельность въ Лондонѣ, гдѣ его подвиги вызвали слишкомъ пристальное вниманіе населенія и полиціи.

Но только на время, пока не затеряются въ туманѣ прошлаго всѣ слишкомъ рѣзкіе слѣды, не позабудется первое, чересчуръ живое негодованіе населенія.

Въ защиту графа подъ разными болѣе или менѣе благовидными предлогами выступала масса лицъ.

Одни явно были орудіемъ въ рукахъ «Черной Руки» и только, боясь за себя, исполняли ея требованія. Другихъ можно было заподозрѣть въ соучастіи, но за отсутствіемъ какихъ-либо опредѣленныхъ указаній ихъ нельзя было притянуть къ дѣлу.

Въ качествѣ залога за графа были предложены колоссальныя суммы.

Но Бэртонъ поотрѣзъ отказывался отпустить преступника. Тогда «Черная Рука» примѣнила другую тактику: она стала насѣдать на самого Томаса Бэртона.

Судебный слѣдователь сталъ получать угрожающія письма отъ «Черной Руки».

Сплошъ и рядомъ приходилось положительно теряться, не зная, какъ могли дойти до Бэртона эти угрожающія письма.

Сегодня онъ получалъ ихъ въ казенномъ конвертѣ вмѣстѣ съ судебными актами изъ канцеляріи прокурора, завтра письмо, невѣдомо какимъ образомъ проникшее въ его домъ, лежало на столѣ передъ его обѣденнымъ приборомъ.

Черезъ день онъ находилъ подобное письмо подъ собственною подушкою.

Словомъ, казалось, «Черная Рука» была всевѣдущею и всемогущею, и куда уйти, спрятаться отъ нея Бэртонъ не могъ.

Содержаніе всѣхъ писемъ было одинаково: требованіе немедленно отпустить подъ залогъ арестованныхъ по дѣлу «Черной Руки». Иначе...

— Иначе вы заплатите, какъ платится всякій, который осмѣливается ступить на дорогѣ «Черной Руки».

Каждый разъ по полученіи таинственнаго посланія «Черной Руки» судебный слѣдователь совѣщался съ Паулемъ Бэкомъ, и тотъ положительно выбивался изъ силъ, чтобы раскрыть тайну. По его мнѣнію, онъ былъ уже близокъ къ этому, какъ вдругъ случилось то, чего Пауль Бэкъ не могъ предвидѣть.

У Бэртона была молодая красавица дочь Молли. Молли гостила въ провинціи у родственниковъ Бэртона. Она должна была оставаться тамъ еще нѣсколько дней или даже недѣль, какъ вдругъ до Бэртона дошла вѣсть, что Молли, внезапно вызванная его, отца, телеграммою, уѣхала въ Лондонъ.

Такой телеграммы Бэртонъ не давалъ. Телеграмма, полученная Молли, была подложною. Она была сфабрикована агентами «Черной Руки».

Къ отцу Молли не возвратилась. Она доѣхала до Лондона, это удалось установить неопровержимо, на одномъ изъ вокзаловъ взяла кэбъ, и это было установлено. Но дальше никакихъ слѣдовъ.

Впрочемъ, слѣды нашлись: черезъ два дня Бэртонъ получилъ официальное извѣщеніе «Черной Руки», что его дочь Молли похищена агентами преступнаго общества и находится въ плѣну у «Черной Руки».

— Око за око, зубъ за зубъ! — стояло въ письмѣ. — Вы стали на нашей дорогѣ, мы стремимся обезвредить васъ. «Почуда вашей дочери не угрожаетъ ни малѣйшая опасность, но только *покуда*.

«Какъ только вами будутъ переданы суду документы по дѣлу нашихъ арестованныхъ вами братьевъ, ваша дочь умретъ. Если же наши братья будутъ отпущены на свободу до суда, вы получите обратно вашу дочь. «Черная Рука».

Сначала Бэртонъ не вѣрилъ своему несчастью.

Ему казалось немыслимымъ, чтобы «Черная Рука» осмѣлилась на похищеніе Молли среди бѣлаго дня, на улицахъ Лондона, на глазахъ у безчисленной публики.

Но скоро получились и опредѣленные доказательства.

Они содержались въ собственноручномъ письмѣ Молли на имя отца, пришедшемъ изъ Парижа.

Въ письмѣ этомъ, понятно, очень короткомъ, Молли извѣщала, что она, дѣйствительно, находится въ плѣну, что съ нею обращаются сносно.

— Что скажете вы относительно этого письма, Бэкъ? — задалъ вопросъ ученому убитый горемъ отецъ похищенной дѣвочки.

— Дайте письмо. Надо его посмотреть! — отвѣтилъ спокойно Бэкъ.

— Но тутъ ничего больше нѣтъ! — нетерпѣливо отозвался Бэртонъ.

— Гмъ! Все-таки...

Повертѣвъ листокъ въ рукахъ, онъ вымолвилъ обрадованно:

— Славная дѣвушка ваша Молли, Бэртонъ! У нея есть-таки кусочекъ мозга въ головѣ! И она даетъ намъ очень серьезную нить для розыска ея настоящаго мѣстопребыванія въ Парижѣ, откуда пришло письмо.

— Кой-чортъ? При чемъ тутъ Парижъ? Я и раньше былъ убѣжденъ, что *они* спрячутъ Молли здѣсь, въ Лондонѣ, чтобы она была, такъ сказать, подъ рукою, а теперь я убѣжденъ въ этомъ въ десять разъ больше. То-есть я не убѣжденъ, а имѣю доказательства!

— Какія?

— Заявленіе самой Молли!

— Что за вздоръ! Въ письмѣ вѣдь ни слова не говорится о Лондонѣ!

— Нѣтъ, говорится! О Лондонѣ и еще о чемъ-то...

— Покажите письмо!

Бэртонъ почти вырвалъ злополучное письмо изъ рукъ Бэка, проглядѣлъ его и швырнулъ на столъ:

— Вы видите то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ! — раздраженно сказалъ онъ.

— Нѣтъ. Я только вижу то, чего вы не видите, или, правильнѣе, не замѣчаете! Возьмите мое увеличительное стекло. Посмотрите внимательнѣе. Ну, что?

Бэртонъ чуть не вскрикнулъ: разсматривая письмо въ увеличительное стекло, онъ обнаружилъ, что въ одномъ мѣстѣ между строкъ писаннаго черниломъ текста на бумагѣ имѣлись какіе-то чуть замѣтные значки. Бумага оказывалась словно поцарапанною. При болѣе внимательномъ

мательномъ обследованіи этого участка бумаги онъ прочелъ безъ особаго труда слово «Лондонъ» и часть какого-то слова «фонъ».

Для него, знавшаго отлично почеркъ дочери, не было никакого сомнѣнія, что буквы, составлявшія эту почти невидимую надпись, были выцарапаны именно рукою Молли.

— Что это значитъ, Бэкъ? — спросилъ въ глубокомъ волненіи старикъ.

— То, что Молли въ Лондонѣ. То, что мы должны искать ее тутъ!

— Но въ Лондонѣ нѣсколько милліоновъ жителей, нѣсколько сотъ тысячъ всякаго рода зданій! А у насъ такъ мало времени! Я уже на-дняхъ долженъ передать акты для преданія суду всѣхъ арестованныхъ!

— Нѣсколько дней? За нѣсколько дней можно сдѣлать многое!

— А если они убьютъ Молли?

— Не посмѣютъ и не успѣютъ! Я отыщу ее! — съ непоколебимою увѣренностью отвѣтилъ Бэкъ.

И потомъ добавилъ:

— Держу пари, что завтра вы получите еще какое-нибудь новое посланіе отъ «Черной Руки».

Словно въ отвѣтъ на эти слова кто-то постучалъ въ дверь кабинета Бертонъ, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ.

— Войдите! — крикнулъ Бертонъ.

— Письмо съ почты! — произнесъ слуга, вошедшій къ комнатѣ.

Нетерпѣливо Бертонъ разорвалъ конвертъ, убѣдившись предварительно, что письмо съ французскою маркою и имѣетъ штемпель парижскаго почтамта.

«Милостивый государь! — стояло въ этомъ письмѣ. — Надѣмся, вы поняли, что ваша игра проиграна. Козыри въ нашихъ рукахъ, и вы должны подчиниться нашимъ требованіямъ. О вашемъ рѣшеніи просимъ увѣдомить нашего уполномоченнаго, синьора Анджело Кардотти. Мы сообщаемъ вамъ его временный парижскій адресъ: улица Расинъ, Отель-Расинъ, номеръ 11. Убѣждены, что вы не попробуете увѣдомлять объ этомъ адресѣ полицію. Съ одной стороны это будетъ совершенно бесполезно, ибо наши другіе абсолютно гарантированы отъ ареста, иначе, раз-

умѣется, мы не были бы столь неосторожны, чтобы сообщить его адресъ. Съ другой стороны, ваше обращеніе въ полицію повлечетъ за собою немедленно смерть вашей дочери.

«Итакъ, мы ожидаемъ сообщенія о томъ, къ какому рѣшенію вы придете по адресу указаннаго лица въ теченіе двухъ слѣдующихъ сутокъ.

«Черная Рука».

— Что мнѣ отвѣтитъ этимъ негодяемъ? — спросилъ Бэкъ Бертонъ.

— Садитесь, пишите! — отвѣтилъ тотъ, флегматично покуривая неразлучную трубочку.

Бертонъ написалъ подъ диктовку Бэка слѣдующее письмо.

«Милостивые государи!

«Ваши письма мною получены. При-знаю, что вы доставили мнѣ неоспоримыя доказательства моего пораженія и почти убѣдили меня въ необходимости съ моей стороны подчиниться вашимъ требованіямъ. Но передо мною лежитъ ужасная дилемма: или потерять мою дочь, или потерять мою честь, измѣнить моему священному долгу.

«Прежде, чѣмъ рѣшиться на это, я долженъ знать точно всѣ условія. Гарантирую честнымъ словомъ синьора Кардотти или любому вашему представителю, могущему явиться ко мнѣ для переговоровъ, что означенное лицо не будетъ задержано или арестовано въ теченіе двадцати четырехъ часовъ съ того момента, когда оно переступитъ порогъ моего дома. Поручкою вамъ въ исполненіи моего слова является то обстоятельство, что моя дочь находится въ вашихъ рукахъ и является, такъ сказать, заложницею.

Готовый къ услугамъ Томасъ Бертонъ».

— Я не подпишу этого письма! — воскликнулъ съ волненіемъ злополучный судебный слѣдователь.

— Вы подпишите его! — отвѣтилъ спокойно Бэкъ.

— Я долженъ арестовать негодяя, какъ только онъ появится тутъ!

— Ничуть не бывало!

— Я долженъ, по крайней мѣрѣ, послать за нимъ вслѣдъ сыщиковъ! А это будетъ нарушеніемъ условія!

— Ничуть не бывало!

— Объяснитесь!

— Арестовать Кардотти, не узнавъ, какую роль онъ играетъ, было бы не только бесполезно, но даже вредно. Посылать за нимъ сыщиковъ — спугнуть всю шайку. Совершенно достаточно будетъ, чтобы вы представили мнѣ возможность одинъ разъ взглянуть на него. Это не будетъ ни нарушеніемъ договора, ни предательствомъ.

— Что же вы думаете дѣлать?

— Покуда не рѣшилъ. Тамъ послѣ будетъ видно. Я уже выработалъ планъ дѣйствій!

— Могу узнать, на какихъ основаніяхъ?

— Гмъ... Собственно, мнѣ слѣдовало бы, покуда планъ не оформленъ окончательно, не дѣлиться деталями... Но вамъ, пожалуй, я скажу: тутъ сыграетъ роль телефонъ!

— Какой телефонъ?

— Телефонъ, имѣющійся на квартирѣ синьора Кардотти!

— Въ Отель-Расинъ въ Парижѣ?

— Вздоръ! Я говорю про телефонъ въ его домѣ, здѣсь, въ Лондонѣ, потому что синьоръ Кардотти пребываетъ именно здѣсь, и именно въ его квартирѣ находится въ плѣну Молли.

— Откуда вы это знаете?

— Отъ Молли! Помните, что она нацаралала на письмѣ

— Помню! Слова «Лондонъ» и «фонъ».

— Что можетъ значить это послѣднее, какъ не окончаніе слова «телефонъ»?

— Гмъ, можетъ-быть, вы и правы, Бэкъ. Но вѣдь въ Лондонѣ до пятидесяти тысячъ абонентовъ телефона!

— Такъ. Но сверхъ пятидесяти тысячъ есть вашъ, Бертонъ, домашній телефонъ! И безъ особыхъ затрудненій можно будетъ установить адреса всѣхъ лицъ, которые будутъ пытаться говорить по телефону съ вами!

— Если они не будутъ пользоваться телефонами ресторанными, театральными, конторскими и такъ далѣе!

— Конечно, возможно и это, но гораздо болѣе шансовъ, что будетъ пущено въ ходъ именно телефонъ домашній! Но мнѣ некогда тратить время. Пишите письмо на имя директора телефонной центральной станціи, и я исчезну!

Пять минутъ спустя, Бэкъ уже покинулъ Бертонъ. Старикъ сидѣлъ, глядя на письмо дочери, и крупныя слезы катились по его морщинистымъ щекамъ.

Письмо Бертонъ было своевременно отправлено по парижскому адресу синьора Кардотти. Покуда оно шло по назначенію, Бэкъ не терялъ времени даромъ: онъ овладѣлъ дѣло съ директоромъ центральной телефонной станціи, и за телефономъ Бертонъ былъ установленъ специальный надзоръ.

На другой день, вскорѣ послѣ прибытія въ Лондонъ дуврскаго экспреса, какой-то стройный, элегантно одѣтый смуглолицый молодой человѣкъ позвонилъ у дверей Бертонъ и былъ немедленно впущенъ въ кабинетъ судебного слѣдователя.

Вошелъ онъ туда совершенно спокойно, поклонился съ изысканною вѣжливостью.

— Мое имя Анджело Кардотти! — сказалъ онъ вѣжливымъ томнымъ голосомъ.

— Прошу пожаловать! Садитесь! — пригласилъ его Бертонъ.

— Я привезъ поклонъ вамъ отъ вашей дочери! — продолжалъ, усаживаясь, итальянецъ.

— Благодарю! Она здорова?

— Она отлично чувствуетъ себя! Какъ только закончится наша комбинація, вы увидите миссъ Молли въ воительномъ здравіи...

— Гмъ!

— Да, да! Не думаете ли вы, мистеръ Бертонъ, что мы вульгарные хулиганы, могущіе позволить себѣ недостойное обращеніе съ молодою дамою?

— Гмъ, гмъ!

— Можете, впрочемъ, думать, что угодно, но я могу съ своей стороны заверить васъ, что только печальная необходимость заставляетъ насъ прибѣгать къ экстраординарнымъ мѣрамъ...

— Въ родѣ убійства дѣтей, напримеръ? — саркастически улыбнулся старикъ, сжимая кулаки. Онъ испытывалъ неудержимое желаніе броситься на элегантнаго негодяя, сидѣвшаго передъ нимъ въ спокойной позѣ и бить, и душить его, и топтать его тѣло.

Но итальянец обладал огромною выдержкою. Он не терял ни на мгновение присутствия духа и попрежнему говорил ровным, спокойным, тоным и певучим голосом.

— Но ведь это исключительный случай, сэр! Обыкновенно мы достигаем своих целей простым обменом строго корректной корреспонденции с заинтересованными лицами... Но перейдем к делу, с вашего позволения! Итак, вы соглашаетесь ли на известную комбинацию?

— Н-нет... да... Я должен подумать!

— О, конечно! В вашем распоряжении еще пять или шесть дней, сэр! Ведь, если не ошибаюсь, вы только в начале следующей недели обязаны передать документы прокурору? Мы подождем, мы подождем...

«Но вы желали поговорить со мною лично? Я к вашим услугам!»

— Не согласитесь ли вы отпустить мою дочь на свободу за выкуп?

— Денежный? — улыбнулся Кардотти.

— Да. Я не богат, но я могу уплатить вам немедленно двадцать тысяч фунтов стерлингов!

— Полмиллиона франков? Гм! Сумма, признаюсь, не мала, но...

— Но что же?

— Но статуты нашего общества категорически воспрещают подобную сделку...

— Категорически?

Что-то мелькнуло во взоре Кардотти. Повидимому, он соображал, не представляется ли возможным пойти на предложенную комбинацию. Разумеется, «Черная Рука» не могла пожертвовать головами арестованных сочленов. Но, с другой стороны, развѣ нельзя было попытаться и получить выкуп за Молли Вертонъ и найти еще какой-нибудь новый путь для освобождения арестованных?

— Надо подумать... то-есть я должен буду доложить ваше предложение... старшим. Они обсудят... Мы оповѣстимъ васъ.

— Письмомъ?

На мгновение Кардотти задумался.

— Сноситься письмами и по телефону ужасно долго! — сказалъ онъ. — Мы можемъ снести въ вамъ по телефону изъ Париза! Ведь у васъ есть тутъ телефонъ? Да? Ну, и отлично!

— Когда вы дадите мнѣ отвѣтъ? — Немедленно послѣ постановленія нашего совѣта! Это будетъ завтра послѣ полудня, ибо я долженъ успѣть въ Парижъ, чтобы принять участіе въ совѣщаніи...

— Хорошо!

— Но и вы съ своей стороны подумайте! — продолжалъ итальянецъ, поднимаясь. — Я думаю все же, что болѣе подходящею является комбинація номеръ первый!

— То-есть?

— Свобода вашей дочери за свободу моихъ друзей! То-есть, правильнѣе сказать, за отпускъ ихъ на поруки, подъ солидный залогъ, и такъ далѣе...

— Хорошо! Я тоже подумаю!

— И когда я завтра буду съ вами говорить по телефону, вы мнѣ дадите отвѣтъ о вашемъ окончательномъ рѣшеніи?!

— Разумѣется!

Итальянецъ сдѣлалъ элегантно поклонъ и спокойно покинулъ кабинетъ слѣдователя.

На улицѣ онъ оглянулся. Никто не преслѣдовалъ его. Никто не обращалъ на него вниманія.

Въ ближайшей улицѣ онъ сѣлъ въ вагонъ электрическаго трамвая, на перекресткѣ всталъ, пересѣлъ въ кабъ, проѣхалъ нѣсколько улицъ. И, окончательно убѣдившись, что за нимъ не слѣдятъ, затерялся въ лабиринтѣ лондонскихъ улицъ и переулковъ.

Онъ и не подозревалъ, что отворявшей ему двери Вертонъ дряхлый лакей въ порядочно-таки потертой ливреѣ, человекъ съ выхоленными сѣдыми бакенбардами и дрожащими коричневыми руками, какъ двѣ капли воды схожій съ Тоби, камердинеромъ судебного слѣдователя, былъ не Тоби, а Пауль Бэкъ, знаменитый ученый и «истребитель преступниковъ».

— Ну, видѣли вы его? — нетерпѣливо спросилъ Пауль Бэкъ Вертонъ, когда Бэкъ, снявъ ливрею Тоби, вошелъ въ кабинетъ слѣдователя.

— Видѣлъ. И узналъ! — спокойно отвѣтилъ Бэкъ.

— Какъ? Вы видѣли его и раньше?

— Разумѣется! Мы съ нимъ даже довольно дружны!

— Вы? Съ нимъ? Дружны?

— Что васъ удивляетъ, дружище?! — сухо засмѣялся Бэкъ.

— Послушайте!

Вы говорите невозможныя вещи!

— Самыя обыкновенныя! Вы забываете, что я лично видѣлъ тоже принадлежу къ составу, правда, подчиненныхъ агентовъ «Черной Руки»!

— Вы?

— Да. Съ прошлаго года! И я пользуюсь нѣкоторымъ довѣріемъ, но, признаться, очень ограниченнымъ. Мнѣ до сихъ поръ довѣряли только совершенно незначительныя, мелкія порученія и за мною очень строго наблюдали въ Парижѣ и въ Ниццѣ.

— Но гдѣ же вы познакомились съ...

— Съ синьоромъ Кардотти, хотите вы сказать?

— Да!

— Въ Парижѣ, у одной очень популярной красавицы-артистки, которая покровительствовала этому бѣдному молодому человѣку изъ лучшаго римскаго общества!

— Изъ лучшаго общества?

— Да. Потому что синьора Кардотти видѣ не существуетъ. Это только псевдонимъ. Какъ фамилія вашего главнаго арестанта, Вертонъ?

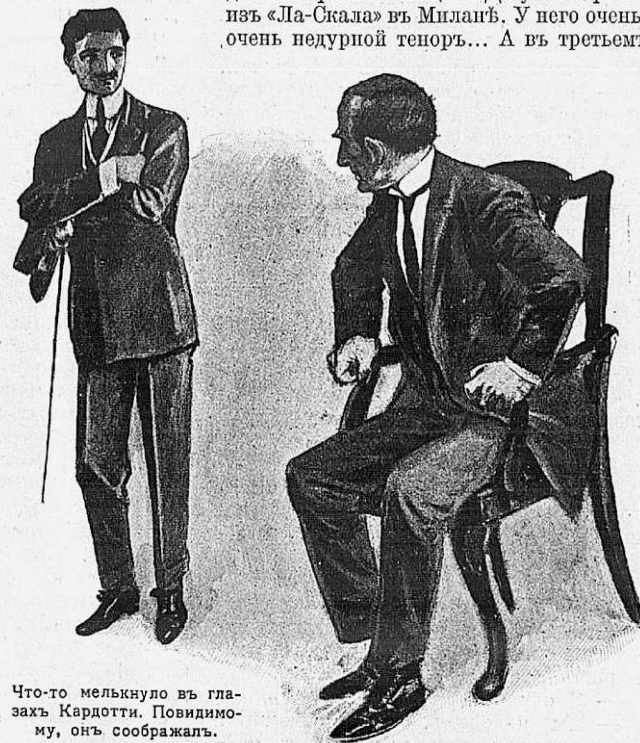
— Графъ Санъ-Бартоломэо? Развѣ вы забыли?

— Не совсѣмъ. Я только хотѣлъ сказать, что и вашего гостя зовутъ точно

такъ же. Это старшій братъ Санъ-Бартоломэо!

— Господи!

— Мало того, — продолжалъ спокойно Бэкъ, — въ другомъ мѣстѣ я познакомился съ нимъ, какъ съ многообещающимъ и избалованнымъ славою молодымъ опернымъ певцомъ Джузеппе Ориони изъ «Ла-Скала» въ Миланѣ. У него очень, очень недурной теноръ... А въ третьемъ

Что-то мелькнуло въ глазахъ Кардотти. Повидимому, онъ соображалъ.

мѣстѣ я былъ представленъ ему какъ художнику-портретисту Аттілио Маринони изъ Венеціи... И, увѣрю васъ, Вертонъ, онъ, дѣйствительно, не дурно и совсѣмъ не по-дилетантски владѣетъ кистью, такъ что, если бы захотѣлъ, онъ могъ бы отлично зарабатывать живописью. Но онъ предпочелъ...

— Что именно?

— Сдѣлаться генеральнымъ комиссаромъ «Черной Руки» для Лондона. Ему, видите ли, покровительствуетъ его почтеннѣйшій дядюшка. 1

— То-есть?

— Его эминенция, кардиналь Руффо-ди-Кастелли-Векки.

— Кардиналь?

— Главарь римского отделения той же «Черной Руки». Почему вы дѣлаете такіе большіе глаза, Бертонъ? Господи! Вы, очевидно, не знаете, что всего полвѣка назадъ главарями неаполитанской каморры были... премьеръ-министръ неаполитанскаго королевства и даже...

— И даже сами короли Неаполя. Почтеннѣйшіе и добродѣтельнѣйшіе короли бурбонской династіи! Но оставимъ это! Перейдемъ къ текущимъ дѣламъ. Мнѣ, видите, очень важно было установить, кто будетъ вести переговоры съ вами по поводу освобожденія Молли. Теперь я знаю все, что мнѣ нужно, и сейчасъ же примусь дѣйствовать. Прощайте, Бертонъ!

— Вы рассчитываете теперь узнать адресъ Кардотти?

— Нѣтъ еще! Я узнаю адресъ, вѣроятно, только завтра! Прощайте, прощайте.

— Прощайте!

И они разстались.

На слѣдующій день часовъ около трехъ пополудни Бертонъ, оставшійся дома, былъ вызванъ къ телефону.

— Алло! Кто говоритъ? — откликнулся онъ.

— Это я, Кардотти! — услышалъ судя по слѣдующимъ словамъ и по тону голоса вчерашняго гостя.

— Я слушаю!

— Мы находимъ, что комбинація, вами предложенная, можетъ быть осуществлена при извѣстныхъ условіяхъ.

— То-есть?

— О, пустяки! Собственно, денежный вопросъ!

— Я слушаю!

— Вамъ достаточно удвоить сумму!

— Дать сорокъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ или около милліона франковъ. Скажемъ, для круглаго счета милліонъ. И все покончено... Объ остальномъ...

— А затѣмъ?

— Затѣмъ? Затѣмъ заявить о своей болѣзни и передать документъ другому лицу, которое будетъ назначено вашимъ

преемникомъ. Объ остальномъ мы позаботимся уже сами.

— Милліонъ?

— Что? Вы находите, что это много?

— Мнѣ трудно собрать деньги... такъ скоро!

— О, время еще есть! Вы извѣстите насъ черезъ три дня. Аддье.

— Аддье!

Черезъ полчаса въ кабинетъ Бертонъ ворвался Бэрри Лонгвудъ, женихъ Молли. За нимъ, спокойно улыбаясь, шелъ его менторъ, Бэкъ.

— Ну? — спросилъ Бертонъ пришедшихъ.

— Не волнуйтесь, Бертонъ! — оставилъ его Бэкъ. — Я оказался правъ!

— То-есть?

— Съ вами говорили по телефону не изъ Парижа, а изъ Лондона!

— Изъ какого-нибудь кафе?

— Изъ частнаго дома. Улица, номеръ уже извѣстенъ.

— И что же?

— Мы съ Бэрри отправляемся на рекогносцировку туда!

— Почему не посылаете полицію?

— Потому что полиція только испортитъ дѣло! Она попытается силою освободить вашу дочь. А въ домѣ сидятъ итальянскіе кавалеры, артисты кинжала и удавки, которые имѣютъ порученіе убить Молли при первой же попыткѣ кого-либо посторонняго проникнуть туда!

— Но что же сдѣлаете вы, Бэкъ?

— Посмотримъ! Сдѣлаю, что будетъ можно! Вы только не волнуйтесь! Да приготовьтесь встрѣтить Молли!

«Идемте, Бэрри! Намъ нельзя терять времени!»

Вечеромъ того же дня въ одномъ изъ новыхъ, еще только застраивавшихся изящными коттеджами кварталовъ на окраинѣ Лондона появился обозъ съ домашними вещами и мебелью: какой-то новешенькій коттеджъ былъ снятъ сегодня, и два жильца перебрались туда.

Одинъ это былъ пожилой мужчина, краснолицый, пестро, крикливо и вульгарно одѣтый, какъ одѣваются только разбогатѣвшіе мелкіе торговцы и барышники. Другой былъ молодой, атлетически сложенный человѣкъ.

Это были тщательно переряженный Пауль Бэкъ, въ совершенствѣ игравшій роль торговца, и великолѣпно загримированный Джеймсъ-Бэрри Лонгвудъ, женихъ Молли Бертонъ.

Новоприбывшіе занялись при помощи носильщиковъ приведеніемъ въ порядокъ коттеджа. Ихъ фигуры мелькали по двору и саду. И повсюду раздавался скрипучій, крикливый голосъ «торгаша».

Онъ хохоталъ, онъ хлопалъ себя по ляжкамъ, онъ вслухъ хвастался своимъ богатствомъ, общалъ все перестроить въ коттеджъ, вырыть на дворѣ прудъ, поставить новую бесѣдку, перекрасить по своему вкусу заборъ.

— Ты увидишь, Гарри, ты увидишь! — кричалъ онъ. — Не говори мнѣ о рабочихъ! Я ничего не хочу слышать о рабочихъ! Горе Англіи и заключается въ томъ, что она имѣетъ слишкомъ много рабочихъ, которые вовсе не умѣютъ работать, какъ работали въ доброе старое время, когда не знали этихъ проклятыхъ стачекъ и забастовокъ! Вотъ ты увидишь, какъ настоящіе рабочіе работаютъ, когда я возьмусь за дѣло!

Въ сосѣднемъ коттеджѣ, зданіи очень представительной внѣшности, не было, казалось, и признаковъ жизни. Только отъ времени до времени изъ-за занавѣсокъ второго этажа смутно видѣлись чьи-то лица.

— Они подглядываютъ за нами! — шепнулъ осторожно Бэрри, обращаясь къ Бэку и взглядомъ показывая въ сторону сосѣдняго коттеджа.

— Обрати вниманіе на два окна, которыхъ никто не отворилъ ни разу за это время и окна которыхъ кажутся очень пыльными! — въ отвѣтъ ему промолвилъ Бэкъ. — Эти окна снабжены желѣзными рѣшетками!

— Значитъ...

— Ты хочешь сказать, что именно тамъ помѣщается твоя Молли?

— А вы какъ думаете?

— Приблизительно такъ же! Потому-то я и нанялъ именно этотъ коттеджъ, а не тотъ, что стоитъ справа. Тамъ нѣтъ ни одного окна съ рѣшеткою. Но тутъ не одно помѣщеніе, пригодное служить въ видѣ тюрьмы, а два. И, вѣроятно, одно изъ нихъ пусто.

— Почему вы такъ заключаете, Бэкъ?

— Потому что сейчасъ въ немъ мелькнула тѣнь. Тамъ есть человѣкъ!

— Заключенный?

— Нѣтъ! Тюремщикъ, а не заключенный! Я убѣжденъ, что заключенному, напримѣръ, Молли или мнѣ, эти палачи ни за что не дали бы возможности приблизиться къ окну. То-есть они держали бы насъ на привязи, можетъ-быть, въ цѣняхъ. Нѣтъ, Молли сидитъ во второй комнатѣ, окно которой ближе къ углу дома. Надо будетъ еще произвести кое-какія развѣдки. Я не люблю дѣйствовать наобумъ, мой мальчикъ, и совѣтую и тебѣ приучиться всегда раньше подумать, и потомъ уже приступать къ выполненію плана, а не бросаться слѣпо въ опасность. Сила хороша въ открытомъ бою, а не тамъ, гдѣ противъ силы противопоставляютъ и силу и хитрость, и, пожалуй, хитрости еще больше, чѣмъ силы. Надо отдать должное сочленамъ этой шайки, среди нихъ имѣется очень и очень много людей съ хорошими мозгами, способными на самыя остроумныя комбинаціи.

«Охотно признаюсь, что въ этой именно средѣ мнѣ пришлось встрѣтить не мало такихъ джентльменовъ, справиться съ которыми сплошь и рядомъ оказывалось для меня чрезвычайно трудно. Теперь ихъ организація сильно разстроена. Добрая половина серьезныхъ работниковъ арестована. Надвигается вопросъ о полной ликвидаціи континентальныхъ отдѣленій «Черной Руки». Имѣю и объясняется, что почтеннѣйшій графъ Санъ-Бартоломео и его братецъ Анджело, оставшіеся безъ «вѣрныхъ» людей, надѣлали не мало промаховъ. Только этими промахами и объясняется провалъ самого графа да отчасти и невѣроятно дерзкій ударъ, нанесенный сэру Томасу «Черною Рукою» съ рискомъ при неудачѣ жестоко поплатиться.

— И они поплатятся! — съ дикою энергію прошепталъ Бэрри Лонгвудъ.

— Потихоньку! — предостерегъ его Бэкъ. — Не горячись, мой мальчикъ! И Заруби себѣ это на носу: не вноси личной ненависти въ такія предпріятія, какъ наше нынѣшнее.

«Мы имѣемъ дѣло съ первоклассными проками, только до известной степени растерявшимися и потому сдѣлавшимся уязвимыми.

«Но чтобы побѣдить ихъ, мы и сами должны до послѣдняго момента оставаться только проками. То-есть обладать здравымъ разсудкомъ, способностью хладнокровно размышлять, все взвѣшивать, все учитывать!

— Хорошо это говорить вамъ, Бэкъ! — вздохнулъ молодой человѣкъ.

Бэкъ въ отвѣтъ только улыбнулся.

Утромъ на другой день Бэкъ позволилъ у дверей таинственнаго коттеджа.

Вышедшему слугѣ онъ сказалъ раздраженнымъ тономъ:

— Послушайте! Что это за безобразіе?

— Что случилось? — угрюмо отозвался тотъ.

— Я не спалъ всю ночь!

— Бессонница?

— Да, бессонница! По вашей милости!

— То-есть?

— То-есть вы тутъ по ночамъ котлеты рубите, дрова колете, чортъ знаетъ что выдѣлываете! Земля трясется! Я перенесся сюда для отдыха! Я имѣю право!

— Не мое дѣло! — отозвался угрюмый слуга. — Доложу хозяину!

— Да, да, доложу хозяину! — закричалъ Бэкъ! — Я самъ бы поговорилъ съ нимъ...

— Такъ кто же мѣшаетъ? Зайдите!

— Тороплюсь въ банкъ. Вы думаете, у меня только и дѣла, что съ вами объясняться?! Мнѣ завтра платежи предстоятъ! Меня тутъ положительно грабятъ! Но я не жалуюсь на это! Но если мнѣ не будутъ давать спать...

— Прощайте!

И слуга, дерзко засмѣявшись, захлопнулъ дверь передъ носомъ Бэка.

Тотъ какъ будто нерѣшительно постучалъ два-три раза въ двери, но потомъ, что-то ворча, ушелъ. Слѣдомъ за нимъ глядѣли зоркіе хищные глаза трехъ людей: одинъ былъ слуга, другой — знакомый уже намъ «синьоръ Кардотти», племянникъ кардинала Дэй-Кастелли-Вэкии, третій — атлетически сложенный приземистый итальянецъ.

— Онъ отправился въ банкъ! — шепталъ «слуга». — Завтра у него платежи. Если бы заманить его сюда, къ намъ, раньше, чѣмъ онъ расплатится... Я видѣлъ его часы. Это великолѣпный хронометръ съ брилліантовой монограммою. Такая вещь одна стоитъ до тысячи фунтовъ...

— Кажется, дѣло подходящее! — задумчиво прошепталъ «синьоръ Кардотти». — Все равно, намъ надо убираться отсюда...

— Да и вообще изъ Англіи! — проворчалъ атлетъ. — Дѣло разстраивается. Людей хватаютъ, сажаютъ въ тюрьмы. Въ этихъ проклятыхъ тюрьмахъ нѣтъ ни одного тюремщика, какихъ сотни имѣются въ Италіи. Ни бѣжать, ни переписываться съ остающимися на свободѣ, ни подготовиться къ защитѣ... Нѣтъ, «старшіе» совершенно напрасно пытаются организовать дѣло здѣсь. Я жду только, чѣмъ кончится дѣло съ твоимъ братомъ, Анджело, и какъ только онъ выйдетъ на свободу, будь я трижды проклятъ, если меня удержитъ какая-нибудь сила въ этой проклятой странѣ!

— Меня тоже! — сочувственно отозвался «слуга». — Я переселился въ Йоркъ. Тамъ наши товарищи съ работаютъ. Съ однимъ «Таммани» сколько дѣлъ можно сдѣлать, если не щепетильничашь.

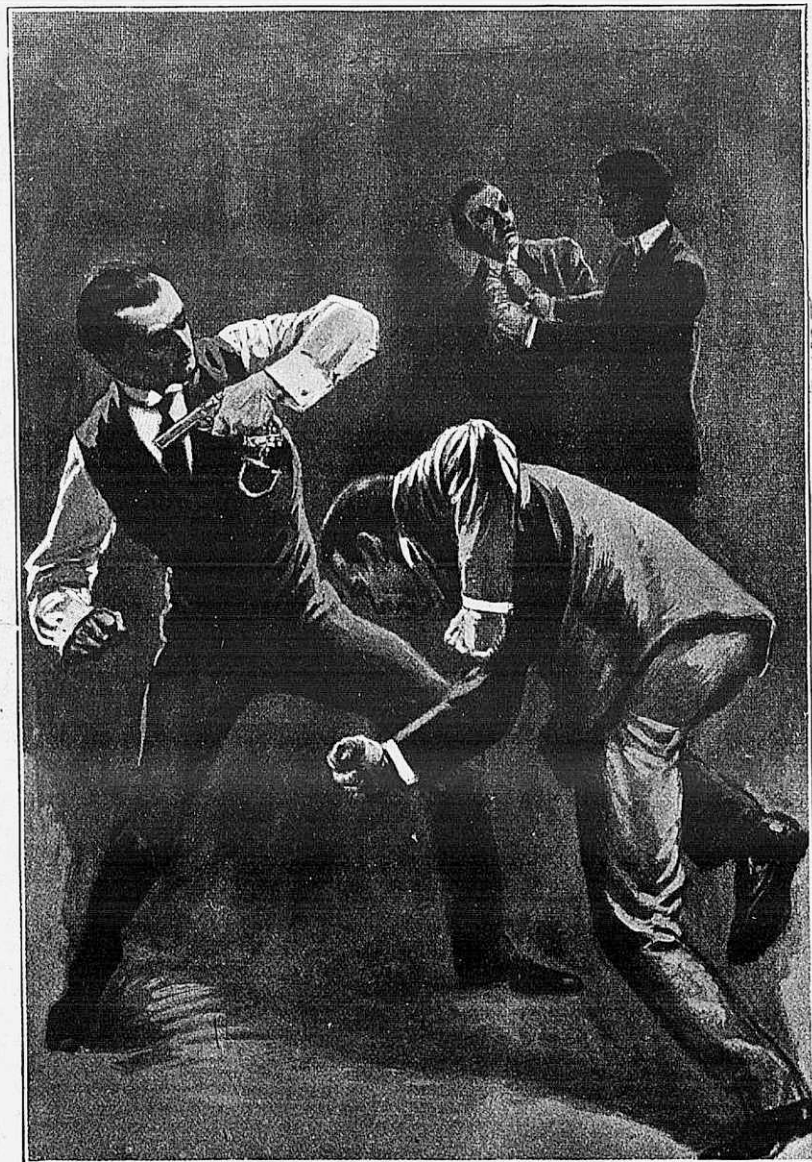
— Не трещите! — повелительно остановилъ ихъ «синьоръ Кардотти». — Мнѣ надо обдумать это новое предпріятіе. Можетъ-быть, игра вовсе не стоитъ свѣчъ! Наконецъ тутъ вѣдь два субъекта. Кромѣ старика, есть еще молодой парень!

— Онъ ушелъ раньше старика! Старикъ, можетъ-быть, зайдетъ на обратномъ пути. Если такъ, то молодому и въ голову не придетъ искать этого болвана тутъ...

— Посмотримъ!

Но ожиданія грабителей не оправдались: «болванъ» Бэкъ и «глупый парень» Вэрри Лонгвудъ вернулись въ коттеджъ вмѣстѣ, и Бэкъ не заходилъ къ сосѣдямъ.

Зато вечеромъ, если бы Санъ-Бартоломео и его товарищи обладали умѣніемъ видѣть и слышать сквозь стѣны,

«Слуга» бросился на Бэка, не обращая вниманія на то, что у Бэка въ рукахъ револьверъ.

они услышали бы любопытный разговор, живо касавшийся их самих.

— Но помни же, мальчишки! Ни малейшей неосторожности и ни малейшего отступления от моих инструкций. За ошибку я могу поплатиться жизнью, а Молли и того хуже!

— Ладно! Не ошибусь! — стиснув зубы, ответил «мальчишка».

— Повтори, как именно ты будешь действовать! — сказал Бэк.

— Я утром уйду в город.

— Так? Я, провожая тебя, крикну, чтобы ты передал поклонья всем друзьям в Суссекс и получишь поохотился в течение недели. Дальше!

— Вечером я прокрадусь незамѣтно обратно, возьму этот нелѣпый мушкетер с раскрубомъ, когда взойдетъ луна и будутъ ясно видны всѣ окна сосѣдскаго коттеджа, выстрѣлю въ окно предполагаемой твоей камеры, потомъ немедленно спрячусь въ нашѣмъ коттеджѣ и буду ждать твоего сигнала.

— Ладно. Значитъ, все обложено!

— Если не сорвется!

— Едва ли! Все обдуманно, взвѣшено. «Срывается» только азартный и глупый игрокъ. Замѣть это себѣ... Но поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ!

И они заговорили о вещахъ, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ нашему разсказу и потому не могущими заинтересовать читателя.

Утромъ слѣдующаго дня все было разыграно, какъ по нотамъ: Барри въ костюмѣ туриста съ саквояжами и свертками палокъ для игры въ гольфъ и ракетокъ для лаунъ-тенниса покинулъ коттеджъ.

Бэкъ провожалъ его и долго кричалъ напутственные пожеланія. Часъ или полтора спустя, Бэкъ, разряженный, какъ павлинъ, позвонилъ у дверей таинственнаго коттеджа, занятаго итальянцами.

— Ну? — грубо сказалъ онъ открывшему ему дверь слугѣ.

— Ну? — еще болѣе грубо отвѣтилъ мнимый слуга, сотоварищъ и сообщникъ графовъ Санъ-Вартоломео.

— Вы опять тутъ устраивали кошачій концертъ ночью?

— Не мое дѣло!

— Ты докладывалъ своему хозяину, что я не потеряло этого? — задыхаясь, суча кулаки, кричалъ Бэкъ.

— Хотите — терпите, хотите — лопните! Дѣло ваше!

— Гдѣ твой хозяинъ?

— А вамъ на что?

— Я тебя научу, негодяй, какъ оскорблять англійскаго гражданина!

— Хотите наядбничать на меня? — усмѣхнулся слуга.

Бэкъ оттолкнулъ его и ворвался въ прихожую. Но едва онъ сдѣлалъ два шага, какъ шестеро сильныхъ рукъ схватились за него, кто-то подставилъ ему подножку, и во мгновеніе ока Бэкъ оказался пригвожденнымъ къ полу.

Онъ, повидимому, ошѣпшилъ. Онъ лежалъ на полу, даже не пытаясь оказывать сопротивленіе. И только съ выраженіемъ безумнаго отчаянія глядѣлъ на напавшихъ на него людей.

— Отпустите меня, джентльмены! — взмолился онъ жалобнымъ голосомъ.

— Молчи!

— Что я вамъ сдѣлалъ, джентльмены? — молилъ униженно Бэкъ своихъ тюремщиковъ. — Я никого не хотѣлъ оскорбить! Я — мирный человѣкъ!

— Молчи, дрянъ! — прикрикнулъ на него мнимый слуга, толкая его въ бокъ носкомъ сапога. — То ты лаешь, а то воешь, какъ собака, которой плети показали!

— Но чѣмъ же я провинился? — стоялъ блѣдный, какъ полотно, Бэкъ.

Не обращая вниманія на его стоны, итальянцы обыскали его, вывернувъ всѣ карманы и заглянувъ даже въ сапоги и чулки.

Добыча, ими полученная, превзошла ихъ ожиданія: въ карманахъ Бэка нашлось нѣсколько сотъ фунтовъ золотомъ и банковыми билетами, потомъ чековая книжка на имя мистера Роберта Крофта, записная книжка съ рядомъ замѣтокъ о пѣнахъ на кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей, часы съ бриллиантовой монограммою и буквами Р. К., золотой портсигаръ съ рубинами, перстни, брелоки и такъ далѣе.

— О-го! — весело засмѣялся «синьоръ Кардотти», покончивъ съ осмотромъ содержимаго кармановъ пойманнаго

«торгаша». — Намъ попался жирный фазанъ!

— Индюкъ, а не фазанъ! — презрительно фыркнулъ мнимый слуга.

— Все равно! У насъ въ рукахъ имѣется уже добра на добрыхъ двѣ съ половиною тысячи фунтовъ стерлинговъ.

— Да мы еще прижмемъ его! Пускай выкупъ заплатитъ!

— Отпустите меня, джентльмены! — стоналъ Бэкъ. — Я вамъ ничего не сдѣлалъ. Ей Богу, отпустите!

— Ладно! Отпустимъ! — иронически засмѣялся «слуга». И потомъ, связавъ веревкою Бэка по рукамъ и ногамъ, поволокъ его куда-то по коридору, на верхній этажъ, буквально втащилъ въ грязную комнату съ единственнымъ окномъ, защищеннымъ желѣзною рѣшеткою. Это была, какъ Бэкъ немедленно убѣдился, бросивъ взглядъ въ окно, именно та самая камера, въ которую онъ и рассчитывалъ попасть.

— Отпустите меня! Возьмите всѣ мои деньги, но отпустите меня! — хныкалъ онъ.

— Уже взяли, не безпокойся! — засмѣялся «слуга».

— И часы возьмите!

— Взяли!

— И... портсигаръ!

— Взяли, взяли! Не безпокойся! Обобрали тебя, какъ липку! И еще попишемъ съ тебя перышки, чваный индюкъ!

«Ну, нечего стонать! Ложись на кровать!»

И Бэкъ упалъ на грязную жалкую желѣзную кровать, покрытую какими-то лохмотьями.

«Слуга» вышелъ и снаружи задвинулъ засовъ. Дверь была массивная, окованная желѣзомъ, — словомъ, настоящая тюремная дверь.

Но странно: лицо Бэка, какъ только удалился его палачъ, сейчасъ же потеряло выраженіе испуга и растерянности. Слезы высохли, словно по волшебству, въ глазахъ загорѣлся веселый огонекъ.

«Какжется, я сыгралъ мою роль не очень плохо! — подумалъ плѣнникъ. — Теперь надо посмотрѣть, что можно предпринять!»

Лежа на кровати, онъ принялся производить странныя движенія всѣмъ тѣломъ. Веревки трепали, путы явно ослабѣвали. По лицу Бэка катился потъ, все тѣло тряслось, и грудь ходила ходуномъ, а могучія мышцы напрягались, вздуваясь словно клубки.

— Идіоты! — прошепталъ черезъ полчаса Бэкъ, со вздохомъ облегченія освобождая лѣвую руку. — Имъ бы слѣдовало поучиться у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, какъ надо связывать плѣнниковъ! Люблю Италію, но... но не уважаю итальянцевъ! Они все дѣлаютъ черезчуръ небрежно.

Съ этими словами онъ запустилъ пальцы себѣ въ ротъ и извлекъ оттуда два крошечныхъ металлическихъ цилиндра плоской формы. Именно эти цилиндры, лежа между зубами и щеками, придавали обыкновенно худому, сухому лицу Бэка полноту, округлость тучнаго человѣка и своеобразное вульгарное выраженіе.

Во мгновеніе ока Бэкъ извлекъ изъ цилиндровъ буквально микроскопическій пощичекъ, буравчикъ, пилюлку.

— Если Барри промахнется, — пробормоталъ онъ, — я управлюсь и съ этими инструментами, но возникъ будетъ слишкомъ много.

Съ этими словами онъ спряталъ ихъ подъ матрацъ и сейчасъ же засунулъ руку въ петли веревокъ. Если бы его тюремщики вошли, то никто изъ нихъ и не заподозрѣлъ бы, что Бэкъ, въ сущности, имѣетъ свободную руку.

Часа черезъ два, въ самомъ дѣлѣ, въ камеру Бэка заглянулъ «слуга». Онъ несъ съ собою подносъ съ чашками и тарелками, но не далъ ничего Бэку, ушелъ далѣе, не обращая вниманія на жалобные стоны плѣнника и мольбы хотъ ослабить петли веревокъ.

— Ладно! Полежимъ до завтра и такъ! — крикнулъ онъ, уходя.

— Несетъ завтракъ Молли! — отмѣтилъ мысленно Бэкъ.

Въ теченіе дня «слуга» два или три раза появлялся въ камерѣ Бэка, издѣвался надъ плѣнникомъ, потомъ уходилъ.

Часовъ, должно-быть, около девяти съ половиною, какъ только взошла луна,

Бэк услышал грохот ружейного выстрела. Одно из стекол его окна разлетелось вдребезги. Что-то грянуло о потолок, упало на пол.

Во мгновение ока, с быстротою, казавшеюся положительно сказочною, Бэк прыгнул с постели, зажег спичку и при ее свете отыскал на полу большую тонкую стальную трубку, разбившую его окно.

Едва он успел спрятать ее под матрац и придать узлам веревки такой вид, как будто петли совершенно не тронуты, как в дом итальянцев поднялась суматоха.

«Слуга» и сам «синьор Кардотти» выбежали на улицу и взволнованно объяснялись с пришедшим на шум полисменом.

— Это возмутительно! — надрылся «синьор Кардотти». — Я никогда не думал, что в Англии могут позволять себе такие выходки! Мыслимо ли дело допускать, чтобы какие-то хулиганы по ночам стреляли на улице?

— Смотрите! В одной из наших комнат выбито окно! — указал «слуга». Полисмен изложил желание войти внутрь дома, чтобы осмотреть, какие повреждения нанес выстрел, но итальянцы, по вполне понятным соображениям, не допустили этого почного визита, пояснив, что та комната, окно которой выбито чьим-то хулиганским выстрелом, заколочена, в ней нет ничего, кроме старой мебели.

Полсмен успокоился и ушел, пообещав утром навестить.

Едва смолкли голоса на улице, как у дверей камеры Бэка послышались торопливые шаги, и в комнату вошли «синьор Кардотти» и «слуга».

При их входе Бэк заметался на постели:

— Не убивайте меня! — стонал он. — Что я вам сделал? Почему вы стреляете в окно? Вы хотите застрелить мирного человека? Отпустите меня! Я заплачу выкуп и, клянусь, ни единого слова не скажу полиции! Только отпустите меня!

— Замолчи, трусь! — прикрикнул на него «слуга».

Итальянцы осмотрели комнату, увидели, что пол покрыт мелкими осколками стекла, нашли десяток крупных дробинок и следы отбитой зарядом мушкета Берри Лонгвуда штукатурки.

Заткнув выбитое стекло тряпками, итальянцы ушли. Они отправились в камеру номер второй, но и там не нашли ничего подозрительного.

Часам к одиннадцати дом успокоился.

Тогда Бэк, совсем освободившись от пут, принялся с нечеловеческою энергиею за работу.

Первым делом он добыл из-под матраца металлическую трубку, присланную ему Берри Лонгвудом при помощи хорошо направленного выстрела. В трубку имелся целый комплект разнообразнейших инструментов, при помощи которых с небольшою потерей времени Бэк отодвинул наружный засов двери своей камеры.

Пройдя несколько шагов по коридору, он в темноте нащупал дверь второй камеры, тихо-тихо отодвинул ее и совершенно беззвучно вошел туда.

При свете луны ему была довольно ясно видна внутренность этой камеры, ее убогое убранство, напоминающее убранство тюремных камер. В углу стояла жалкая кровать. С кровати виднелись очертания человеческого тела, бледное лицо, обрамленное темными локонами. Опять-таки, не деля ни малейшего шума, Бэк прошел к кровати и, положив тихо руку на лоб спящей пленницы, шепнул ей на ухо:

— Молли! Молли! Проснитесь!

Девушка вздрогнула всем телом, но удержалась от крика.

— Молли! Вы меня слышите? — шептала Бэк.

— Да! — чуть слышно отозвалась она. — Кто вы? Почему вы здесь?

— Меня прислал Берри Лонгвуд!

— Берри! Так вы же...

— Не тюремщик, мисс! — сухо засмехался Бэк. — Я пришел, чтобы вытянуть вас из этой берлоги, в которую вас заманили эти дьяволы. Но не делайте ни малейшего шума! Я уйду, вы покуда одевайтесь. У меня еще есть много дела.

И Бэк столь же неслышно, словно тень, покинул комнату Молли Бертон и вернулся в свою камеру. Там он принялся перепиливать тонкою ручною пилкою штанги железной решетки окна.

Эта работа длилась не менее часа. Потом Бэк разрезал на полосы простыню своей постели и два одеяла, соорудил из этого материала некоторое подобие веревки с узлами, один конец привязал к подоконнику, другой спустил осторожно вниз.

Было около часа ночи, когда Бэк спустился по своей импровизированной лестнице в сад коттеджа. Следом за ним спустился и Молли.

Без труда они перебрались через забор, в сад коттеджа, снятого Бэком. Там уже сторожил их вооруженный парой револьверов Берри, и Молли упала в его объятия.

— Ладно, дети! — остановил их излияния радости Бэк. — Поздороваться успеете завтра. Нам нельзя терять ни минуты. Я хочу своими руками схватить этих господ. Они прожужжали мне уши, называя меня трусом и старым обманом.

— Вот же! — Берри! Усаживай Молли на мой велосипед и оба идите к отцу Молли, который с нетерпением ждет вас. Потом возвращайся сюда. Да не забудь!

Часов около восьми-семи утра «слуга» в сопровождении «синьора Кардотти» пришел в коридор, должно-быть, чтобы проведать «торгаша».

Из камеры пленника доносились глухие стоны.

— Я голоден! — стонал жалобно Бэк. — Я умираю с голода!

— Потихе, потихе! — отозвался насмешливо из-за двери «синьор Кардотти».

Ничего не подозревая, итальянцы один за другим вошли в камеру, где ожидали найти, попрежнему опутанного веревками пленника. Берри при входе итальянцев спрятался за дверь, отворившуюся внутри, но, пропустив их, сейчас же захлопнул ее и схватил шедшего сзади «слугу». В то же мгновение Бэк бросился на «синьора Кар-

дотти» или, правильнее сказать, графа Сант-Бартоломео и наградил его двумя увеселительными пощечинами.

— Получи сначала это! — крикнул он.

Ошеломленный неожиданным нападением, итальянец упал.

Ударив его ногою в красивое лицо, Бэк крикнул Берри борющемуся со «слугою»:

— Подбери, мальчик, эту падаль и предоставь мне справиться с синьором Падовани, профессором философии и специалистом по части отравлений! «Слуга», вырвавшийся из рук Берри, взревел, как бык, и бросился, очертя голову, на Бэка, не обращая внимания на то, что у Бэка в руках блеснул револьвер.

Может-быть, итальянец, видя все потерянным, хотел бы найти смерть, чтобы избежать позора...

Но Бэк угадал его намерения, и, подпустив его на шаг, вместо того, чтобы стрелять, нанес «профессору» жестокий удар левым кулаком в лицо.

«Профессор» ответил целую дюжину ударов, но Бэк отпарировал все эти удары, а в то же время с какою-то механическою регулярностью наносил удар за ударом по лицу разбойника. Полминуты спустя, «профессор» со стоном упал к ногам Бэка. Мгновенно Бэк надел на его руки «предохранительные связки» или кандалы. Потом пришла очередь «синьора Кардотти», которого крепко держал Берри Лонгвуд.

Связав арестованных и по ногам, Бэк сказал Берри Лонгвуду:

— Теперь остался только один из членов этой теплой компании.

«Это тоже очень опасный субъект. В Париже он играл среди тамошних «апашей» видную роль и специализировался на гарротировании прохожих. Будем надеяться, что впредь ему не придется заниматься этим ремеслом...

Спустившись в нижний этаж, Бэк и Берри прокрались по коридору на кухню, где рассчитывали найти «гарротера». Но его там не было, а дверь из кухни была открыта.

— Онъ ходитъ по двору. Придется подождать его возвращенія! — промолвилъ Бэкъ.

Прождать пришлось не менѣ четверти часа.

«Гарротеръ», ничего не подозрѣвая, какъ и его товарищи, беззаботно переступилъ порогъ кухни, чтобы быть схваченнымъ сзади спрятавшимся за дверь Бэрри.

Однако этотъ человѣкъ, повидимому, не привыкъ терять голову и, вывернувшись изъ рукъ Бэрри, чуть не задушилъ жениха Молли Бертонъ.

Бэкъ во-время пришелъ на помощь къ своему младшему товарищу и пустилъ въ ходъ револьверъ, но не выстрѣлилъ, а попросту изо всѣхъ силъ ударилъ «гарротера» по головѣ массивнымъ револьверомъ. Итальянецъ упалъ, какъ подкошенный, выпустивъ изъ стальныхъ пальцевъ горло полузадушеннаго Бэрри.

— Кажется, Бэкъ, — испуганно вымолвилъ Бэрри, — вы ухлопали его!

— По крайней мѣрѣ, я надѣюсь, что я раздавилъ эту ядовитую гадину! — спокойно отвѣтилъ Бэкъ.

Замѣтивъ, что выраженіе испуга не сходило съ лица молодого человѣка, онъ продолжалъ сухо.

— И добавлю: очень жалѣю, что по нѣкоторымъ причинамъ, о которыхъ сейчасъ не время и не мѣсто распространяться, я не «ухлопалъ», какъ вы выражаетесь, ни графа Санъ-Бартоломео ни профессора Падовани, на что имѣлъ бы полное право.

— Бэкъ!

— Что вамъ, Бэрри?

— Это было бы ужасно!

— Развѣ?

«По-вашему, было бы ужасно уничтожить трехъ звѣрей въ образѣ! человѣческомъ, трехъ чудовищъ, преступленийъ которыхъ не счесть. Вотъ мы съ вами задержали ихъ. Ихъ передадутъ въ тюрьму. Потомъ будутъ судить. Потомъ приговорятъ на многолѣтнее тюремное заключеніе. Потомъ...»

«Потомъ они, въ одинъ прекраснѣйшій моментъ, при помощи товарищей, оставшихся на свободѣ, сбѣгутъ и снова примутся за свое проклятое ремесло...»

«А, впрочемъ...»

Бэкъ опять засмѣялся.

— Я, кажется, дѣйствительно пугаю васъ, лойялаго сына двадцатаго вѣка, своими теоріями?

«Когда-нибудь мы еще побесѣдуемъ на эту тему, дружище!»

«Теперь же сдѣлайте вотъ что! Я посижу тутъ, вы же возьмите свой автомобиль и слетайте въ ближайшій полицейскій участокъ. Тамъ вы предъявите вотъ эту мою записку. А затѣмъ вы свободны.»

— Я могу отправиться къ мистеру Бертону?

— Вы хотите сказать къ Молли Бертонъ? — улыбулся Бэкъ. — Можете, можете! Я въ вашей помощи больше не нуждаюсь!

Бэрри Лонгвудъ поторопился удалиться изъ коттеджа, въ которомъ разгласилась эта трагедія. Черезъ четверть часа цѣлый отрядъ констеблей явился туда, чтобы забрать двухъ арестованныхъ и третьяго мертвого, членовъ знаменитой разбойничьей ассоціаціи, извѣстной подъ именемъ «Черной Руки».

Судъ надъ всѣми арестованными еще не состоялся: судебному слѣдствію приходится и посейчасъ бороться съ невѣроятными трудностями и встрѣчаться съ упорнымъ противодѣйствіемъ, оказываемымъ явно подъ давленіемъ высокопоставленныхъ и вліятельныхъ товарищей графовъ Санъ-Бартоломео и «профессора философіи» Падовани.

Одно время переговаривали даже о дипломатическомъ вмѣшательствѣ. Но теперь эти слухи прекратились.

При помощи Пауля Бэка противъ подсудимыхъ накоплено столько неопровержимыхъ уликъ, что надѣяться на оправдательный приговоръ имъ, кажется, не приходится.

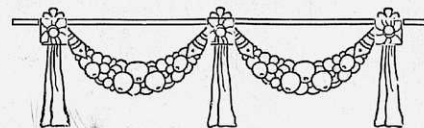
Остается возлагать надежды на то, на что указывалъ Пауль Бэкъ въ разговорѣ съ Бэрри Лонгвудомъ, то-есть на бѣгство послѣ приговора.

Но Англія—не Італія...

Едва ли «синьору Кардотти» когда-либо придется разыгрывать роль пѣвца или художника, а Падовани не вернется къ чтенію лекцій по философіи... и къ убійствамъ съ цѣлью грабежа.

	Стр.
Призраки. Разсказъ Фауста Баумгартена.	1
Милая гостыя. Разсказъ П. Томпсона.	27
Надъ Сахарою. Разсказъ М. Волохова.	31
Враги. Разсказъ Де-Вита.	46
Ртутный Биль. Разсказъ Элліса Уэльса.	52
Огонь. Изъ «Пѣсенъ о трудѣ» В. Украинцева.	62
Вѣсти невѣдомо откуда. Разсказъ М. Ходжсона.	68
„Честное слово“. Разсказъ Э. Каррелля.	87
„Черная рука“. Разсказъ Макъ-Доннелъ Бодкина.	93

7ил. 42
Книгоиздательство Т-ва И. Д. СЫТИНА.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ на СУШѢ и на МОРЕ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ СБОРНИКИ
романовъ, повѣстей и рассказовъ
разныхъ авторовъ.

ТАЙНА. *М. Де-Мара* и другіе рассказы.

КОШМАРЪ. *М. Де-Мара* и другіе рассказы.

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ. *Д. Хаслетъ* и другіе рассказы.

✓ **ЧЕРНАЯ ЯМА.** *Т. Бриджа* и друг. рассказы.

ПРИЗРАКИ. *Фауста Гаумгартена* и другіе рассказы.

ЗЕЛЕНАЯ СМЕРТЬ. *М. Де-Мара* и другіе рассказы.

✓ **КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.**
М. Волохова и другіе рассказы.

✓ **НАДЪ КРАЕМЪ ЛАЗУРНЫМЪ.**
М. Волохова и другіе рассказы.

СТРАХЪ. *М. Киттенберга* и другіе рассказы.

БАШНЯ МОЛЧАНІЯ. *В. Пэсгудъ.* Историческій рассказъ, и другіе рассказы.

СМЕРТЕЛЬНЫЕ ВРАГИ. *Э. Сальгари* и другіе рассказы.

МАЯКЪ. *Э. Сальгари* и другіе рассказы.

 Цѣна 30 коп.